

ISSN 2221-2698

электронный научный журнал
«Арктика и Север»

А И С

ФГАОУ ВО «Северный (Арктический)
федеральный университет имени М.В. Ломоносова»

**№ 31
2018**

Архангельск

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31

ISSN 2221-2698

Арктика и Север / Arctic and North. 2018. № 31

© Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, 2018

© Редакция электронного научного журнала «Арктика и Север», 2018

Журнал «Арктика и Север» зарегистрирован в Роскомнадзоре как электронное периодическое издание на русском и английском языках, свидетельство Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 г.; в Научной электронной библиотеке eLIBRARY, РИНЦ, лицензионный договор № 96-04/2011R от 12 апреля 2011 г.; научной электронной библиотеке «КиберЛенинка» (2016); в базах данных: Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, США (2013); NSD, Норвегия (2015); InfoBase Index, Индия (2015); ERIH PLUS, Норвегия (2016); MIAR, Испания (2016); OAJI (2017). Выходит в свет не менее 4 выпусков в год.

Учредитель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова», г. Архангельск. Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова. Все номера журнала находятся в свободном доступе (CC BY-SA) в Интернете на русском и английском языках. Правила направления, рецензирования и опубликования научных статей, декларация об этике опубликованы на сайте: <http://narfu.ru/aan/rules/>

Журнал публикует статьи, в которых объектом исследования являются Арктика и Север, по следующим группам специальностей: 03.00.00 Биология (в том числе экология; биологические ресурсы); 07.00.00 Исторические науки и археология; 08.00.00 Экономические науки; 22.00.00 Социологические науки; 23.00.00 Политология; 24.00.00 Культурология; 25.00.00 Науки о Земле (в том числе климатология; география).

Плата с авторов, в том числе с аспирантов и студентов, за публикацию статей не взимается. Гонорары не выплачиваются. Все рукописи подвергаются двойному слепому рецензированию. Редакция рассматривает факт направления и получения авторских рукописей как передачу авторами своих прав на публикацию в журнале «Арктика и Север» и размещение в базах данных, включая РИНЦ, DOAJ и другие, что способствует продвижению публикационной активности авторов и отвечает их интересам.

The journal "Arctic and North" (also known as "Arktika i Sever") is registered at Roskomnadzor as an internet periodical issued in Russian and English, Registration certificate El no. FS77-42809, November 26, 2010; at the system of the Russian Science Citation Index (RSCI), license contract no. 96-04/2011R, April 12, 2011; Scientific Electronic Library "Cyberleninka" (2016); In the catalogs of international databases: Directory of Open Access Journals — DOAJ (2013); Global Serials Directory Ulrichsweb, USA (2013); NSD, Norway (2015); InfoBase Index, India (2015); ERIH PLUS, Norway (2016); MIAR, Spain (2016); OAJI (2017). The journal is issued not less than 4 times per year.

The Founder is Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia. Editor-in-Chief is Elena V. Kudryashova, Dr. Sci. (Phil.), Professor, Rector of Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov. All journal issues are available free of charge (CC BY-SA) in Russian and English at the webpage of the journal. Rules and regulations on submission, peer reviews, publication and the Declaration of Ethics are available at: <http://narfu.ru/en/research/journals/ann/requirements.php>

The Journal is devoted to the scientific articles focused on the Arctic and the North relevant for the following professional degrees: 03.00.00 Biology (including ecology; biological resources); 07.00.00 History and archaeology; 08.00.00 Economics; 22.00.00 Social science; 23.00.00 Political science; 24.00.00 Culturalology; 25.00.00 Geoscience (including climatology; geography).

No payments for publication are collected from authors, including students and post-graduate students. Honorariums are not paid. All manuscripts are reviewed using double blind peer review system. The Editorial Board considers receiving of the manuscripts as an authors' transfer of rights to be published in "Arctic and North" and be placed in the databases, including but not limited to RSCI, DOAJ and OAJI, that assists and promote the publishing activity of the authors and is in authors' interests.

Our English webpage is located at: <http://narfu.ru/en/research/journals/ann/>

We will be glad to see you among the authors of "Arctic and North"!

СОДЕРЖАНИЕ CONTENTS

ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, СОЦИУМ И КУЛЬТУРА ECONOMICS, POLITICAL SCIENCE, SOCIETY AND CULTURE

- ЗАМЯТИНА Н.Ю., ПИЛЯСОВ А.Н.** Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: поли-
масштабный междисциплинарный синтез 5
ZAMYATINA N.Yu., PILYASOV A.N. The new theory of the Arctic and Northern development: multi-
scale interdisciplinary synthesis
- КАТОРИН И.В.** Формирование Арктической зоны РФ как фактор развития региона: постановка
вопросов (на примере Архангельской области) 28
KATORIN I.V. Establishing the Arctic Zone of the Russian Federation as a factor of the regional devel-
opment: raising questions (the case of the Arkhangelsk region)
- МАЛИК Л.С., МЕЛКАЯ Л.А.** Территориальная социальная работа как условие повышения каче-
ства жизни населения северного региона 41
MALIK L.S., MELKAYA L.A. Community social work as a condition for improving the quality of life of
the population of the northern region

СОВРЕМЕННАЯ АРКТИКА: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА, ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И БЕЗОПАСНОСТИ CONTEMPORARY ARCTIC: ISSUES OF INTERNATIONAL COOPERATION, POLITICS, ECONOMICS AND SECURITY

- ГОВОРОВА Н.В.** Человеческий капитал — ключевой актив хозяйственного освоения арктических
территорий 52
GOVOROVA N.V. Human capital — a key factor of the Arctic economic development
- ЖУРАВЕЛЬ В.П.** Арктика как постоянно развивающееся многомерное пространство 62
ZHURAVEL V.P. The Arctic as a constantly evolving multidimensional space
- ЗАГОРСКИЙ А.В.** Военное строительство в Арктике в условиях конфронтации России и Запада 80
ZAGORSKI A.V. The Arctic defense postures in the context of the Russia-West Confrontation

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

- ГОВОРОВА Н.В., ЖУРАВЕЛЬ В.П.** Многоликая Арктика: горизонты развития 98
GOVOROVA N.V., ZHURAVEL V.P. A multidimensional Arctic: horizons of development
- МАКСИМОВ А.М.** Вышел в свет новый научный труд о хозяйственном и социокультурном освое-
нии российской Арктики 105
MAXIMOV A.M. A new scientific publication on the economic and socio-cultural development of the
Russian Arctic
- НИЛЬСЕН Й.П., ТЕВЛИНА В.В.** Большое научное турне на Севере России 109
NIELSEN J.P., TEVLINA V.V. A great scientific tour in the North of Russia

**РЕЗЮМЕ
SUMMARY**

Авторы, названия, аннотации, ключевые слова Authors, titles, abstracts, and keywords	116
Редакционный совет журнала «Арктика и Север» Editorial board of the “Arctic and North” journal	123
Выходные данные Output data	125

ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, СОЦИУМ И КУЛЬТУРА ECONOMICS, POLITICAL SCIENCE, SOCIETY AND CULTURE

УДК [911.3:33](98)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.5

Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез*

© **ЗАМЯТИНА Надежда Юрьевна**, кандидат географических наук, ведущий научный сотрудник

Тел.: 8-906-095-22-62. E-mail: nadezam@yandex.ru

Московский государственный университет, Москва, Россия

© **ПИЛЯСОВ Александр Николаевич**, доктор географических наук, профессор

Тел.: 8-916-629-54-29. E-mail: pelyasov@mail.ru

АНО «Институт регионального консалтинга», Москва, Россия

Аннотация. После ярких достижений советской освоенческой школы в последние 30 лет возникла длительная пауза: доминируют частные работы по отдельным, в том числе новым, направлениям. Между тем потребность в широком научном обобщении практических усилий по развёртыванию в Арктике и на Севере крупных и малых хозяйственных проектов — огромная. Авторы ставят перед собой задачу по разработке новой комплексной теории освоения Севера и Арктики, которая бы представляла собой синтез лучших достижений советской школы, зарубежных работ по фронтиру и современных исследований региональной науки в области инновационного развития. На их взгляд, её ключевой особенностью является упор на локальное, местное развитие, эндогенные факторы освоения, которым ранее не придавалось должного значения. Конструктивный синтез внешних и внутренних факторов освоения должен теперь формироваться «снизу», от самой территории, а не из федерального центра. Обозначаются и подробно характеризуются четыре новых исследовательских приоритета в изучении процесса освоения Севера и Арктики: анализ местного институционального капитала; особое внимание к конфликтам и противоречиям в процессе освоения природных ресурсов территории; внимание к эволюции системы расселения; своеобразие взаимодействия больших и малых форм освоения данной территории. Новую идеологию изучения освоения предполагается апробировать в процессе полевых и экспедиционных исследований в районах Севера и Арктики.

Ключевые слова: освоение Севера и Арктики, природопользование, глокальность, большие и малые формы освоения, многоуровневый процесс.

The new theory of the Arctic and Northern development: multi-scale interdisciplinary synthesis

© **Nadezhda Yu. ZAMYATINA**, Cand. Sci. (Geogr.), leading researcher

Tel.: +7-906-095-22-62. E-mail: nadezam@yandex.ru

Moscow State University, Moscow, Russia

© **Alexander N. PILYASOV**, Dr. Sci. (Geogr.), professor

Tel.: +7-916-629-54-29. E-mail: pelyasov@mail.ru

Institute of Regional Consulting, Moscow, Russia

Abstract. After the bright achievements of the Soviet development school in the past 30 years, there was a long pause. Meanwhile, the need for a broad scientific generalization of practical efforts to deploy large

* Для цитирования:

Замятина Н.Ю., Пilyasov А.Н. Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 5–27. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.5

For citation:

Zamyatina N.Yu., Pilyasov A.N. The new theory of the Arctic and Northern development: multi-scale interdisciplinary synthesis. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 5–27. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.5

and small economic projects in the Arctic and the North is enormous. The authors set the task of developing a new complex theory of the North and the Arctic development, which would be a synthesis of the best achievements of the Soviet school, foreign frontier studies and the modern regional science studies of the innovative development. In the authors' view, its key feature is the emphasis on local development and the endogenous factors of the development, which had no attention before. Constructive synthesis of external and internal factors of colonization should be formed "from below", from the territory itself, not from the federal center. Four new research priorities in the new study of the North and the Arctic development are identified and described in detail with a focus on: the analysis of local institutional capital; conflicts and contradictions of the natural resource development; the evolution of the settlement system; and the interaction of large and small forms of development of the territory. The new ideology of studying the Northern and Arctic development is supposed to be tested during the field and expeditionary study in the North and the Arctic regions.

Keywords: *the North and the Arctic development, resource management, glocality, large and small forms of development, a multi-scale process.*

Введение

После мощных работ классиков советской освоенческой школы 1960–1980-х гг. возникла длительная пауза. Новой теории освоения, адекватной современным реалиям глобализации, постиндустриальной трансформации, экономики знания, многоакторности участников данного процесса и разнообразия форм собственности основных субъектов хозяйствования, пока не предложено. По сути, современное освоение Арктики и Севера России остаётся без должного теоретического и методологического аппарата, исследования в этой области ограничиваются частными темами (обеспеченность ресурсами, особенности развития коренных народов, отток молодёжи и т.п.), причём проблема состоит не только в отсутствии или слабости обобщающих работ, но и в фундаментальной невозможности лобового применения зарубежных теорий региональной науки к арктическим и северным условиям в силу доминирования других факторов развития, других социально-экономических процессов; а также частном, дробном, неконцептуальном характере большинства исследований, которые проводятся на севере и в Арктике Канады, США, в Северной Европе.

Впервые в мире поставлена задача сформировать такую целостную теорию для районов Севера и Арктики на основе фундаментальных зональных закономерностей. С одной стороны, ни одна из зарубежных стран не в состоянии сделать это просто в силу меньшего размера самой территории Арктики и Севера и, следовательно, объективно меньшего масштаба самого процесса освоения и меньшей потребности в его концептуализации: зачем изобретать революционный новый велосипед, если можно обойтись более комфортной простой экстраполяцией господствующих в умеренной зоне мейнстрим-концепций на Север и Арктику?

С другой стороны, современная методологическая база, теория и инструментарий зарубежной региональной науки (понимаемой как комплекс наук, направленных на изучение регионального развития, и включающий экономические, экономико-географические, социологические и другие подходы и методы) сформирован на материале плотно населённых территорий с густой сетью городских поселений (преимущественно в Западной Европе и Се-

верной Америке) и ни в коей мере не учитывает реалии освоения экстремальной арктической и северной зоны.

Получается, что Россия просто обречена на творчество в этой области размерами своей северной и арктической зоны и масштабом связанных с ними проблем обустройства и природопользования.

Актуальность исследования

За последние 25 лет в мировой общественной науке произошла методологическая революция. Фокус внимания исследователей радикально сместился. Если раньше внимание было акцентировано на внешних факторах функционирования систем (в экономике это проявилось в концепции экзогенного экономического роста, в социологии — во внимании к внешней среде, в демографии — в концепциях переходов, предполагающих единые стадии развития для всех сообществ — и т. д.), то начиная с 1980–90-х гг. внимание исследователей переместилось к изучению внутренних факторов функционирования систем. В экономике это обозначилось как переход к эндогенной теории экономического роста, в социологии — к изучению процессов микроуровня, в демографии — к рождению институциональной демографии и отходу от теории единого стадийного демографического перехода.

Возникло представление о гетерогенности внутренних факторов развития социальных систем, которые в прежних подходах полагались однородными. Эта методологическая революция захватила широкий спектр общественных дисциплин и разрабатываемых ими концепций и теорий. Она радикальным образом преобразовала методологию и методы, стратегию и тактику исследований. В экономике, социологии, антропологии, истории практически одновременно произошёл прорыв, как принято говорить, «внутрь чёрного ящика» регионального развития.

При этом парадоксально, что теория хозяйственного освоения ресурсов Севера и Арктики не подверглась этой трансформации, и в ней по умолчанию сохраняются прежние постулаты, состоящие в том, что процессы рассматриваются с позиции исключительно внешнего воздействия: инвестиций из федерального бюджета или инвестиций транснациональных компаний, направленных на сооружение крупных инфраструктурных объектов (мегапроектов), создание полюсов роста.

При таком подходе хозяйственное освоение определяется сверху, его инициаторами и драйверами выступают внешние по отношению к территории силы (федеральный уровень), а сам этот процесс видится территориально однородным, безразличным к специфике места своего развёртывания. Концептуальный аппарат изучения процессов освоения по объективным причинам остался на уровне конца 1980-х гг., практически не претерпев изменений. Это внятно подтверждает проведённый нами анализ полутора тысяч зарегистрированных в системе РИНЦ работ последних 25 лет, содержащих ключевые слова «освоение Севера, Арктики», «развитие Севера, Арктики»: в абсолютном большинстве территориальная

специфика конкретных мест освоения не учитывается, пространство рассматривается лишь как вместительное ресурсное; собственные свойства местного пространства, территории не принимаются во внимание.

Правда, за рубежом продолжает развиваться концепция фронта, в рамках которой традиционно изучаются процессы не только макро-, но и микроуровня. Однако в силу маргинального положения самих территорий нового освоения в зарубежных странах (Аляска для США, арктические территории для Канады, Гренландия для Дании, Лапландия для Скандинавии и т.п.), теория фронта до сих пор не представляет собой законченной системы.

Таким образом, в России налицо наличие мощной ещё советской теории, которая «обветшала», а за рубежом — теория более современная, но и более частная, более узкая.

А между тем в других науках произошла методологическая революция, сама суть которой требует принципиального пересмотра объекта изучения теории освоения — территории. В подавляющем большинстве работ по общественным наукам в целом территория из простого вместительного пространства становится важным актором социально-экономических, и в первую очередь, инновационных процессов. Местная специфика, локальные процессы лежат в основе возникновения таких мощных концепций, как концепция региональных и локальных инновационных систем, инновационной среды, кластерного развития, в основе всего современного инновационного развития.

Картина мира, основанная на наших эмпирических наблюдениях, даёт возможность предположить, что недостаточно внимательный подход к местной специфике недопустим. На данный момент кажется невозможным игнорирование местного контекста социально-экономического развития, в том числе как среды развёртывания освоения ресурсов Севера и Арктики. Сверхзадача состоит в том, чтобы осовременить теорию освоения путём включения в неё современных подходов, заключающихся в опоре на системное единство глобальных и локальных процессов (принцип «глокальности»). Только так теория освоения из арьергарда общественных наук сможет выйти на позиции, адекватные современному уровню развития мировой общественной науки.

Важно, что этот методологический прорыв не может быть совершён в зарубежных науках и воспринят нами как «зарубежные передовые практики». Теория хозяйственного освоения — это традиционно российская сфера исследования, внимание к которой обусловлено беспрецедентными масштабами процессов освоения территорий Сибири, Севера и Арктики, их огромным значением в развитии России. Просто в силу объективных причин ни на скандинавском Севере и Арктике, ни в Гренландии, ни в Канадской Арктике, ни на Аляске не может возникнуть масштабной теории освоения.

Прикладная актуальность разработки такой новой теории определяется многочисленными проблемами и противоречиями, которыми сопровождается современное освоение ресурсов и пространств районов Севера и Арктики: необходимость гармонизации интересов коренных малочисленных народов Севера и ресурсных компаний, выработки механизмов

«омоложения» многих старопромышленных и монопрофильных территорий Севера и Арктики, реализации новых крупных проектов на шельфе и суше — при недостаточности опыта и компетенций и др.

Три источника, три составных части новой теории освоения

Для выработки новой теории освоения Севера и Арктики необходима интеграция трёх основных блоков научных исследований. Первый блок — это наработки советской североведческой школы. Второй — это работы последних двух десятилетий, выполненные в рамках зарубежной школы фронта, а также ряда других направлений изучения ресурсных территорий. Третий блок объединяет ряд направлений зарубежной и российской региональной науки, большая часть которых разработана без учёта специфики арктических территорий, однако при определённых усилиях может стать источником ценных методологических и методических положений, пригодных для анализа процессов освоения северных и арктических территорий. Все три блока развиваются практически независимо друг от друга, и задача состоит в их интеграции. Рассмотрим состояние исследований отдельно по каждому блоку.

Первый блок. В советское время были сформированы базисные направления в социально-экономических исследованиях освоения Севера СССР: промышленного и транспортно-освоения [1, Славин С.В.]; заселения необжитых территорий [2, Покшишевский В.В.]; оценки природных ресурсов и их территориальных сочетаний [3, Минц А.А., с. 16–39]; формирования хозяйственных комплексов в Сибири [4, Бандман М.К., с. 8–114]; комплексного освоения Севера [5, Витязева В.А., с. 107–110]. Впоследствии все они получили дальнейшее развитие и стали основой целостной теории хозяйственного освоения северных территорий СССР, которая была окончательно сформирована в 1970-е гг.

В результате объединённых усилий специалистов различных школ и направлений прежние разрозненные блоки исследований были сплавлены в единую теорию хозяйственного освоения районов Севера: был сформирован её понятийный аппарат, введено в научное сообщество представление об экономических пространственных системах как объекте освоения. Резко расширило методологические возможности научного анализа определение освоения как экономико-географического процесса, который приводит к образованию новых пространственных структур и направлен на реконструкцию социально-экономического пространства [6, Космачев К.П., с. 8]. Очень конструктивными были разработанные К.П. Космачевым представления о развитии процесса освоения «вглубь» и «вширь», его неравномерности в пространстве и непрерывности во времени [6, Космачев К.П., с. 9, 66].

Усилиями освоенческих советских школ к концу 1980-х гг. был сформирован понятийный аппарат теории, состоящий из нескольких крупных блоков: типы освоения, стадии (этапы, фазы) освоения, освоенность, циклы освоения, трассы и базы как элементы территориальной структуры освоения. Идея циклов освоения всегда имела множество трактовок: циклы как типы освоения [7, Зайцев И.Ф.]; историко-географические циклы [8, Дергачев В.А., с.

82–86], ресурсные циклы [9, Мосунов В.П., Никульников Ю.С., Сысоев А.А., 10, Комар И.В.] и др. Познание территориально-хозяйственных структур, обеспечивающих высокую эффективность процесса освоения, стало важным направлением исследований иркутской школы [11, Космачев К.П. и др., с. 84–92]. Ключевым здесь стало понятие опорного каркаса — взаимосвязанной органически целостной системы линейных коммуникаций (трасс освоения) и узловых, точечных объектов (баз освоения).

Новый этап развития теории освоения северных территорий был открыт радикальной экономической реформой в России. Произошла кардинальная смена всей экономической парадигмы регионального развития Севера с планово-командной на рыночную. Новые темы стали доминировать в социально-экономических исследованиях Севера: структурная политика [12, Структурная политика], соотношение рыночных и государственных механизмов в освоении северных территорий [13, Лузин Г.П., Павлов К.П.], формирование региональных рынков [14, Пилясов А.Н.], особенности северной приватизации, социальные последствия экономической реформы [15, Навасардов С.М., с. 48–52] и т. д.

В 1990-е и 2000-е гг. усилиями российских учёных осуществлялась целенаправленная адаптация зарубежного опыта функционирования северной экономики к новым возникающим реалиям освоения российского Севера [16–19, Пилясов А.Н.]: по сути, была заложена база для интеграции российской (советской) и зарубежной североведческой науки. Здесь нужно специально отметить цикл из трёх монографий («Северная экономика и радикальная реформа (американский опыт и российские реалии)»; «Российский Север и федерализм: поиск новой модели» и «От патернализма к партнёрству (строительство новых отношений народов Севера и государства)»), в котором накопленный опыт ресурсного и в целом экономического развития штата Аляска и отчасти северной Канады творчески преломлялся к условиям российских северных регионов. Был отмечен существенно более длительный возраст хозяйственного освоения многих северных районов России, чем за рубежом, в силу этого — значительно более мощный накопленный индустриальный слой освоения, специфика трансформации административно-командной модели освоения Севера, общая масштабность и колоссальное разнообразие версий северной экономики на российском Севере.

Именно в этих работах, выполненных во второй половине 1990-х гг., впервые в мире было концептуально сформулировано представление об особом феномене северной экономики. В северной экономике институты тесно сцеплены с природными активами и их жизненным циклом. Для молодых ресурсных провинций требуются одни институты, для более зрелых — другие, для старых — третьи [20, Крюков В.А.]. Тем не менее, есть и общие закономерности формирования институтов управления природопользования для всех северных территорий мира.

Выполненное нами обобщение более одной тысячи российских исследовательских работ по освоительской тематике за период последних 15–20 лет (на основании базы данных

e-library; ключевые слова: «экономическое развитие», «освоение Севера и Арктики») свидетельствует о значительных подвижках в проблематике по сравнению с советским временем.

Первоначальный поиск по ключевым словам «освоение пространств и ресурсов Арктики и Севера», «развитие Арктики и Севера» дал более полутора тысяч наименований опубликованных источников. В дальнейшем мы осуществили несколько раундов «чистки» исходной базы на основании названий опубликованных работ:

- была исключена вся литература по истории освоения, заселения, развития территорий Арктики и Севера: для целей нашего исследования необходим временной период двух последних десятилетий, когда в России реально началось новое освоение ресурсов и пространств Арктики и Севера. Исторические, многовековые аспекты освоения Арктики и Севера России находятся вне рамок данного исследовательского замысла. Это привело к сокращению сразу нескольких сотен источников;
- были исключены все повторы источников, которых оказалось несколько десятков;
- затем были пилотно рассмотрены первые двести источников, чтобы исходно наметить основные рубрики, по которым стратифицируется тематика нового освоения. Так возникло около 20 направлений развития данной темы. В последующем все остальные сотни источников классифицировались (раскладывались) по этим наметленным рубрикам. Одновременно источники, которые, как показывало более детальное рассмотрение, не содержали пространственного аспекта, либо попали в нашу исходную базу случайно, либо не позволяли по своим названиям чётко определить исследовательскую тематику, исключались из рассмотрения. Таких оказалось несколько сотен;
- Дальнейший процесс селекции потребовал ввести ещё несколько дополнительных рубрик, которых оказалось 26. В итоге мы имеем почти полсотни источников опубликованной литературы по теме нового освоения Арктики, которая даёт отчётливое представление о широте и конкретных направлениях исследовательского поиска внутри этой темы за последние два десятилетия (табл. 1).

Таблица 1

Тематическая структура исследовательского потока публикаций по освоению Севера и Арктики (по состоянию на 1 октября 2017 г. по базе e-library – www.elibrary.ru)

Направление	Количество статей, источников
1. Нефтегазовое освоение шельфа ¹ как крупная народнохозяйственная проблема Арктики	58
2. Риски и безопасность	45
3. Инновационные формы современного освоения Севера и Арктики	43
4-5. Инфраструктурные вопросы освоения Севера и Арктики	39
4-5. Международное сотрудничество в освоении и роль глобализации	39
6. Широкий комплексный взгляд — методология освоения	34
7. Освоение минерально-сырьевых и топливно-энергетических ресурсов Севера и Арктики	30
8. Институциональные факторы освоения	29
9. Территориальные структуры освоения	21
10-11. Трудоресурсные факторы освоения Арктики	15
10-11. Проектный подход к освоению	15
12. Зарубежный опыт освоения	14
13-14. Экологические факторы освоения Арктики	11

¹ Жирным шрифтом выделены сюжеты, которые 30 лет назад в советских исследованиях по теме освоения отсутствовали.

13-14. Аборигенные аспекты и вопросы освоения (традиционное знание)	11
15. Санкции и освоение	10
16. Изменения климата и природно-климатические факторы освоения	9
17-18. Управление освоением	8
17-18. Уровни и региональные версии процесса освоения Арктики	8
19-21. Северный морской путь	7
19-21. Рекреационное освоение Севера и Арктики	7
19-21. Инженерно-технологические, социальные факторы освоения	7
22-23. Освоение прибрежных районов и зон Арктики	6
22-23. Продовольственная безопасность районов освоения Севера и Арктики	6
24. Крупный бизнес в освоении	5
25. Финансово-налоговые факторы освоения	3
26. Освоение биологических ресурсов морской Арктики и морские биотехнологии	2

Перечислим кратко основные векторы:

1. Самым крупным новшеством следует признать глобальный международный контекст процесса освоения ресурсов и пространств Севера и Арктики по многочисленным срезам: сама возможность освоения новых проектов определяется мировой конъюнктурой цен на ресурсы Арктики, китайские инвесторы масштабно приходят в арктические ресурсные и инфраструктурные проекты, передовые практики и технологии других полярных стран используются Россией в новых мегапроектах. Это тенденции «на плюс». С другой стороны, санкции и ограничения в передаче передовых технологий и инвестиций затормаживают геологоразведочные работы и ввод новых уже открытых месторождений на шельфе российских арктических морей. Это тот случай, когда мировая конъюнктура и глобализация работает «на минус» в освоении ресурсов и пространств Арктики и Севера России.

2. Другое новшество связано с темой рисков и безопасности — самых разнообразных, и далеко не только военных, как это было в советское время, — экологических, продовольственных, энергетических и др. Освоение Арктики и Севера впервые стало пониматься как высокорисковый вероятностный процесс, и этому пониманию способствовал приход бизнеса — крупных корпоративных структур (когда было одно государство, говорить о невоенных рисках просто было не принято).

3. Абсолютно новой темой стало освоение шельфа и весь спектр инвестиционных, экологических, геополитических и других проблем, с ним связанных. Без сомнения, сегодня это передний фронт исследований, связанных с освоением природных ресурсов Арктики.

4. Конечно, совершенно по-новому, акцентированно стала звучать тема освоенческих инноваций. И в советское время неоднократно утверждалось, что Арктика и Север, безусловно, потребуют технологических, инженерных новшеств — но, как правило, на уроках освоения зарубежного Севера. Сейчас же это стало императивом для освоения природных богатств Арктики и Севера России. К этой теме примыкает проблематика арктических и северных университетов, местной науки, которые консолидируют квалифицированные кадры в интересах генерирования арктических инноваций.

5. Тема изменений климата в значительной степени под влиянием наших зарубежных коллег, но также и реальной практики многих районов Арктики и Севера, материально-техническая база которых и «соцкультбыт» испытывают разрушительные трансформации под влиянием новой климатической нестабильности (участившиеся аварии на газо- и нефтепроводах, трещины в жилых домах арктических городов ввиду проседания пород при оттайке вечной мерзлоты и др.) вошла в освоенческую тематику всерьёз и, видимо, надолго.

6. Совершенно новой темой стали институциональные факторы освоения Севера и Арктики, понимаемые очень многоаспектно: и как увязка (координация) интересов всех акторов, участвующих в этом процессе, в том числе в освоении крупных мегапроектов, и как роль стимулов и барьеров для хозяйственного освоения, создаваемых федеральной, региональной и местной нормативной правовой базой, и как роль местной власти в виде стимулятора освоенческих процессов и др.

7. Отдельное место в изучении освоения Арктики стали занимать прибрежные территории именно в силу высокой природной и социальной нестабильности, которые им присущи. То есть внутри Арктики обособляется узкая кромка береговых муниципальных образований, для которых предлагается своя палитра методов и подходов при изучении процессов освоения ресурсов и пространств: например идеология морского планирования и экосистемного управления. Аналогично внутри Арктики выделяется тематика арктических «островов», лишённых круглогодичной связи с «материком», и тема арктического «континента», территории которого находятся в сети постоянной наземной дорожной коммуникации.

Очень немногочисленны, но важны работы, в которых видны попытки увязки глобальных, национальных, региональных и местных интересов и уровней освоения Арктики и Севера (обычно исследователи, как и в советское время, остаются на каком-то одном уровне рассмотрения объекта своего изучения).

Несмотря на обилие работ, выполняемых в последние десятилетия по проблемам Севера и Арктики, нужно констатировать утрату целостности видения процесса освоения Севера, присущую советским разработкам.

Второй блок. Пожалуй, наиболее широким, комплексным направлением исследованием территорий нового освоения в зарубежных странах является школа фронта. Школа фронта насчитывает более 100 лет, и сильно эволюционировала за это время [21–22, Billington R.A.] [23, Turner F.J., pp. 199–227]. Так, например, выдающийся японский экономист М. Фудзита описал современный фронт в Юго-Восточной Азии, основанный на первичном вовлечении в экономику огромных трудовых ресурсов сельского населения стран этого региона [24, Fujita M., Mori T., pp. 39–62]. Фронтальный перелом здесь заключается в том, что из потребителей товаров массового спроса страны становятся их производителями — резко меняется вся система отношений в обществе. Большой прорыв был совершён в последние 20 лет и в области современной концептуализации фронта северных регионов. Здесь выдающееся значение принадлежит работам аляскинского экономиста Ли Хаски. Основные ис-

следовательские линии Л. Хаски (на примере его основных работ последних трёх десятилетий) состоят в следующем:

- Моделирование межотраслевых связей и внимание к структурным сдвигам в экономике на протяжении ресурсного освоения в духе идей А. Хиршмана о взаимном влиянии одних видов экономической деятельности на другие [25–26, Huskey L.]. Автор разработал модель «Анкоридж и шесть районов», которые вместе формируют штат Аляска (суть её в том, что экономика Анкориджа в силу отсутствия у него машиностроения существенно больше связана с окрестными районами Аляски, чем с национальным уровнем), и модель городской северной форпостной сервисной базы для остальной территории штата (модели межрайонных потоков товаров, услуг и рабочей силы); проанализирована роль крупнейшего города Аляски Анкориджа в обеспечении ресурсного развития всего штата.
- Фронтирная арктическая экономика и её очень специфичные законы [27–29, Huskey L.]. В этой группе работ проводится анализ замещения импорта на фронтире в результате структурных сдвигов под влиянием «взросления» экономики пионерного фронтирного региона. Важный вывод: если при росте экономики на начальном этапе возникает опережающий рост сервиса за счёт эффекта замещения ввоза, то на стадии сжатия ресурсного производства сектор услуг сжимается меньше, чем ресурсный сектор, что обеспечивает определённую устойчивость экономики. Ли Хаски возвращается к известной «гипотезе Джека Лондона» о том, как после спада золотой лихорадки территории, сумевшие на стадии бума выстроить сектор услуг, сохраняют свою устойчивость. Данная группа работ имеет важное прикладное значение с точки зрения планирования жизненного цикла ресурсных территорий. По сути, показано, что долгосрочная стратегия экономического развития фронта — это укрепление местных связей между видами деятельности.
- Разработка концепции отдалённости [30–31, Huskey L.]. Основная идея — многообразии проявления отдалённости: географической, экономической и институциональной. Сосуществование географической, культурной и институциональной удалённости не позволяет использовать стандартные приёмы содействия экономическому росту. Поэтому традиционные подходы по привлечению капитала или обучению могут не сработать в удалённых регионах.
- Трёхсекторная экономика трансфертов, жизнеобеспечения и рыночных ресурсов [32, р. 435]. Предложена идея смешанной трёхсекторной сельской экономики Аляски: трансфертный, традиционный и рыночный секторы. Чем меньше село, тем больше конвергенция и гибридизация между секторами. Чем крупнее село, тем больше обособлены все три сектора друг от друга.

Работы Ли Хаски и его соавторов можно считать ядром фронтирной тематики. Кроме того, за рубежом разрабатывается ещё целый ряд более узких, отраслевых направлений исследований Арктики, в том числе новые темы, которые не звучали ещё десятилетие назад, и темы, которые в последние годы получили новое звучание:

- Городской Север: города как новое богатство северных и арктических территорий связаны с процессами инновационного развития, постиндустриальной трансформации, созданием инфраструктуры экономики знания (университетов, бизнес-инкубаторов, венчурных фондов и др.), прежде всего приуроченных именно к ним.
- Изменения климата в Арктике с очень разных сторон: и в гендерном плане (различия стратегий адаптации к изменениям климата женщин и мужчин арктических сообществ), и в этническом плане (как этнический состав национальных сёл воздей-

ствуется на адаптационный потенциал), и в аспекте новых возможностей арктического судоходства, новой активности горной отрасли в Арктике и на Севере, позитивного воздействия изменений климата на арктическое агропроизводство.

- Исследования по горной отрасли на Севере и в Арктике систематизируются в рамках крупного международного проекта «Арктикфронт». В отличие от прошлой волны активности горной промышленности 30–50 лет назад, в новой волне индустриализации Севера участвуют в основном глобальные компании — многонациональные ресурсные корпорации [33, Nilsen Trond et als.]. Глобализация проявляется также в росте доли международных вахтовиков среди работников, занятых в арктических мегапроектах [34, Heliak T.]. По сравнению с работами 30-летней давности по горной отрасли Севера, новые исследования существенно сильнее акцентируют социальные и экологические вопросы её деятельности (человек в горной отрасли Арктики).
- Северный АПК — продовольственная безопасность — здоровье. Погружение развития местного агросектора в существенно более широкий, чем ранее, контекст — образования, местной занятости, экономической независимости и др. [35, Avard Ellen]
- Новые страны-акторы внутри и вне Арктики: Гренландия — Китай — Азия. Новые динамичные акторы в Арктике, усилиями которых в первую очередь быстро изменяются и агрегатные характеристики всей арктической зоны. Работы по Гренландии как самой радикально меняющейся в последние два десятилетия полярной стране; с другой стороны, работы по Китаю и азиатским странам, которые стремительно и неожиданно проявились как активно интересующиеся Арктикой страны в последнее десятилетие.
- Экономика знания на Севере и в Арктике. Здесь речь идёт о развитии знаниевой инфраструктуры в Арктике, укреплению существующих и созданию новых исследовательских центров и университетов для обеспечения устойчивости социально-экономического развития Арктики [36, Dorais-Drapaeva], о создании местных компетенций, о накоплении и практическом использовании традиционного знания аборигенных народов в местном развитии [37–38].
- Освоение ресурсных северных и арктических территорий в контексте проблемы «управления общим» (governing the commons), ко-менеджмента. Речь идёт о работах в изучении ресурсов общественной собственности Севера и поисках форм бесконфликтного управления ими на путях адаптационного менеджмента и соуправления [39–40].

Третий блок — это выполненные в последние десятилетия концептуальные работы в области территориального, пространственного развития на материале плотно населённых территорий ведущих западных стран. В основе многих из них лежит концепция новой экономической географии лауреата Нобелевской премии П. Кругмана. Также среди важнейших направлений — концепция региональной инновационной системы Ф. Кука, кластерная теория, принципы новой экономической политики, базовые методологические положения институциональной экономики и географии. Основными теоретическими положениями данной совокупности концепций являются следующие:

- в основе интенсификации социально-экономического развития городов и регионов лежит инновационный процесс, движущей силой которого является постоян-

- ный инновационный поиск, осуществляемый местным сообществом (власть, бизнес, некоммерческие организации, структуры гражданского общества и др.);
- ключевыми драйверами (движущими силами) социально-экономического развития при таком подходе являются эндогенные, внутренние факторы. Опора на эндогенные драйверы социально-экономического развития позволяет нейтрализовать отрицательное влияние внешних факторов и рационально использовать экзогенные возможности развития;
  - инновационный поиск осуществляется в местной инновационной системе, включающей крупный, малый и средний бизнес, институты генерации и адаптации нового знания, образовательные учреждения, администрацию муниципального образования или региона, общественные организации. Успех инновационного процесса в значительной степени зависит от возможностей согласования интересов всех заинтересованных сторон (стейкхолдеров), от характера и форм коммуникаций между ними;
  - важнейшими факторами инновационного процесса являются «мягкие», институциональные: качество человеческого капитала, плотность и качество институциональной среды, качество инновационной инфраструктуры (организации, действующие в сфере НИОКР, а также в сферах передачи и адаптации нового знания), поглощающая способность местной инновационной системы и местного сообщества с точки зрения усвоения инноваций, особенности социального капитала местного сообщества (в том числе инновационный, творческий потенциал местной диаспоры в других городах и странах мира), роль креативного класса в местном сообществе, местные поведенческие и культурные установки и др. Важная роль в развёртывании местного инновационного процесса отводится предпринимательству.

Важнейшими барьерами инновационного процесса и, соответственно, интенсификации местного социально-экономического развития, признаются функциональные, политические и когнитивные блокировки развития, типичные для старопромышленных городов и регионов. Функциональные блокировки возникают в результате инерционно сохраняющейся десятилетиями системы контрактов основных городских предприятий. Политические блокировки возникают по причинам плотного взаимодействия городских властей преимущественно лишь с самыми крупными игроками местной экономики (структурообразующими предприятиями). Когнитивные блокировки возникают в силу идейной зашоренности лиц, принимающих решения по поводу развития города исключительно на тех траекториях развития, которые сложились в последние десятилетия.

Основные положения региональной науки последних двух десятилетий, составляющие третий блок источников, детально охарактеризованы в наших более ранних работах [41–43].

Новизна нового комплексного изучения процессов освоения

Основная научная идея данного исследования состоит в представлении об освоении пространств и ресурсов Арктики и Севера как о многоуровневом процессе, зависящем как от внутренних, так и от внешних (глобальных) факторов, ключевую роль в котором играет именно местный, локальный уровень низовых сообществ, атомарных домохозяйств, кото-

рые, включаясь и соединяясь с объектами и проектами регионального и национального значения, создают и другие уровни освоения.

Отечественные североведы советского времени всегда «строили» процесс освоения «сверху», от национального масштаба мегапроектов, которые погружались в территорию дислокации подчас как «соборы в пустыне»: в очень слабой увязке с социальными ожиданиями и потребностями местных сообществ. Новизна нашего подхода состоит как раз в том, чтобы перевернуть пирамиду освоения и начать строить её «снизу»: с локального уровня, с местного сообщества, затем объединяя его с федеральной инфраструктурой и проектами, поднимаясь на уровень регионального и зонального освоения пространств всего Севера и Арктики. Таким образом, из «атомов» локального освоения собирается региональное и зональное. «Большое» освоение мегапроектов и федеральных трасс-коридоров развития может быть успешным только при опоре на «малое», на освоение «снизу» усилиями местных сообществ и предпринимателей. Получается, что в таком освоении одновременно есть эндогенная и экзогенная составляющие. Эндогенная связана с возможностью взгляда на все феномены арктического и северного развития и экономики на единой методологической платформе освоения «снизу», экзогенная связана с крупными, федерального масштаба мегапроектами и инфраструктурными объектами «сверху», которые включаются в единую многоуровневую картину освоения.

С другой стороны, наши зарубежные коллеги много и основательно работают на локальном уровне, например, анализируя жизнеобеспечивающее природопользование (так называемое *subsistence*) коренных жителей на Аляске [44–45] в рамках концепции управления ресурсами в общественной собственности (Э. Остром, Ф. Беркес [46–48] и др.). Однако они никогда не увязывали эти исследования с комплексным феноменом хозяйственного освоения, тем более на разных уровнях: локальном, региональном, национальном.

Между тем усилия по интеграции частных феноменов социально-экономического развития Севера и Арктики (земельные требования коренных народов, ресурсная экономика подъёмов и спадов, традиционное жизнеобеспечение в виде оленеводства и промыслов и др.) в единую картину нового освоения ресурсов и пространств Севера и Арктики представляются исключительно значимыми и актуальными. Однажды это уже удалось сделать: в 1960–1980-е гг., но в другой экономической модели (советской плановой экономике) и в другую (индустриальную) экономическую эпоху.

Попытаемся наметить контуры концептуального синтеза для создания новой комплексной теории освоения, адекватной современной эпохе, и возникающие в связи с этим новые исследовательские приоритеты.

Глокальность означает сквозное, по всем возможным основным срезам процесса освоения балансирование подхода «сверху» и подхода от сообществ «снизу» в важнейших вопросах освоения: соотношение «завозимого» и «производимого» на месте (например, при развёртывании новых мегапроектов) — цен внешних рынков на экспортируемые активы и

цен внутреннего местного рынка на активы, потребляемые на месте; институтов (сосуществование федеральных и местных норм и правил и объёма полномочий / власти по критическим вопросам освоения природных ресурсов); знания (комбинаторика внешнего экспертного и местного знания); в области критических элементов местного жизнеобеспечения (энергия, продовольствие).

Именно эти конкретные соотношения глобального, внешнего, и локального, местного в новых условиях определяют всю ритмику процесса освоения, саму возможность дальнейшей экспансии этого процесса или, наоборот, его сжатие. При этом важно отметить, что это соотношение только в области знания имеет принципиально иной характер, чем во всех остальных случаях, потому что здесь речь идёт не о замещении глобального местным или наоборот, но об интеграции глобального, формализованного знания экспертов со знанием местных жителей, в том числе аборигенов, о природных и ресурсных условиях территории.

Назовём описанную глокальность — увязку уровней в процессе освоения — вертикальной системностью или полицентричностью. Она, например, означает, что мы держим в уме единую картину «большого», корпоративного, экспортоориентированного, природопользования и «малого» природопользования индивидуальных и общинных охотников, рыбаков, местных сообществ. И это для нас единый процесс освоения местных пространств и ресурсов, внутри которого налаживаются интенсивные связи по транспорту, по земельным участкам, по времени их использования.

Глокальность / вертикальная системность очень важна для повышения результативности освоения северных ресурсов и пространств. Кроме неё огромное значение имеет также горизонтальная системность: увязка интересов местных акторов освоения локального уровня.

Возникает естественный вопрос: а почему местный, локальный уровень становится теперь таким важным? Что такого произошло за последние десятилетия? Дело в том, что современные системы освоения становятся несравнимо сложнее прежних. Получить ощутимые экономические эффекты, в том числе основной современный эффект возрастающей отдачи на «гладкости» коммуникации основных акторов процесса освоения (ранее в индустриальное время — эффект экономии на масштабе), на новом знании, на инновациях, можно только на локальном уровне, дальше, на региональном и национальном, — получить плодотворную для экономических эффектов увязку существенно труднее ввиду исключительной сложности систем более высокого уровня иерархии и невозможности регулярной продуктивной личной коммуникации, а также обменов неявным знанием основных акторов освоения.

Но ведь точно так же происходит и в биологических системах. Важнейшим является уровень местной популяции, допускающий возможности «свободного скрещивания»: более высокий же уровень «крепится» местными, локальными — получается их сочетание.

Возвышение именно локального уровня и локальной системности в процессе освоения как главных, обеспечивающих получение экономических эффектов, означает сильнейшую, беспрецедентную по сравнению с прошлым социализацию процесса освоения: дело в том, что наладить коммуникацию и взаимодействие основных акторов друг с другом можно только при отсутствии конфликтов, их договороспособности и доверии друг к другу. Без этого вместо экономического освоенческого эффекта получается вычет.

Итак, локальная системность, значение которой в получении экономических эффектов в современных условиях инновационного освоения вырастает многократно, предполагает бесконфликтность. Конфликты акторов освоения уничтожают синергию, позитивные экстерналии (перетоки знания, обучение друг у друга, восприятие передовых практик и др.), и поэтому разрушительны.

Важна не только количественная динамика результатов процесса освоения (это изучалось и ранее), но и институциональная, организационная динамика через возникновение, развитие и умирание ключевых организационных форм / структур освоения — как хозяйственных (крупных и малых, разной формы собственности), так и структурирующих пространство освоения (эволюция АД), ландшафтная динамика (в том числе по причинам изменения климата и другим) — на разных стадиях этого процесса.

После этих общих соображений неизбежно возникает вопрос: а как должна быть построена методика, общая методология его исследования? Где основные фокусные точки?

Первый исследовательский приоритет — анализ местного институционального капитала. В рамках этой очень широкой задачи можно выделить несколько направлений:

- серьёзный анализ архивных источников и личных интервью, существовавших в прошлом, но ныне утраченных институтов, которые, однако, сохранились в памяти поколений и вспоминаются с большим теплом (например, ярмарки между кочевым и оседлым населением Чукотки). При этом институты понимаются не просто как духовная оболочка чего-то, но и как *социально-техническое единство* норм, структур, правил и плотно примыкающего к ним материального, физического субстрата: например временных дорог, созданных и использованных коренными народами, а теперь заброшенных (но имеющих возможность быть возрождёнными);
- анализ до сих пор существующих, подчас неформальных норм и правил местного природопользования (обычного права), сложившихся в сообществе представлений / блокировок / табу / верований (например, по поводу сакральных мест), ценностей, которые напрямую влияют на реализацию как крупных, так и местных малых ресурсных проектов;
- анализ степени адекватности федеральных и региональных норм и правил конкретным местным условиям в сфере «большого» и «малого» природопользования. Например, насколько сложившееся законодательство по срокам охоты на водоплавающую дичь, на пушных зверей, по лососёвой путине и др. соответствует популяционным и сезонным ритмам и циклам, а также нуждам местных охотников и рыболовов? Дело в том, что российские северные реалии изобилуют случаями, когда даже с регионального уровня, например Чукотского автономного округа, не

ухватываются детали и особенности местного морзвербойного промысла эскимосов и чукчей;

- детальное изучение (в том числе с оценкой масштабов) феноменов нелегального, теневого, в том числе браконьерского природопользования по причинам недружественности действующих норм и правил, описание существующих браконьерских практик и условий, при которых они могут быть легализованы;
- вопросы институциональной динамики – манёвра собственностью в местных активах и критических элементах освоённой инфраструктуры. Например, оценка формально или неформально существующего института общинного владения природными ресурсами и землёй и его эволюции; примеры того, как можно ускорить освоение за счёт передачи ключевых активов из одной собственности в другую (например, ведомственные дороги в региональную собственность);
- какие «сюрпризы» в прошлом радикально изменили траекторию развития данного места, и в каких случаях это были сугубо материальные факторы (например, новое месторождение), а когда социотехнические — например, изобретение новой технологии или института, случайное достижение и др.?

Второй исследовательский приоритет — внимание к конфликтам и противоречиям в процессе освоения, в процессах местного «большого» и «малого» природопользования и какие механизмы урегулирования конфликтов были задействованы в прошлом и применяются в настоящее время. В полном соответствии с подзабытыми канонами диалектического материализма мы предлагаем особый акцент сделать на уже существовавших в прошлом освоении, унаследованных и / или возникших в настоящем и потенциально возможных будущих конфликтах по поводу ресурсов и пространств осваиваемой территории. Этот приоритет детализируется в нескольких направлениях:

- оценка партнёрских, сотруднических механизмов и структур (формальных и неформальных) урегулирования конфликтов в области местного природопользования в прошлом, в десятилетия советского времени (между регионами, бригадами оленеводов, совхозами, совхозами и госпромхозами, ГОКаами и совхозами и др.) и в какой степени их сегодня можно взять на вооружение;
- одна и та же проблема / ограничение развития (если она была), которая воспроизводилась на данной территории во все последние «волны освоения», вытекающая из особенностей ландшафтов, этносов, в целом местной широко понимаемой генетики;
- какие формальные механизмы урегулирования конфликтов в локальном природопользовании: например, в промысле рыбы, между рыбным промыслом и недропользователями сегодня используются, в чём состоит их неэффективность и что можно предложить взамен?
- подробные примеры, когда по неформальным нормам и правилам удавалось договариваться в конфликтных вопросах местного освоения природных ресурсов, местного природопользования, и это было даже более успешно, чем по закону, по формальным нормам. В чём состоял главный секрет успеха таких местных договорённостей? Какие выводы можно извлечь для будущей практики?
- современные конфликты акторов освоения, пользователей природными ресурсами, противоречия их интересов: например, в сфере сочетания коммерческого и любительского, жизнеобеспечивающего природопользования в контуре муниципального района;

- различные «бутылочные горлышки» в местном пространстве или «стеснения» во времени, которые требуют очень оперативных решений по процессу освоения, или иначе окошко возможностей может быстро закрыться.

Третий исследовательский приоритет — это эволюция системы расселения, увязанная с процессом освоения данной территории и меняющимся федеральным регламентом её освоения. Тема исключительно важная, которая выявляет специфику пространственной структуры территории развёртывания освоительского процесса. Она предполагает ответы, в том числе на следующие вопросы:

- в чём состояли основные «переделки», преобразования местной системы расселения в последний век (например, по этапам)? В какой степени они, с одной стороны, отражали действующие модели освоения ресурсов пространства, воздействие факторов технологий, истощения природных ресурсов, демографических, других; с другой стороны, сами воздействовали на процессы «большого» и «малого» природопользования?
- как можно охарактеризовать основные местные особенности сложившейся в данной модели освоения системы ресурсного расселения и — шире — всю местную систему расселения? Проходит ли прежняя сетка административно-территориального деления (АТД) проверку на прочность, в чём именно не проходит, и где намечаются основные конфликты / противоречия?
- как целесообразно было бы переобустроить местное пространство через реконструкцию сетки АТД, чтобы оно играло роль катализатора, а не тормоза процесса освоения его ресурсов? Например, ликвидация части стационарных поселений и превращение их во временные, формирование новых перевалбаз (факторий) и др.
- где находятся основные рубежи / барьеры в местном пространстве освоения и в чём и как они конкретно проявляются, мешают динамичному освоению ресурсов территории? Что можно сделать, чтобы их устранить?
- акцент на местные сложившиеся и давно устойчиво существующие «аномалии» пространственной организации и развития (внимание к парадоксам и аномалиям важно не только для этого, но для всех исследовательских азимутов).

Четвёртый исследовательский приоритет — это своеобразие взаимодействия «больших» и «малых» форм освоения именно на данной территории. Это предполагает, в том числе, прояснение следующих вопросов:

- каковы структуры освоения, которые несут духовный и ценностный смысл для местного развития в прошлом, настоящем, и где можно ожидать их появления в будущем?
- существуют ли сегодня на данной территории освоения позитивные экстерналии / перетоки знания между крупными и малыми формами освоения, большим (мегапроекты) и малым природопользованием?
- существует ли и возможно ли разделение труда в сфере выработки местных инноваций между крупными и малыми структурами освоения?

Подведём итоги. Глокальность нового освоения означает чёткое представление о разных закономерностях, действующих на глобальном и локальном уровнях освоения Севера, о потенциале (пределах) масштабируемости закономерностей с одного уровня на другой. Локальная системность означает, что то, как протекает коммуникация между основными

ми акторами процесса освоения, имеет огромное значение для эффективности и результативности процесса освоения.

А для мегапроектов новые условия существенно более сильной, чем ранее, в индустриальную эпоху, неопределённости и постоянных изменений в факторах освоения, означают абсолютную неизбежность исходной пилотной экспериментальности, когда опытным путём идёт инновационный поиск лучших технологических, организационных, инженерных решений, и уже потом — тиражирование и масштабирование апробированных передовых практик и опыта на новые полигоны. Вот почему как никогда раньше важны специальные территории — опытные полигоны, площадки развёртывания освоённых экспериментов, в том числе отработки специального проектного законодательства и финансирования конкретного крупного мегапроекта.

Заключение

Вызов разработки новой российской теории освоения ресурсов и пространств Севера и Арктики неоднократно возникал в последние десятилетия. Однако всегда находились объективные обстоятельства, которые откладывали это императивное требование для будущего. В 1990-е гг. слишком велик был соблазн поддаться зарубежным готовым решениям, западным концепциям и теориям, вместо того чтобы с опорой на них разрабатывать собственные. С другой стороны, слишком скор и поспешен был переход к рынку на Севере и в Арктике, чтобы быть сразу готовым к разработке обновлённой теории.

В 2000-е гг. казалось, что в такой целостной теории нет необходимости, раз существует серия реализуемых мегапроектов, и можно ограничиться проектным подходом к освоению Севера и Арктики. Так ли нужна идейная системная концептуализация того феномена, который мы имеем на практике на нашем Севере и в Арктике?

Но теперь, после 30 лет непрерывного реформирования российской экономики, становится очевидной потребность в целостном взгляде на новый процесс освоения и его законы, драйверы, уровни и институты. Приглашаем наших коллег совместно участвовать в этом интеллектуальном проекте в интересах развития российского Севера и Арктики.

Благодарности и финансирование

Статья подготовлена в рамках работы по гранту РФФИ № 18-05-00600 а. «Новая теория освоения Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез».

Литература

1. Славин С.В. Промышленное и транспортное освоение Севера СССР. М.: Экономиздат, 1961. 302 с.
2. Покшишевский В.В. Заселение Сибири. Иркутск, 1951. 209 с.
3. Минц А.А. Содержание и методы экономической оценки естественных ресурсов // Вопросы географии. 1968. Сб. 78. С. 16–39.

4. Бандман М.К. Подход и основные этапы решения задачи оптимизации формирования ТПК // Моделирование формирования территориально-производственных комплексов. Новосибирск: Наука, 1971. С. 8–114.
5. Витязева В.А. Проблемы комплексного освоения новых районов (на примере Европейского Северо-Востока СССР) // Актуальные вопросы советской географической науки. М.: Наука, 1972. С. 107–110.
6. Космачев К.П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). Новосибирск: Наука, 1974. 144 с.
7. Зайцев И.Ф. Географические типы освоенности территории // Территориальные системы производительных сил. М.: Мысль, 1971. С. 24–46.
8. Дергачев В.А. Исторические циклы хозяйственного освоения территории // Вестник МГУ. 1976. № 2. Сер. Географ. Вып. 5. С. 82–86.
9. Мосунов В.П., Никульников Ю.С., Сысоев А.А. Территориальные структуры районов нового освоения. Новосибирск: Наука, 1990. 153 с.
10. Комар И.В. Рациональное использование природных ресурсов и ресурсные циклы. М.: Наука, 1975. 212 с.
11. Космачев К.П., Мосунов В.П., Никульников Ю.С., Сысоев А.А. О системе исходных элементов территориальной структуры хозяйства // География и природные ресурсы. 1983. № 3. С. 84–92.
12. Структурная политика (в экономическом и социальном развитии) на Севере России в переходный период к рыночным отношениям (Кольский регион). Апатиты: ИЭП РАН, 1994. 271 с.
13. Лузин Г.П., Павлов К.В. Соотношение рыночных и государственных методов экономического регулирования в условиях переходного периода. Апатиты, 1993. 180 с.
14. Пилясов А.Н. Становление рынка труда в Магаданской области // Колыма. 1994. № 4. С. 2–6; № 5. С. 2–6; № 6. С. 2–7.
15. Навасардов С.М. Демографическая ситуация и социальные последствия экономических реформ в Магаданской области // Социологические исследования. 1994. № 7. С. 48–52.
16. Пилясов А.Н., Голдсмит С., Кнапп Г., Креедж Д., Ядрышников Г.Н. Северная экономика и радикальная реформа (американский опыт и российские реалии). СВКНИИ ДВО РАН, 1996. 180 с.
17. Пилясов А.Н., Харрисон Г., Макбет Д., Морхаус Т., Фишер В., Усачев Е.В., Ядрышников Г.Н., Ведерников И.Л. Российский Север и федерализм: поиск новой модели. Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1997. 179 с.
18. Лоннер Д., Морхаус Т., Пилясов А.Н. От патернализма к партнёрству (строительство новых отношений народов Севера и государства). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1998. 199 с.
19. Пилясов А.Н. Закономерности и особенности освоения Северо-Востока России (ретроспектива и прогноз). Магадан: СВКНИИ ДВО РАН, 1996. 145 с.
20. Крюков В.А. Институциональная структура нефтегазового сектора: проблемы и направления трансформации / Под. ред. В.В. Кулешова. Новосибирск: ИЭОПП СО РАН, 1998. 280 с.
21. Billington R.A. America's Frontier Heritage. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1991. 432 p.
22. Billington R.A. How the Frontier Shaped the American Character // American Heritage. 1958. Vol. 9. Issue 2.
23. Turner F.J. The Significance of the Frontier in American History // Annual Report of the American Historical Association for 1893: Washington, 1893.
24. Fujita M., Mori T. On the dynamics of frontier economies: Endogenous growth or the self-organization of a dissipative system? // Annals of the regional science. 1998. № 32. P. 39–62.
25. Goldsmith O.S., Berman M., Huskey L. An interactive multiregional model of a frontier economy: Anchorage and the State of Alaska // Regional Science Perspectives. 1987. Vol. 17 (1). P. 55–76.
26. Huskey L. Cities and Frontier Resource Development: the particular case of Anchorage // ICASS IX. Full session programme with abstracts. Umeo, 2017.
27. Huskey L. Import Substitution. The Hidden Dynamic in the Growth of Frontier Regions // Developing America's North Frontier. / Ed. by T. Lane. Anchorage, 1987.
28. Huskey L. The Development Linkage in Natural Resource Economies // ICASS IX. Full session programme with abstracts. Umeo, 2017.

29. Huskey L. Alaska's Economy: The First World War, Frontier Fragility, and Jack London // *Northern Review*. 2017. № 44. P. 327–346.
30. Huskey L. Challenges to Economic Development: Dimensions of «Remoteness» in the North // *Polar Geography*. 2005. Vol. 29. № 2. P. 119–125.
31. Huskey L. Limits to growth: remote regions, remote institutions // *Annals of Regional Science*. 2006. Vol. 40. P. 147–155.
32. Huskey L. Alaska's Village Economies // *Journal of Land, Resources, & Environmental Law*. 2004. Vol. 24. № 3. P. 435–465.
33. Nilsen T., Nylund I., Johannesson H. Multinationals Meet the Locals in the Arctic: Monitoring of Megaprojects in Northern-Norway and East-Iceland // *ICASS VIII. Full session programme with abstracts*. Prince George: UNBC, 2014.
34. Heleniak T. International Migration in the Arctic // *ICASS VIII. Full session programme with abstracts*. Prince George: UNBC, 2014.
35. Avard E. Greenhouses in Nunavik: A Growing Trend // *ICASS VIII. Full session programme with abstracts*. Prince George: UNBC, 2014.
36. Dorais L.-J., Dranaeva I. Northern Universities as a Key to Arctic Sustainability // *ICASS VIII. Full session programme with abstracts*. Prince George: UNBC, 2014.
37. Johnson N. Mobilizing Inuit Knowledge in Global Science and Multi-Level Governance // *ICASS VIII. Full session programme with abstracts*. Prince George: UNBC, 2014.
38. Pulsifer P., McCann H., McNeave C., Duerr R., Sheffield B., Wallace A., Gaut A. Linking Scientific and Documented Indigenous Knowledge Using Information and Communications Technology: Representation, Ethics and Mediation // *ICASS VIII. Full session programme with abstracts*. Prince George: UNBC, 2014.
39. *Adaptive Co-Management. Collaboration, Learning, and Multi-Level Governance.* / Ed. by Derek Armitage, Fikret Berkes, and Nancy Doubleday. UBC Press, 2007.
40. Ostrom E., Dietz T., Dolzak N., Stern P.C., Stonich S., Weber E.U. *The drama of the commons*. Washington: National Academy Press, 2002. 322 p.
41. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. М.: Новый Хронограф, 2013. 548 с.
42. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Инновационный поиск в монопрофильных городах: блокировки развития, новая промышленная политика и план действий. М.: URSS, 2015. 216 с.
43. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Региональный консалтинг: приглашение к творчеству. Опыт разработки документов стратегического планирования регионального и муниципального уровня. СПб: Маматов, 2017. 196 с.
44. Huntington H.P. *Wildlife Management and Subsistence Hunting in Alaska* Seattle. University of Washington Press, 1992. 177 p.
45. Burch E.S. Jr. Subsistence Production in Kivalina, Alaska: A Twenty-Year Perspective // *Technical Paper No. 128. Division of Subsistence*. Juneau: Alaska Department of Fish and Game, 1985. 353 p.
46. Остром Э. Управляя общим. Эволюция институтов коллективной деятельности. М.: ИРИСЭН. Мысль, 2010. 415 с.
47. Berkes F. *Sacred Ecology: Traditional Ecological Knowledge and Resource Management*. Taylor & Francis, 1999.
48. Berkes F. Cross-scale institutional linkages. Perspectives from the bottom up. // *The drama of the commons*. Eds. E. Ostrom, T. Dietz, N. Dolsac, P.C. Stern, S. Stonich, and E.U. Weber. Washington, National Academy Press, 2001. P. 293–322.

References

1. Slavin S.V. *Promyshlennoe i transportnoe osvoenie Severa SSSR* [Industrial and transport development of the North of the USSR]. М., Ekonomizdat Publ., 1961, 302 p. (In Russ.)
2. Pokshishevskij V.V. *Zaselenie Sibiri* [The settlement of Siberia]. Irkutsk Publ., 1951, 209 p. (In Russ.)
3. Minc A.A. Soderzhanie i metody jekonomicheskoy ocenki estestvennyh resursov [The content and methods of economic valuation of natural resources], *Voprosy geografii*, 1968, part 78, pp. 16–39.

4. Bandman M.K. Podhod i osnovnye jetapy reshenija zadachi optimizacii formirovanija TPK [Approach and the main stages of solving the problem of optimizing the formation of the TPC]. *Modelirovanie formirovanija territorial'no-proizvodstvennyh kompleksov* [Modeling the formation of territorial production complexes]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1971, pp. 8–114. (In Russ.)
5. Vitjazeva V.A. Problemy kompleksnogo osvoenija novyh rajonov (na primere Evropejskogo Severo-Vostoka SSSR) [Problems of integrated development of new regions (by the example of the European North-East of the USSR)]. *Aktual'nye voprosy sovetskoj geograficheskoj nauki* [Actual questions of Soviet geographical science]. M., Nauka Publ., 1972, pp. 107–110. (In Russ.)
6. Kosmachev K.P. *Pionernoje osvoenie tajgi (jekonomiko-geograficheskie problemy)* [Pioneering development of the taiga (economy-geographical problems)]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1974. 144 p. (In Russ.)
7. Zajcev I.F. Geograficheskie tipy osvoennosti territorii [Geographic types of territory development]. *Territorial'nye sistemy proizvoditel'nyh sil* [Territorial systems of productive forces]. M., Mysl' Publ., 1971, pp. 24–46. (In Russ.)
8. Dergachev V.A. Istoricheskie cikly hozjajstvennogo osvoenija territorii [Historical cycles of economic development of the territory]. *Vestnik MGU* [MSU Vestnik], 1976, no. 2, part. 5, pp. 82–86.
9. Mosunov V.P., Nikul'nikov Ju.S., Sysoev A.A. *Territorial'nye struktury rajonov novogo osvoenija* [Territorial structures of new development areas]. Novosibirsk, Nauka Publ., 1990, 153 p. (In Russ.)
10. Komar I.V. *Racional'noe ispol'zovanie prirodnyh resursov i resursnye cikly* [Rational use of natural resources and resource cycles]. M., Nauka Publ., 1975, 212 p. (In Russ.)
11. Kosmachev K.P., Mosunov V.P., Nikul'nikov Ju.S., Sysoev A.A. O sisteme ishodnyh jelementov territorial'noj struktury hozjajstva [About the system of initial elements of the territorial structure of the economy]. *Geografija i prirodnye resursy* [Geography and Natural Resources], 1983, no. 3, pp. 84–92.
12. *Strukturnaja politika (v jekonomicheskom i social'nom razvitii) na Severe Rossii v perehodnyj period k rynochnym otnoshenijam (Kol'skij region)* [Structural policy (in economic and social development) in the North of Russia during the transition period to market relations (Kola region)]. Apatity, Institute for Economic Studies RAS Publ., 1994, 271 p. (In Russ.)
13. Luzin G.P., Pavlov K.V. *Sootnoshenie rynochnyh i gosudarstvennyh metodov jekonomicheskogo regulirovanija v uslovijah perehodnogo perioda* [The correlation of market and state methods of economic regulation in a transition period]. Apatity, 1993, 180 p. (In Russ.)
14. Piljasov A.N. Stanovlenie rynka truda v Magadanskoj oblasti [The formation of the labor market in the Magadan region]. *Kolyma*, 1994, no. 4, pp. 2–6; no. 5, pp. 2–6; no. 6, pp. 2–7.
15. Navasardov S.M. Demograficheskaja situacija i social'nye posledstvija ekonomicheskikh reform v Magadanskoj oblasti [Demographic situation and social consequences of economic reforms in the Magadan Region]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], 1994, no. 7, pp. 48–52.
16. Piljasov A.N., Goldsmit S., Knapp G., Kreedzh D., Jadrjshnikov G.N. *Severnaja ekonomika i radikal'naja reforma (amerikanskij opyt i rossijskie realii)* [The Northern Economy and the Radical Reform (American Experience and Russian Realities)]. Magadan, FEB RAS Publ., 1996, 180 p. (In Russ.)
17. Piljasov A.N., Harrison G., Makbet D., Morhaus T., Fisher V., Usachev E.V., Jadrjshnikov G.N., Veder-nikov I.L. *Rossijskij Sever i federalizm: poisk novoj modeli* [The Russian North and Federalism: the search for a new model]. Magadan, FEB RAS Publ., 1997, 179 p. (In Russ.)
18. Lonner D., Morhaus T., Piljasov A.N. *Ot paternalizma k partnjorstvu (stroitel'stvo novyh otnoshenij narodov Severa i gosudarstva)* [From paternalism to partnership (the construction of new relations between the peoples of the North and the state)]. Magadan, FEB RAS Publ., 1998, 199 p. (In Russ.)
19. Piljasov A.N. *Zakonomernosti i osobennosti osvoenija Severo-Vostoka Rossii (retrospektiva i prognoz)* [Regularities and features of the development of the North-East of Russia (a retrospective and forecast)]. Magadan, FEB RAS Publ., 1996, 145 p. (In Russ.)
20. Krjukov V.A. *Institucional'naja struktura neftegazovogo sektora: problemy i napravlenija transformacii* [Institutional structure of oil and gas sector: problems and directions of transformation]. Ed. by V.V. Kuleshov. Novosibirsk, Institute of Economics and Industrial Engineering, Siberian Branch of the RAS Publ., 1998, 280 p. (In Russ.)

21. Billington R.A. *America's Frontier Heritage*. Albuquerque: University of New Mexico Press, 1991, 432 p.
22. Billington R.A. How the Frontier Shaped the American Character. *American Heritage*, 1958, vol. 9, issue 2.
23. Turner F.J. *The Significance of the Frontier in American History*. Annual Report of the American Historical Association for 1893, Washington, 1893.
24. Fujita M., Mori T. On the dynamics of frontier economies: Endogenous growth or the self-organization of a dissipative system? *Annals of the regional science*, 1998, no. 32, pp. 39–62.
25. Goldsmith O.S., Berman M., Huskey L. An interactive multiregional model of a frontier economy: Anchorage and the State of Alaska. *Regional Science Perspectives*, 1987, vol. 17 (1), pp. 55–76.
26. Huskey L. Cities and Frontier Resource Development: the particular case of Anchorage. *ICASS IX. Full session programme with abstracts*. Umeo, 2017.
27. Huskey L. Import Substitution. The Hidden Dynamic in the Growth of Frontier Regions. *Developing America's North Frontier*. Ed. by T. Lane. Anchorage, 1987.
28. Huskey L. The Development Linkage in Natural Resource Economies. *ICASS IX. Full session programme with abstracts*. Umeo, 2017.
29. Huskey L. Alaska's Economy: The First World War, Frontier Fragility, and Jack London. *Northern Review*, 2017, no. 44, pp. 327–346.
30. Huskey L. Challenges to Economic Development: Dimensions of «Remoteness» in the North. *Polar Geography*, 2005, vol. 29, no. 2, pp. 119–125.
31. Huskey L. Limits to growth: remote regions, remote institutions. *Annals of Regional Science*, 2006, vol. 40, pp. 147–155.
32. Huskey L. Alaska's Village Economies. *Journal of Land, Resources, & Environmental Law*, 2004, vol. 24, no. 3, pp. 435–465.
33. Nilsen T., Nylund I., Johannesson H. Multinationals Meet the Locals in the Arctic: Monitoring of Megaprojects in Northern-Norway and East-Iceland. *ICASS VIII. Full session programme with abstracts*, Prince George: UNBC, 2014.
34. Heleniak T. International Migration in the Arctic. *ICASS VIII. Full session programme with abstracts*, Prince George: UNBC, 2014.
35. Avard E. Greenhouses in Nunavik: A Growing Trend. *ICASS VIII. Full session programme with abstracts*, Prince George: UNBC, 2014.
36. Dorais L.-J., Dranaeva I. Northern Universities as a Key to Arctic Sustainability. *ICASS VIII. Full session programme with abstracts*, Prince George: UNBC, 2014.
37. Johnson N. Mobilizing Inuit Knowledge in Global Science and Multi-Level Governance. *ICASS VIII. Full session programme with abstracts*, Prince George: UNBC, 2014.
38. Pulsifer P., McCann H., McNeave C., Duerr R., Sheffield B., Wallace A., Gaut A. Linking Scientific and Documented Indigenous Knowledge Using Information and Communications Technology: Representation, Ethics and Mediation. *ICASS VIII. Full session programme with abstracts*, Prince George: UNBC, 2014.
39. *Adaptive Co-Management. Collaboration, Learning, and Multi-Level Governance*. Ed. by Derek Armitage, Fikret Berkes, and Nancy Doubleday. UBC Press, 2007.
40. Ostrom E., Dietz T., Dolzak N., Stern P.C., Stonich S., Weber E.U. *The drama of the commons*. Washington, National Academy Press Publ., 2002, 322 p.
41. Zamjatina N.Ju., Piljasov A.N. *Rossija, kotoruju my obreli: issleduja prostranstvo na mikrourovne* [Russia, we found: exploring the space at the micro level]. M., Novyj Hronograf Publ., 2013, 548 p.
42. Zamjatina N.Ju., Piljasov A.N. *Innovacionnyj poisk v monopofil'nyh gorodah: blokirovki razvitiya, novaja promyshlennaja politika i plan dejstvij* [Innovative search in single-city cities: development blockages, a new industrial policy and action plan]. M., URSS Publ., 2015, 216 p. (in Russ.)
43. Zamjatina N.Ju., Piljasov A.N. *Regional'nyj konsalting: priglashenie k tvorcestvu. Opyt razrabotki dokumentov strategicheskogo planirovanija regional'nogo i municipal'nogo urovnja* [Regional consulting: an invitation to creativity. Experience in the development of strategic planning documents at the regional and municipal levels]. SPb, Mamatov Publ., 2017, 196 p. (in Russ.)
44. Huntington H.P. *Wildlife Management and Subsistence Hunting in Alaska Seattle*. University of Washington Press, 1992, 177 p.

45. Burch E.S. Jr. Subsistence Production in Kivalina, Alaska: A Twenty-Year Perspective. *Technical Paper No. 128. Division of Subsistence*. Juneau: Alaska Department of Fish and Game, 1985, 353 p.
46. Ostrom Je. *Upravljaja obshhim. Evoljucija institutov kolektivnoj dejatel'nosti* [Managing the general. Evolution of Collective Activity Institutions]. M., IRISJeN, Mysl' Publ., 2010, 415 p. (in Russ.)
47. Berkes F. *Sacred Ecology: Traditional Ecological Knowledge and Resource Management*. Taylor & Francis, 1999.
48. Berkes F. Cross-scale institutional linkages. Perspectives from the bottom up. *The drama of the commons*. Ed. by E. Ostrom, T. Dietz, N. Dolsac, P.C. Stern, S. Stonich, and E.U. Weber. Washington, National Academy Press Publ., 2001, pp. 293–322.

УДК [316.7:33](470.11)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.28

Формирование Арктической зоны РФ как фактор развития региона: постановка вопросов (на примере Архангельской области) *

© **КАТОРИН Игорь Вячеславович**, научный сотрудник

Тел.: (8182) 21-89-39. E-mail: mediana.29@mail.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Аннотация. В статье рассмотрены особенности влияния активизации арктической политики России на развитие Архангельской области. С 2013 г. запущен процесс формирования Арктической зоны России (АЗРФ) как объекта государственного управления. Архангельская область частично вошла в состав АЗРФ. В настоящий момент идёт формирование нормативного поля и организационного каркаса макрорегиона. В статье дан анализ современного этапа формирования АЗРФ. Автор выделяет основные возможности и риски для региона, связанные с активизацией арктической политики страны. Наиболее серьёзные возможности появляются в политической (арктические статусы, внешние связи и внешний имидж) и экономической (инфраструктура, инвестиции, новые предприятия и организации, туризм) сферах. В них уже наблюдаются определённые изменения. Изменения в социальном пространстве малозаметны, но именно в этой сфере возможны кардинальные перемены, связанные с обновлением образа региона, усилением региональной идентичности, изменением социального состава населения, потенциала муниципальных образований. Вместе с тем в социальном пространстве существуют риски, связанные с неполным вхождением Архангельской области в состав АЗРФ, с реализацией крупных инвестиционных проектов и неэффективным управлением.

Ключевые слова: Арктическая зона России, социальное пространство, фактор развития, социальные риски, региональная идентичность, Архангельская область.

Establishing the Arctic Zone of the Russian Federation as a factor of the regional development: raising questions (the case of the Arkhangelsk region)

© **Igor V. KATORIN**, research fellow

Tel.: +7-8182-21-89-39. E-mail: mediana.29@mail.ru

Northern (Arctic) federal university named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Abstract. The article describes the impact of the Russian Arctic policy activation on the development of the Arkhangelsk region. In 2013, the formation of the Arctic zone of the Russian Federation (AZRF) as an object of state administration was launched. The Arkhangelsk region was partly included in the Russian Arctic. Now, we observe the establishment of the regulatory field and the organizational framework of the macroregion. The article analyzes the current stage of this process in the Russian Arctic. The author highlights the main opportunities and risks for the region associated with the activation of the Arctic policy of the country. The most serious opportunities are emerging in politics (the Arctic status, external relations and external image) and economy (infrastructure, investments, new enterprises and organizations, and tourism). These areas are experiencing some changes. The changes in the social space are hardly noticeable but, in this area, cardinal changes are possible. They are associated with the renewal of the regional image, strengthening the regional identity, changes in the social composition of the population and the potential

---

* Для цитирования:

Каторин И.В. Формирование Арктической зоны РФ как фактор развития региона: постановка вопросов (на примере Архангельской области) // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 28–40. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.28
For citation:

Katorin I.V. Establishing the Arctic Zone of the Russian Federation as a factor of the regional development: raising questions (the case of the Arkhangelsk region). *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 28–40. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.28

of municipalities. At the same time, risks associated with incomplete entry of the Arkhangelsk region into the Russian Arctic, the implementation of major investment projects and inefficient management.

Keywords: *The Arctic Zone of Russia, social space, a factor of development, social risks, the regional identity, the Arkhangelsk region.*

Введение

Вопрос влияния политики федерального центра на ситуацию в регионах является достаточно обсуждаемым в отечественных и зарубежных социальных науках [1, Huskey L., pp. 140–155]. Помимо теоретической актуальности он имеет серьёзный практический аспект. Ведь в современной России вектор и темпы развития региона во многом зависят от степени согласованности региональной политики с федеральной повесткой, от умения регионов «вписаться» в федеральные тренды [2, Михеева Н.Н., с. 157–159; 3, Замятина Н.Ю., с. 126–155].

В частности, целый ряд регионов, в том числе Архангельская область, на протяжении ряда лет формирует стратегию развития, во многом исходя из арктической политики федерального центра [4, Регионы ..., с. 14–45]. В связи с указанными процессами возникает ряд закономерных вопросов, на которые мы попытаемся ответить в данной статье:

- «В чём особенности арктической политики России, и может ли она претерпеть изменения?»;
- «Какое влияние на Архангельскую область в целом оказывает и может оказать арктическая политика российского государства?»;
- «Как она может сказаться на развитии отдельных муниципальных образований, отраслей, сфер, пространств региона?»;
- «Какие **возможности и риски** формирует (может сформировать) для Архангельской области арктическая политика страны?».

Особенности формирования Арктической зоны России

Поскольку структуризация арктической политики страны и формирование Арктической зоны РФ находятся в активной фазе, то и ответы на данные вопросы будут иметь скорее постановочный или дискуссионный характер. Вместе с тем представляется, что сама постановка этих вопросов, особенно о сценариях развития арктической политики, возможностях и рисках региона в связи с её реализацией, а также рассуждения на эти темы являются крайне важными для формирования стратегии и тактики управления регионом.

Вопросы структуризации арктического пространства России стали предметом научной и управленческой деятельности относительно недавно, во второй половине 2000-х гг. [5, Ивантер В.В., с. 8–20]. Именно в этот период в активный нормативный оборот вводится термин «Арктическая зона России» (далее — АЗРФ), и начинается обсуждение вопросов управления и развития этой территории. За последние 5 лет этот процесс активизировался [6, Лукин Ю.Ф., с. 174–179]. Так, это ярко иллюстрирует процесс формирования нормативного поля макрорегиона. Начиная с 2013 г. принят или подготовлен целый ряд федеральных актов, касающихся социально-экономического развития АЗРФ (рис. 1).

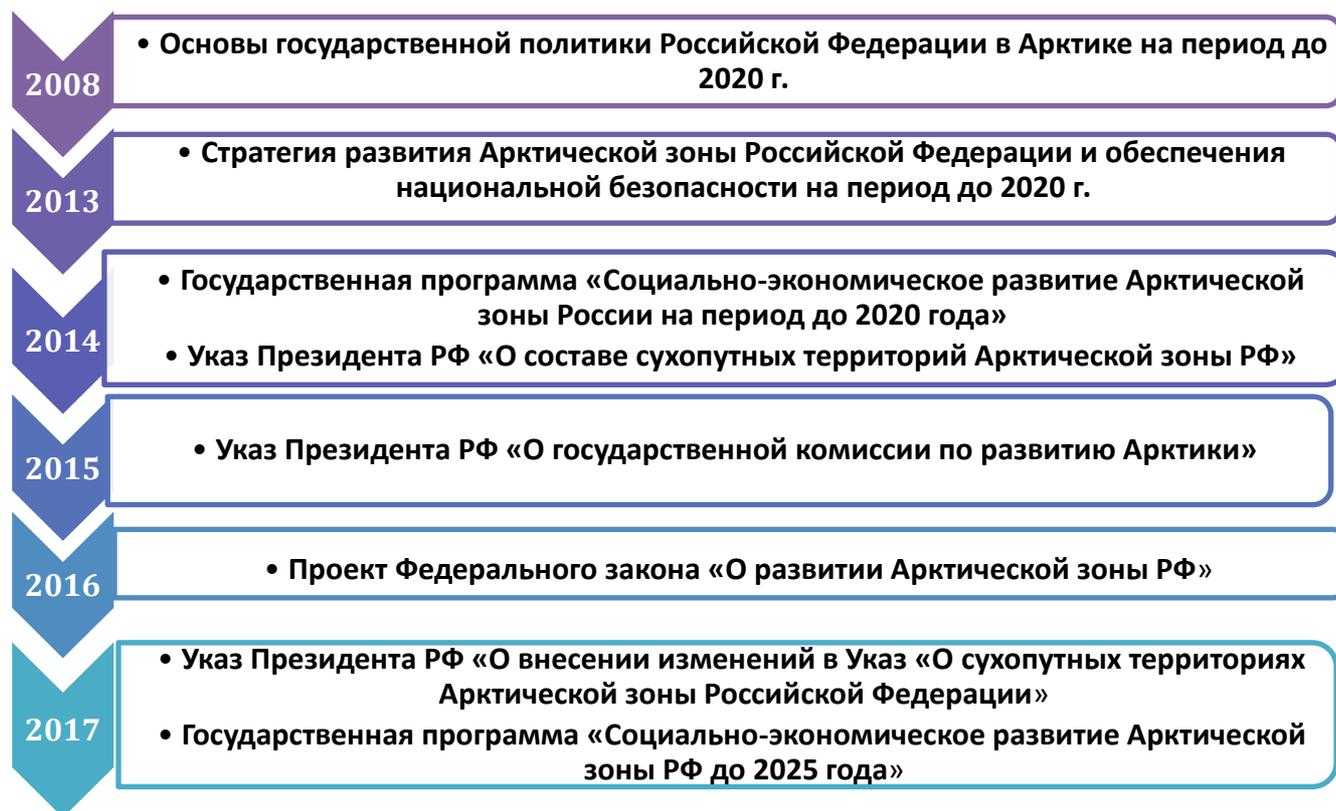

Рис. 1. Формирование нормативного поля АЗРФ.

На сегодняшний день нормативно закреплены сухопутные границы АЗРФ, прорабатываются проекты по развитию данного территориального образования, создана федеральная структура по координации деятельности в Арктике, обсуждается содержание проекта федерального закона, принята новая редакция государственной программы развития Арктической зоны страны.

Вместе с тем процесс формирования Арктической зоны России далёк от завершения. Характер и направленность внутренней арктической политики России довольно слабо кристаллизуется и может измениться под влиянием как внешних, так и внутренних факторов [7, Sentsov A.]. На данный момент современный этап формирования АЗРФ можно охарактеризовать следующими признаками:

- внешняя обусловленность появления Арктической зоны РФ. Начало процесса формирования АЗРФ связано с необходимостью защиты национальных интересов в высоких широтах. Арктика в начале 2000-х стала объектом геополитических и геоэкономических интересов. Рост цен на энергоресурсы привлёк внимание к арктическим нефтегазовым месторождениям, а потепление климата стимулировало интерес к Северному морскому пути как альтернативе традиционных маршрутов между Азией и Европой;
- ярко выраженный нисходящий характер формирования Арктической зоны РФ, доминирование государства. Главным актором данного процесса является государство в лице федеральных и региональных органов власти, государственных корпораций. Муниципальные власти, частный бизнес, некоммерческий сектор фактически выключены из процесса обсуждения и принятий решений. Ярким примером этого является то, что в состав Государственной комиссии по вопросам развития

Арктики не входят представители муниципалитетов АЗРФ, крайне мало представителей частного бизнеса, нет представителей влиятельных общественных организаций;

- технократический подход. Приоритетными целями развития Арктических территорий является ресурсное освоение и национальная безопасность. Второстепенность гуманитарных и социальных вопросов ярко проявляется в содержании госпрограммы и повестке заседаний Госкомиссии по развитию Арктики;
- проектный подход. Он выражается в том, что, с одной стороны, довольно распространённым стало выражение: «Арктика — мегапроект страны», а с другой стороны, государственная программа в региональной части раздела «основные мероприятия» состоит из проектов, причём зачастую слабо взаимосвязанных;
- неравномерность развития АЗРФ. Неравномерность имеет как территориальный, так и содержательный аспект. С социально-экономической точки зрения макрорегион весьма неоднороден. Заметно отличаются западный и восточный сектора АЗРФ. В составе АЗРФ есть регионы-доноры и регионы-реципиенты, которые имеют неравнозначные возможности для решения различных задач. В содержательном аспекте арктическая политика имеет явный перекос в сторону дискуссионно-декларационных мероприятий;
- приоритетность «приморских» критериев отнесения территорий к Арктической зоне РФ. Состав сухопутной территории АЗРФ наглядно демонстрирует, что именно выход к морям бассейна Северного ледовитого океана разработчики нормативных документов поставили во главу угла при определении состава АЗРФ;
- неопределённость механизмов финансирования Арктической зоны РФ, особенно региональных проектов. В стратегических документах 2008 и 2013 гг. в качестве основного механизма развития АЗРФ была указана соответствующая государственная программа. Однако её первая редакция вообще не содержала самостоятельных источников финансирования, а вторая оказалась значительно урезанной. В последнее время в качестве меры стимулирования развития регионов и муниципалитетов АЗРФ обсуждаются вопросы создания на этих территориях опорных зон, которые должны дать толчок развитию ряда региональных экономических проектов. Однако внятного понимания механизмов определения, поддержки, источников финансирования опорных проектов у многих заинтересованных сторон процесса так и нет;
- сильная межрегиональная конкуренция, которая обусловлена как начальным этапом формирования макрорегиона, так и невнятной позицией федерального центра по поводу территориального развития макрорегиона. Наиболее острая конкуренция между арктическими регионами наблюдается за получение неофициальных арктических статусов (прежде всего, с помощью проведения статусных мероприятий, посвящённых Арктике) и за поддержку региональных и межрегиональных инвестиционных проектов на федеральном уровне в рамках арктической политики [8, Каторин И.В., с. 73–78].

Особенности положения Архангельской области в АЗРФ

Прежде чем перейти к рассмотрению влияния на развитие Архангельской области процесса формирования АЗРФ, необходимо выделить ряд особенностей, которую характеризуют стартовые позиции нашего региона, как территории Арктической зоны РФ. К таким особенностям можно отнести:

- частичная включённость области в состав АЗРФ. Лишь 7 из 21 муниципального образования области признаны арктическими (*города Архангельск, Северодвинск, Новодвинск, Приморский, Мезенский, Онежский районы, Новая земля*). Вместе с тем по многим демографическим, экономическим, научно-образовательным показателям, данные муниципалитеты в совокупности имеют существенную долю в регионе;
- по физико-географическим и климатическим критериям наш регион нельзя отнести к числу арктических. Его территория находится южнее 66 параллели, средние температуры в Архангельской области заметно выше, чем это требуется для включения в арктическую климатическую зону;
- богатая история региона, связанная с изучением, исследованием и освоением Арктики;
- развитая транспортная и научно-образовательная инфраструктура арктической части региона;
- по многим социально-экономическим показателям Архангельская область регион не входит в число лидеров среди регионов АЗРФ.¹

В целом указанные особенности формируют как положительные, так и отрицательные предпосылки для использования арктического фактора в стратегии развития региона. В частности, «неарктические» физико-географические и климатические особенности области не остаются без внимания со стороны властных, бизнес-, научных структур других регионов. Их нейтрализация требует от представителей Архангельской области явной или скрытой демонстрации обоснованности включения региона в состав АЗРФ.

Влияние формирования АЗРФ на различные сферы Архангельской области

По нашему мнению, окна возможностей, связанные с формированием Арктической зоны России, в наибольшей степени связаны с тремя сферами жизни региона:

- политическая (арктические статусы, внешние связи и внешний имидж);
- социальное пространство (региональная идентичность, престижность отраслей и профессий, развитие или стагнация локальных территорий);
- экономическая (инфраструктура, инвестиции, новые предприятия и организации, туризм).

Наибольшие возможности в настоящее время сосредоточены в политической сфере. И это закономерно. Арктическая зона России выделена в качестве объекта государственного управления, прежде всего, для защиты национальных политических и экономических интересов в высоких широтах как реакция на возросшую во второй половине 2000-х гг. активность других приарктических стран. Поэтому именно политические цели и методы являются, по сути дела, доминирующими на начальном этапе формирования этого территориального образования. Недаром наиболее оживлённая «арктическая» активность наблюдалась в политической или околполитической плоскости. По мнению многих экспертов, уже несколько

---

¹ Рейтинг регионов РФ по качеству жизни – 2016. URL: http://vid1.rian.ru/ig/ratings/life_2016.pdf (дата обращения: 13.05.2018)

лет идёт борьба между регионами, между ведомствами за место в арктическом процессе, которое позволяет рассчитывать на дополнительные средства из федерального бюджета. Архангельская область, начиная с конца 2000-х, активно включилась в борьбу за арктические статусы. Причём по мере активизации арктической политики России видоизменялись арктические притязания региона. В настоящее время Архангельская область активно претендует на 3 статусные позиции:

- центр арктических мероприятий и форумов;
- центр научно-образовательного пространства АЗРФ;
- транспортно-логистический центр АЗРФ.

Стоит отметить, что конкуренция за арктические статусы осуществлялась, как правило, несколькими способами: работа на информационном поле, проведение на территории крупных профильных мероприятий разного уровня, привлечение в регион профильных государственных и негосударственных структур.

Наиболее успешным, на наш взгляд, «статусным» направлением является научно-образовательное. Успешность связана, в первую очередь, с деятельностью Северного Арктического федерального университета имени М.В. Ломоносова. Университет стал площадкой многих мероприятий арктической направленности, инициатором создания и администратором Национального арктического научно-образовательного консорциума (НАНОК), участником многих экспертных и консультативных структур федерального уровня².

Следует признать успешность позиционирования региона как центра арктических мероприятий. За последние 3 года в Архангельской области проведено более 30 крупных международных и федеральных конференций, совещаний, форумов по арктической тематике. Наиболее значимым из них стал Международный форум «Арктика – территория диалога» с участием Президентов России, Финляндии, Исландии. Форум стал наиболее представительным мероприятием в России по арктической тематике за последние 10 лет. Его проведение, по нашему мнению, позволило закрепить позиции области как центра арктических мероприятий и форумов. Проведение подобных мероприятий — это не только прямая отдача от делового туризма и обновление материально-технической базы, это хорошие возможности для усиления контактов с лицами, принимающими решения на федеральном уровне, для продвижения проектов и программ.

Таблица 1

Мероприятия по арктической тематике, проведённые в Архангельской области в 2015-2017 гг.

Статус	Мероприятия
Центр международного арктического диалога	<ul style="list-style-type: none"> • Международная встреча представителей государств – членов Арктического совета, стран-наблюдателей Арктического совета и научной общественности (сентябрь, 2015) • Празднование 75-летия прихода первого конвоя в г. Архангельск (август, 2016)

² Елена Кудряшова: Арктику невозможно осваивать в одиночку. URL: https://narfu.ru/life/news/media_about_us/internet/306425/ (дата обращения: 13.05.2018)

	<ul style="list-style-type: none"> • Международная конференция «Арктика – территория диалога» (март, 2017) • 16-я министерская сессия Совета Баренцева / Евроарктического региона (СБЕР) (октябрь, 2017) • I Международный кинофестиваль стран Арктики "Arctic open" (декабрь, 2017)
Центр научно-образовательного пространства АЗРФ	<ul style="list-style-type: none"> • Сессия «Кадровый и научный потенциал для освоения Арктической зоны РФ» международного форума «Арктические проекты – сегодня и завтра» (2014 – 2017) • Международная научная конференция «Государственная политика по защите национального суверенитета и урегулированию спорных проблем международных отношений на Европейском Севере и в Арктике в первой четверти XX века: исторический опыт и уроки для современности» (2015) • Международная научная конференция «Конкурентный потенциал северных и арктических территорий» (2015) • Международная конференция «Проблемы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций в Арктике, включая вопросы подготовки профильных кадров для работы в северных условиях» (2015) • Всероссийская конференция с международным участием «Комплексные научные исследования и сотрудничество в Арктике: взаимодействие вузов с академическими и отраслевыми научными организациями» (2015) • Международная научная конференция «Природные ресурсы и комплексное освоение прибрежных районов Арктической зоны» (2015) • Международная конференция «Обеспечение безопасности и устойчивого развития Арктического региона, сохранение экосистем и традиционного образа жизни коренного населения Арктики» (2016) • Всероссийская научно-практическая конференция «Арктика – национальный мегапроект: кадровое обеспечение и научное сопровождение» (2016) • Сессия «Арктика – территория профессионалов» международной конференции «Арктика – территория диалога» (2017)
Транспортно-логистический центр АЗРФ	<ul style="list-style-type: none"> • Международный форум «Арктические проекты – сегодня и завтра» (2014, 2015, 2016, 2017) • Совместное заседание Морской коллегии при Правительстве РФ и президиума Государственной комиссии по вопросам развития Арктики (2016) • Заседание Государственной комиссии по вопросам развития Арктики (2017) • Сессия «Арктика – территория транспортных возможностей» международной конференции «Арктика – территория диалога» (2017)

Экономическая сфера может ощутить позитивные изменения значительно позже политической. Не будем подробно останавливаться на возможных экономических последствиях включения региона в состав АЗРФ – об этом довольно часто рассуждают представители региональной власти³. Отметим только, что, по нашему мнению, успешность экономических изменений зависит от эффективности лоббирования региональных проектов на федеральном уровне, от интереса крупного бизнеса к возможностям региона, от конъюнктуры на национальном и международном рынке. Определённые успехи у региона уже есть, например, активное развитие на Левом берегу Архангельска компании МРТС-терминал, улучшение материально-технической базы САФУ в период подготовки международного форума, открытие гостиницы Novotel и другие. Вместе с тем развитие многих проектов, особенно таких амбициозных, как «Белкомур» и глубоководный район морского торгового порта, пока под большим вопросом.

³ Иконников В.М. Архангельская область – опорный регион для освоения Арктики. URL: http://www.sozvezdye-forum.ru/assets/files/Presentation_2016/Plenarnaya%20chast/IkonnikovVM.pdf (дата обращения: 13.05.2018)

Рис. 2. Приоритетные «арктические окна возможностей» для региона и их предварительное состояние

Социальное пространство Архангельской области является наиболее инертной сферой. За последние годы здесь наблюдались негативные тенденции, характерные для всего российского Севера: демографические потери населения, опустынивание территорий; кризис социально-бытовой инфраструктуры; разрушение социально-экономического пространства; усиление диспропорций в уровне и качестве жизни населения отдельных территорий; рост доли молодёжи, покидающей Север; спад рождаемости; ухудшение здоровья; катастрофический уровень смертности населения; распад семьи; низкий уровень официальных браков, высокий уровень разводов; появление признаков очередной «демографической ямы» [9, Дрегалю А.А., с. 135–145]. Вместе с тем в перспективе фактор формирования АЗРФ может оказать существенное влияние на изменение данной сферы региона, особенно на такие компоненты, как региональная идентичность, социально-профессиональная и этническая структура населения, пространственно-территориальная локализация.

Региональную идентичность чаще всего определяют как «результат когнитивного, ценностного, эмоционального процесса осознания принадлежности к своему региональному сообществу, проявляющийся в определённом типе идентификационного поведения субъектов регионального социума» [10, Тумакова К.Е., с. 49]. Этот компонент индивидуального и коллективного сознания во многом определяет сплочённость регионального сообщества, когнитивно-эмоциональную привлекательность территории, формирует миграционные установки населения.

Последние годы социологи фиксируют увеличение числа желающих покинуть регион, снижение оценок удовлетворённости жизнью в Архангельской области, привлекательности родного региона [11, Дрегалю А.А., с. 87–145]. Всё чаще можно прочесть в социальных сетях и СМИ рассуждения о том, что «северные надбавки и льготы» не делают больше регион притягательным с экономической точки зрения, а область всё больше воспринимается, как северная провинция, периферия. Это свидетельствует о кризисе региональной идентичности, который в свою очередь, является одним из индикаторов развития региона.

В связи с этим процесс формирования АЗРФ, который сопровождается информационной активностью на федеральном и региональном уровне, может «вдохнуть» новую жизнь в региональную идентичность Архангельской области, придать образу региона привлекательные черты. Стоит отметить, что наши коллеги из Мурманской области считают, что арктический дискурс, безусловно, укрепляет региональную идентичность на Кольском полуострове и благоприятен для развития региона [12, Шарова Е.Н., с. 152].

Вместе с тем нельзя не отметить сложность обновления региональной идентичности. Существуют индивидуальный и коллективный образ региона, стихийный и целенаправленный процесс его формирования. Кроме того, индивидуальное отношение к региону формируется в сознании под воздействием разнородных факторов как коммуникационного, так и содержательного характера. Поэтому, по нашему мнению, успешность изменения отношения к региону зависит как от скоординированности коммуникационных действий различных субъектов (власть, бизнес, СМИ), так и от связанности виртуальной (заявляемой) и реальной (ощущаемой) картины изменений в регионе. В этой связи, можно указать два возможных нежелательных результата этого процесса. Первый — разочарование регионального сообщества в арктическом статусе области, которое может произойти в случае гиперактивного продвижения арктической темы при отсутствии явных изменений в социально-экономическом положении жителей области. Второй — разное по характеру отношение к арктическому статусу области в различных группах регионального сообщества, которое способствует мягкому или жёсткому социокультурному расколу области. Наиболее вероятен этот раскол по линии север — юг, поскольку лишь северные муниципальные образования вошли в состав АЗРФ, плюс именно в этой части региона сосредоточены организации и предприятия, которые наиболее тесно связаны с арктическими проектами (САФУ, Севмаш, Звёздочка, СГМУ, Морской торговый порт и другие).

В настоящее время, по нашему мнению, в процессе формирования обновлённой идентичности региона завершается начальная фаза. После проведения международного форума «Арктика — территория диалога», в котором участвовал Президент РФ В.В. Путин, первичная информированность населения региона по поводу арктического статуса Архангельска и всей области достигла возможного максимума. При этом понимание особенностей арктической миссии региона весьма ограничено, а ожидания регионального сообщества от арктического статуса Архангельской области весьма осторожны.

Социальная структура населения Архангельской области также может подвергнуться изменениям. В первую очередь это касается профессионально-отраслевой структуры. Высока вероятность определённого возрождения в регионе морских отраслей и связанных с ними профессий. Ведь развитие Северного морского пути (СМП) – это явный приоритет российской стратегии развития Арктики. Одним из первых маркеров этого процесса является рост конкурса абитуриентов в АМУ им. Воронина⁴. Также возможна более высокая востребованность специалистов горнорудного и логистического профиля в связи с реализацией ряда проектов Архангельской опорной зоны. В областном центре и на прилегающих территориях вероятен рост доли занятых в сервисном секторе как следствие роста делового и познавательного туризма.

Примечательно, что подобный профессионально-отраслевой крен чутко уловило население. По данным телефонного опроса жителей северных городских поселений Архангельской области, именно морские и ресурсодобывающие отрасли и профессии возглавляют, по их мнению, список возможных бенефициаров от активизации арктической политики России.

Таблица 2

Какие профессии, отрасли, по Вашему мнению, сильнее всего выиграют от реализации арктических проектов?⁵ (N=907)

<i>Открытый вопрос, ответы называли сами респонденты</i>	<i>В % от опрошенных</i>
Нефтяники, газовики	36,2
Морской транспорт, моряки, порт	22,6
Судостроение, судостроители	18,6
Добыча твёрдых полезных ископаемых	14,3
Геология, геологи	12,7
Рыболовство, рыбаки	11,5
Лесопромышленный комплекс	9,5
ВУЗы, наука, учёные, преподаватели	5,7
Рабочие профессии, работы	5,6
Строительство, строители	4,5
Военные, армия	2,6
Чиновники, депутаты, власть	2,4
Туризм, туристические компании	2,3
Образование, учителя, педагоги	2,2
Здравоохранение, медицина, медики	1,9
Руководители, менеджеры	1,7
Охрана окружающей среды, экологи	1,1

⁴ Директор Архангельской мореходки: «Мне очень легко принимать решения». URL: <http://ami-voronina.ru/direktor-arhangelskoy-morehodki-mne-ochen-legko-prinimat-resheniya.html> (дата обращения: 13.05.2018)

⁵ Телефонный опрос методом CATI проводился с 25 октября по 12 декабря 2014 г. в рамках проекта «Состояние и перспективы социально-экономического развития арктических регионов России в представлениях жителей европейского Севера», выборка по Архангельской области — 907 человек.

Определённые изменения в национально-этническом составе севера региона возможны при реализации крупных инвестиционных проектов, таких как строительство ГОК на Павловском месторождении (о. Новая Земля) и особенно строительство глубоководного района морского порта на территории Приморского района. По нашему мнению, крайне вероятно привлечение для строительства мигрантов из стран СНГ для повышения экономической эффективности реализации. Опыт реализации похожих проектов в Ямало-Ненецком автономном округе имеет подобные примеры. В этом случае региональное сообщество должно быть готово к новому качеству национально-этнической среды на севере Архангельской области.

Особенности пространственной-территориальной локализации также могут претерпеть изменения в связи с формированием АЗРФ. В частности, при введении дополнительных льгот для жителей муниципальных образований, вошедших в АЗРФ, или преференций для бизнеса данной территории, может резко активизироваться внутрирегиональная миграция на север области, особенно в города агломерации Архангельск — Северодвинск — Новодвинск. Эта тенденция может иметь место и в случае, если жители АЗРФ не получают дополнительных льгот и гарантий, в то время как на территории остальных МО, в первую очередь, расположенных южнее, эти льготы и гарантии полностью или частично будут аннулированы.

Заключение

Начиная с середины 2000-х гг. Россия активизирует свою арктическую политику. С 2013 г. запущен процесс формирования Арктической зоны РФ как объекта государственного управления. В настоящий момент идёт формирование нормативного поля и организационного каркаса макрорегиона. В данном процессе чётко прослеживается ряд тенденций, таких как внешняя обусловленность, доминирование государства, технократический и проектный подход, неравномерность и приоритетность «приморского» критерия развития АЗРФ, неопределённость финансовых механизмов, острота межрегиональной и межведомственной конкуренции. Представляются вероятными инерционный, модернизационный, инновационный сценарии развития АЗРФ.

Архангельская область занимает особое место в АЗРФ. Специфические арктические черты создают как положительные, так и отрицательные предпосылки для использования арктического фактора в развитии региона.

В целом формирование Арктической зоны РФ открывает для Архангельской области целый каскад возможностей для позитивных изменений в самых разных сферах. При этом данный процесс может катализировать социальные риски, особенно связанные с неполным вхождением региона в состав АЗРФ, а также в связи с реализацией крупных инвестиционных проектов.

Наиболее серьёзные возможности, связанные с активизацией арктической политики государства, появляются у региона в политической (арктические статусы, внешние связи и

внешний имидж) и экономической (инфраструктура, инвестиции, новые предприятия и организации, туризм) сферах. Именно здесь уже наблюдаются определённые подвижки. Изменения в социальном пространстве пока минимально заметны. Но именно эта сфера имеет большой потенциал развития, связанный с обновлением образа региона, усилением региональной идентичности, изменением социального состава населения, повышением человеческого и экономического капитала муниципальных образований. Вместе с тем при определённом сценарии развития АЗРФ в Архангельской области могут катализироваться неблагоприятные последствия, связанные с неполным вхождением региона в состав АЗРФ и реализацией крупных инвестиционных проектов.

Эффективность использования открывающихся для области возможностей и нейтрализация возможных рисков во многом зависит от скоординированной работы различных субъектов регионального сообщества, таких как областная и муниципальная власть, бизнес, научное и медиасообщество.

Литература

1. Huskey L. Limits to growth: remote regions, remote institutions // *The Annals of Regional Science, Western Regional Science Association*. 2006. Vol. 40 (1). P. 147–155.
2. Михеева Н.Н. Факторы роста российских регионов: адаптация к новым условиям // *Регион: экономика и социология*. 2017. № 4. С. 151–176.
3. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Россия, которую мы обрели: исследуя пространство на микроуровне. Москва: МГУ, 2013. 513 с.
4. Регионы Севера и Арктики Российской Федерации: современные тенденции и перспективы развития: монография / Под ред. Т.П. Скуфьиной, Н.А. Серовой. Апатиты: КНЦ РАН, 2017. 171 с.
5. Ивантер В.В., Лексин В.Н., Порфирьев Б.Н. Арктический мега-проект в системе государственных интересов и государственного управления // *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2014. № 6. С. 6–24.
6. Лукин Ю.Ф. Российская Арктика или Арктическая зона // *Арктика и Север*. 2016. № 23. С. 173–185. DOI 10.17238/issn2221-2698.2016.23.171
7. Sentsov A., Bolsunovskaya Y. and Melnikovich E. The Arctic zone: possibilities and risks of development // *IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science*. 2016. № 43. DOI 10.1088/1755-1315/43/1/012100
8. Каторин И.В., Чураков А.А. Проблемы и перспективы развития арктических регионов (по материалам экспертного опроса) // *Арктика и Север*. 2015. № 19. С. 71–80.
9. Дрегалю А.А. Социокультурная динамика социального пространства Севера: монография / Под ред. В.И. Ульяновского, А.А. Дрегалю. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2017. 252 с.
10. Тумакова К.Е. Социальные факторы формирования региональной идентичности в условиях современной России: диссертация ... кандидата социологических наук / Пенз. гос. ун-т. 219 с.
11. Дрегалю А.А., Ульяновский В.И. Социология региональных трансформаций. Т. 2. Региональный социум 1999–2008: от разочарования к надежде. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2010. 407 с.
12. Шарова Е.Н. Роль арктического дискурса в формировании идентичности жителей Северного региона // *Регион: экономика и социология*. 2016. № 4. С. 139–152.

References

1. Huskey L. Limits to growth: remote regions, remote institutions. *The Annals of Regional Science*, Western Regional Science Association, 2006, Vol. 40 (1). pp. 147–155.
2. Miheeva N.N. Faktory rosta rossijskih regionov: adaptacija k novym uslovijam [Factors of growth of Russian regions: adaptation to new conditions]. *Region: jekonomika i sociologija* [Region: Economics and Sociology], 2017, no. 4, pp. 151–176.
3. Zamjatina N.Ju., Piljasov A.N. *Rossija, kotoruju my obreli: issleduja prostranstvo na mikrourovne* [Russia, which we found: exploring the space at the micro level], Moscow, Lomonosov Moscow State University Publ., 2013, 513 p. (in Russ.)
4. Regiony Severa i Arktiki Rossijskoj Federacii: sovremennye tendencii i perspektivy razvitija, monografija [Regions of the North and Arctic regions of the Russian Federation: current trends and prospects for development, monograph]. Ed. by T.P. Skuf'ina, N.A. Serova. Apatity, Kola science centre of the RAS Publ., 2017, 171 p. (in Russ.)
5. Ivanter V.V., Leksin V.N., Porfir'ev B.N. Arkticheskij mega-proekt v sisteme gosudarstvennyh interesov i gosudarstvennogo upravlenija [Arctic mega-project in the system of state's interests and public administration]. *Problemnyj analiz i gosudarstvenno-upravlencheskoe proektirovanie* [Problem Analysis and Public Administration Projection], 2014, no. 6, pp. 6–24.
6. Lukin Ju.F. Rossijskaja Arktika ili Arkticheskaja zona [Russian Arctic or the Arctic zone]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2016, no. 23, pp. 173–185. DOI 10.17238/issn2221-2698.2016.23.171
7. Sentsov A., Bolsunovskaya Y. and Melnikovich E. The Arctic zone: possibilities and risks of development. *IOP Conf. Series: Earth and Environmental Science*, 2016, no. 43. DOI 10.1088/1755-1315/43/1/012100
8. Katorin I.V., Churakov A.A. Problemy i perspektivy razvitija arkticheskikh regionov (po materialam jekspertnogo oprosa) [Arctic Regions' development problems and prospects (based on expert survey)]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2015, no. 19, pp. 71–80. DOI 10.17238/issn2221-2698.2016.23.171
9. Dregalo A.A. *Sociokul'turnaja dinamika social'nogo prostranstva Severa, monografija* [Sociocultural dynamics of the social space of the North, monograph]. Ed. by V.I. Ul'janovskij, A.A. Dregalo. Arhangel'sk, NArFU Publ., 2017, 252 p. (in Russ.)
10. Tumakova K.E. *Social'nye faktory formirovanija regional'noj identichnosti v uslovijah sovremennoj Rossii* [Social factors of formation of regional identity in the conditions of modern Russia], dissertacija ... kandidata sociologicheskikh nauk, Penza State University Publ., 219 p. (in Russ.)
11. Dregalo A.A., Ul'janovskij V.I. *Sociologija regional'nyh transformacij. T. 2. Regional'nyj socium 1999–2008: ot razocharovanija k nadezhde* [Sociology of regional transformations. Vol. 2. Regional Society 1999–2008: from disappointment to hope]. Arhangel'sk, NArFU Publ., 2010, 407 p. (in Russ.)
12. Sharova E.N. Rol' arkticheskogo diskursa v formirovanii identichnosti zhitelej Severnogo regiona [The role of arctic discourse in the construction of a northern regional identity]. *Region: jekonomika i sociologija* [Region: Economics and Sociology], 2016, no. 4, pp. 139–152.

УДК [316.3:33](470.11)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.41

Территориальная социальная работа как условие повышения качества жизни населения северного региона *

© МАЛИК Лариса Сергеевна, кандидат педагогических наук, доцент

E-mail: l.malik@narfu.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

© МЕЛКАЯ Лия Александровна, магистрант

Тел.: 8-952-308-83-89. E-mail: lia.melkaya@yandex.ru

Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия

Аннотация. В статье обозначены компоненты и факторы качества жизни населения северного региона. Показана специфика реализации социальной работы на севере. Рассмотрен рейтинг северных регионов России по качеству жизни, отмечена взаимосвязь качества жизни с формой организации социальной работы. Представлен потенциал территориальной социальной работы на Севере, сфокусированной на деятельности в местном сообществе и направленной на активизацию индивидов, семей, социальных групп. Раскрыты приоритетные задачи и отдельные направления социальной работы по территориальному принципу в рамках разработки подходов к реализации федерального проекта «Крепкая семья» партии «Единая Россия» в Архангельской области.

Ключевые слова: северный регион, качество жизни, территориальная социальная работа, местное сообщество, партийный проект «Крепкая семья».

Community social work as a condition for improving the quality of life of the population of the northern region

© Larisa S. MALIK, Cand. Sci. (Ped.), associate professor

E-mail: l.malik@narfu.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

© Liya A. MELKAYA, MS graduate

Tel.: +7-952-308-83-89. E-mail: lia.melkaya@yandex.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia

Abstract. The article identifies the components and factors of the quality of life of the population of the northern region. The specifics of social work in the North are presented. The authors considered the rating of Northern regions of Russia on quality of life and noted the relationship between the quality of life with a form of social work. The potential of community social work in the North focused on activities in the local community and aimed at strengthening individuals, families and social groups is also discussed. The authors revealed priorities and individual areas of social work according to the territorial principle in the development of approaches to implementation of the Federal project “Strong family” of the party “Edinaya Rossiya” (“United Russia”) in the Arkhangelsk region.

Keywords: Northern region, quality of life, community social work, local community, political party project “Strong family”.

---

* Для цитирования:

Малик Л.С., Мелкая Л.А. Территориальная социальная работа как условие повышения качества жизни населения северного региона // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 41–51. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.41

For citation:

Malik L.S., Melkaya L.A. Community social work as a condition for improving the quality of life of the population of the northern region. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 41–51. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.41

Повышение качества жизни населения северных регионов в аспекте организации социальной работы

Устойчивое развитие северных регионов России является условием обеспечения национальной безопасности, поскольку данные территории имеют особое геополитическое значение и обладают существенным природно-ресурсным потенциалом. Миссия Севера состоит в финансово-экономической поддержке перехода страны на инновационный виток развития.¹ При этом внимание акцентируется на необходимости повышения качества жизни населения северных регионов посредством создания возможностей для осуществления полноценной жизнедеятельности.

Качество жизни интегрально совмещает индекс человеческого развития, степень удовлетворения жизненных потребностей населения, показатели социально-экономического благосостояния региона. Одним из механизмов повышения качества жизни различных категорий населения выступает социальная работа, направленная на адаптацию и самореализацию личности в обществе, изменение социальной ситуации, развитие общественных структур всех уровней. При этом качество жизни не является «стандартизированной» категорией, это вариативная система индикаторов, которая может быть сформирована с учётом специфики территории и характера потребностей населения. В связи с этим представляется возможным провести параллель между качеством жизни и формой организации социальной работы в конкретном регионе.

Основой построения территориальных моделей социальной работы в субъектах России стало Постановление Правительства РФ от 1 марта 2004 г. № 117, утвердившее «Порядок подготовки, согласования и утверждения соглашений между федеральными органами исполнительной власти и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации, о передаче ими друг другу осуществления части своих полномочий ...»² (в настоящее время Порядок утратил силу — *прим. авт.*). При этом комплексные лонгитюдные исследования относительно динамики и сравнения качества жизни по регионам России отсутствуют, мы можем оперировать лишь показателями отдельных рейтингов, основанных по большей части на статистических данных.

Рейтинг субъектов Российской Федерации по качеству жизни — 2016, составленный на основе комплексного учёта 72 показателей, включая эколого-климатические условия, демографическую ситуацию, уровень экономического развития, степень освоённости территории и развития транспортной инфраструктуры, уровень доходов населения, показатели за-

¹ Концепция долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2020 года: утв. Распоряжением Правительства РФ от 17.11.2008 г. № 1662-р. URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_82134/28c7f9e359e8af09d7244d8033c66928fa27e527/ (дата обращения: 13.11.2017).

² Постановление Правительства Российской Федерации от 01.03.2014 г. № 117 «О порядке подготовки, согласования и утверждения соглашений между федеральными органами исполнительной власти и исполнительными органами государственной власти субъектов Российской Федерации о передаче ими друг другу осуществления части своих полномочий, а также о внесении изменений в такие соглашения» (в ред. от 09.07.2004). URL: <https://rg.ru/2004/03/11/polnomochiya-dok.html> (дата обращения: 15.11.2017).

нятости, рынок труда, жилищные условия и безопасность проживания, обеспеченность объектами социальной инфраструктуры, демонстрирует низкие позиции большинства северных регионов. Так, Архангельская область занимает в рейтинге 71 место из 85.³ В условиях севера индикаторы качества жизни находятся в прямой зависимости от так называемых факторов «северности», среди которых высокая стоимость воспроизводства всех видов капитала, экономическая затратность проживания, тяжёлые природно-климатические условия и техногенная нагрузка [1, Скуфьина Т.П.]. Ситуация осложняется усилением неравенства территорий в параллели от центра к периферии и социально-экономической поляризацией населения вследствие диспропорций в доходах, что ведёт к росту социальной напряжённости.

В то же время не следует связывать низкие показатели качества жизни только со статусом северной территории, поскольку опыт целого ряда регионов, где уделяется повышенное внимание вопросам организации социальной работы, свидетельствует об обратном. Например, Ханты-Мансийский автономный округ (Югра) входит в десятку лидеров вышеобозначенного рейтинга⁴ и имеет самый низкий коэффициент младенческой смертности по стране, а Ямало-Ненецкий автономный округ занимает первое место в рейтинге регионов по уровню жизни семей⁵ и является субъектом России с высокой степенью социальной устойчивости по обобщённой характеристике уровня жизни населения [2, Корчак Е.А.]. В связи с этим требуется рассмотрение вопросов организации социальной работы в северном регионе как механизма, содействующего улучшению качества жизни населения.

Так, с 2008 г., согласно постановлению Правительства региона № 174-п⁶, социальная работа в Югре организуется по участковому принципу, что предполагает максимальную приближённость социальной работы к месту проживания семей; обеспечение пребывания клиента в привычной социокультурной среде; ставку на профилактику семейного и социального неблагополучия; развитие межведомственного взаимодействия с активным привлечением некоммерческого сектора, общественных и добровольческих инициатив. На каждый социальный участок введён норматив численности: в муниципальном районе он варьируется от 1 500 до 5 000 человек, в городском округе — от 5 000 до 7 000 жителей. В Ямало-Ненецком автономном округе также происходит интенсивное становление организационных форм территориальной социальной работы с целью максимальной приближённости к населению. Более восьми лет назад было положено начало развитию участковых социальных служб, деятельность которых сегодня сфокусирована на предотвращении семейного неблагополучия и профилактике социальных отклонений.

³ Рейтинг российских регионов по качеству жизни — 2016 // РИА Рейтинг URL: <https://ria.ru/infografika/20170220/1488209453.html> (дата обращения: 11.11.2017).

⁴ Там же.

⁵ Рейтинг регионов по благосостоянию российских семей по итогам 2016 г. // РИА Рейтинг. URL: <http://riarating.ru/regions/20170515/630062559.html> (дата обращения: 11.11.2017).

⁶ Постановление Правительства Ханты-Мансийского автономного округа — Югры от 20 августа 2008 г. № 174-п «Об организации социальной работы по участковому принципу в Ханты-Мансийском автономном округе — Югре» (с изм. на 31.10.2014). URL: <http://docs.cntd.ru/document/991021580> (дата обращения: 12.11.2017).

Принимая во внимание вышеуказанные примеры и учитывая сложность переноса опыта традиционных секторальных форм организации социальной работы и практик из субъектов центральной России, авторы задаются вопросом о необходимости формирования территориальных моделей социальной работы в северных регионах.

Потенциал территориальной социальной работы в северных регионах

Территориальная социальная работа (community social work) — направление социальной работы с местным сообществом, посредством которой индивиды, семьи и социальные группы вовлекаются в спланированную деятельность для решения актуальных задач и проблем. В центре внимания территориальной социальной работы стоит реализация жизненно важных функций человека в семье, социуме, общине. Ключевым принципом территориальной социальной работы является семейно-ориентированный подход, который предполагает осуществление работы с клиентом в рамках привычной ему социально-культурной среды при актуализации ресурсов семьи, соседского и местного сообщества. Под сообществом понимается множество людей, проживающих на территории муниципального образования и объединённых общими интересами в вопросах местного значения. Работа «на низовом уровне» строится на широком сотрудничестве общины с формальными системами, что означает внутренние социальные изменения и высокий уровень ответственности сообщества [3].

Другими словами, предполагается передача социальной ответственности на муниципальный уровень и делегирование полномочий по развитию социальной ситуации общинам. Доказано, что пути повышения эффективности социальной работы основываются на социальной вовлечённости сообщества и повышении участия граждан, особенно социально уязвимых групп, в реализации муниципальной социальной политики [4]. Базовой структурой территориальной модели социальной работы является участковая социальная служба, которая находится в пределах «шаговой доступности» и включает многопрофильный коллектив специалистов (социальные и медицинские работники, педагоги, психологи, юристы). Учреждение курирует территорию с населением до 2 000 жителей и функционирует в автономном режиме. Как правило, оно имеет двойное административное подчинение, располагает несколькими источниками финансирования. В российских реалиях в такие службы могут быть трансформированы центры социальной помощи семье и детям, отделения социальной защиты населения муниципалитета, комплексные центры социального обслуживания.

Территориальная социальная работа — своего рода «буферный» механизм, позволяющий конструктивно реализовывать социальную политику на уровне муниципальных образований. Она зародилась в последней четверти XX в. в Великобритании и зарекомендовала себя эффективной организационной формой, в сравнении с секторальной социальной работой, сконцентрированной на решении выявленных проблем и оказании помощи по факту принадлежности человека к той или иной клиентской категории. Социальные технологии,

нацеленные на работу с микросоциумом, хорошо институционализированы в Скандинавских странах, где местное сообщество играет определяющую роль в социальном развитии благодаря наличию устойчивой связи населения с так называемым феноменом «социальной укоренённости» — местной индивидуальной и коллективной идентичности [5, Рябова Л.А.].

В России территориальная форма организации социальной работы представлена фрагментарно. Её широкому распространению, по мнению исследователей, препятствует патерналистская направленность социальной политики и пассивная позиция большей части местных сообществ [6, Волченко С.Ю., с. 125–126]. Необходимость территориальной дифференциации в соответствии с различиями в условиях жизнедеятельности населения, саморазвитие территориальных общностей, обеспечение самостоятельности управления на уровне муниципальных образований были обозначены ещё в Концепции социально-экономического развития районов Севера 1992 г. и являются базовыми условиями перехода к модели устойчивого развития северных регионов, в основе которой — интересы человека и улучшение условий его обитания.⁷

Однако в настоящее время большинство жителей северных регионов выступает скорее реципиентами государственной помощи и поддержки, нежели активными участниками реализации социальной политики. Подобное поведение сложилось ещё со времён СССР, когда система социального обеспечения, основанная на политике протекционизма и компенсационности, содействовала закреплению устойчивых патерналистских установок. Часть населения выработала «маргинальные» механизмы адаптации к условиям Севера, которые проявляются в наличии иждивенческих настроений, отсутствии мотивации к трудовой деятельности, распространении алкоголизма, росте установок на насилие и агрессию как средства реализации своих интересов, что становится почвой для широкой детерминации отклоняющегося и делинквентного поведения [7, Константинова Т.Н., 8, Степанова П.П., 9, Трубицын Д.А.]. Исследователи также наблюдают тенденции к девальвации культурных и семейных ценностей, разрушению брачно-семейных отношений, что приводит к расширению масштабов жестокого обращения с несовершеннолетними и росту социального сиротства.

В то же время анализ жизнедеятельности автохтонного населения, поморов, коренных малочисленных народов Севера демонстрирует высокую значимость местного сообщества в жизни каждого человека. Община играла в жизнедеятельности северянина огромную роль и выступала институтом контроля по соблюдению и воспроизводству устоев, обычаев, традиций, являлась гарантом полноценного функционирования и социальной безопасности. Как сложная культурно-историческая и социально-экономическая система она содействовала образованию базовых устойчивых архетипов, конструктов сознания, регламентирующих поведение человека. Например, для северян было практически не свойственно явление инфантицида и социального сиротства, поскольку доминировали ценности семейственности,

---

⁷Концепция социально-экономического развития районов Севера: утв. Распоряжением Правительства РФ от 18 января 1992 г. № 107-р. URL: <http://docs.cntd.ru/document/901607038> (дата обращения: 12.11.2017).

родства, детства, взаимоуважения, а община поддерживала семьи, призревшие или усыновившие сироту, который именовался «своим». Особым типом семейной системы на Севере была поморская семья — расширенная, многопоколенная, проживающая, как правило, в одном большом доме и ведущая коллективное хозяйство с половозрастным разделением труда, оказанием друг другу разных видов поддержки и взаимопомощи [10, Буторина Т.С., Смягликова Е.А.]. Коренное малочисленное население также кооперировалось в небольшие группы, коллективы и союзы, основанные на взаимной поддержке и принципах «моральной экономики» [11, Соколова Ф.Х., Трошина Т.И., с. 57].

В северных регионах исторически сложилась своеобразная социокультурная среда, формирование которой было обусловлено пространственно-географическим ландшафтом и природно-климатическим статусом территории, спецификой социально-экономической деятельности, широкой распространённостью грамотности, многообразием форм народной культуры, что составляет потенциальные перспективы для развития территориальной социальной работы в данное время.

Специфика организации территориальной модели социальной работы в Архангельской области

Крупнейшим субъектом Северо-Запада России является Архангельская область. Территория региона отличается высокой степенью разнородности, условия проживания в отдельных районах неодинаковы по природно-климатическим, социально-экономическим, инфраструктурным показателям. Плотность населения составляет менее 2 человек на км². Национально-этнический состав отличается многообразием: в регионе насчитывается 108 национальностей. В Мезенском, Лешуконском, Пинежском, Приморском районах Архангельской области проживают представители коренных малочисленных народов Севера (ненцы, вепсы, ханты), однако официально к категории получателей дополнительных льгот по категории КМНС отнесены только ненцы.⁸

В Архангельской области зафиксированы достаточно высокие показатели уровня бедности (14,7%), превышающие общероссийские; констатируется миграционный отток населения за пределы региона.⁹ Реализация социальных обязательств осуществляется в условиях дефицита бюджетного финансирования, что тормозит развитие социальной сферы. Построение системы социальной работы на Севере находится в прямой зависимости от ряда особенностей, среди которых наибольший вес имеют следующие:

- малонаселённость территории, очаговый характер расселения;
- экономическая затратность жизнеобеспечения с превалированием расходов домохозяйств на удовлетворение базовых жизненных потребностей;

⁸ Постановление Правительства Российской Федерации от 24.03.2000 г. № 255 «О Едином перечне коренных малочисленных народов Российской Федерации» (в ред. от 25.08.2015). URL: <http://docs.cntd.ru/document/901757631> (дата обращения: 15.11.2017).

⁹ Архангельская область на приборной панели статистики // Итоги и перспективы Архангельской области. 2017. С. 50–52.

- удалённость от центра, дотационный характер финансирования социальной сферы;
- неразвитость транспортной, социальной, медицинской, образовательной, учрежденческой инфраструктуры;
- сложные природно-климатические условия, ослабляющие адаптационные возможности человека.

В урбанизированных пространствах, в частности, в относительно крупных городах с населением более 20 000 человек (Архангельск, Северодвинск, Котлас, Новодвинск, Коржма, Мирный, Вельск, Няндом) система социальной работы сформирована достаточно хорошо, учитывается характер потребностей населения и специфика развития городской агломерации. Функционирует сеть типовых центров социального обслуживания с элементами инновационных технологий, развиваются модели социального сопровождения. Однако в большинстве удалённых и труднодоступных районов области инфраструктура социальных учреждений развита слабо, сложно осуществляется централизованное управление подведомственными территориями вследствие их значительной «разбросанности».

Определённые попытки внедрения территориальной модели социальной работы можно отметить в рамках программы «Социальная поддержка граждан Архангельской области на 2013–2018 годы»¹⁰: в некоторых районах (Вельском, Каргопольском, Няндомском, Ленском) и городах (Архангельске, Новодвинске, Северодвинске) при государственных учреждениях для семьи и детей, комплексных центрах социального обслуживания апробирована технология «Служба социальных участков», цель которой заключалась в выявлении семей на ранних стадиях неблагополучия и содействии в получении мер социальной поддержки, профилактике безнадзорности и беспризорности несовершеннолетних. Однако широкого распространения данная практика социальной работы не получила.

В этой связи актуализирована реализация специальных программ и проектов, направленных на обновление подходов к организации социальной работы с учётом структурных изменений в образе жизни населения.

Подходы к организации территориальной социальной работы в рамках проектной деятельности

С 30 мая 2017 г. в Архангельской области стартовал федеральный проект «Крепкая семья» партии «Единая Россия», который является ведущим по активности и степени охвата территории: его география обозначена 72 регионами. Цель проекта состоит в привлечении внимания к проблемам семьи посредством работы на местном уровне посредством консолидации государственных учреждений, общественных и некоммерческих организаций, со-

---

¹⁰ Постановление Правительства Архангельской области от 12.10.2012 г. № 464-пп «Об утверждении государственной программы Архангельской области «Социальная поддержка граждан в Архангельской области (2013–2020 годы)» (в ред. от 20.12.2016). URL: <http://onegaoszn.ru/documents/npa/464-pp.html> (дата обращения: 11.11.2017).

циально-активных граждан и осуществлением практики конкретных дел.¹¹ Спектр деятельности не ограничивается направленностью на семью, но включает в себя развитие системы координационной и коррекционной работы в области профилактики социальных отклонений, совершенствование правовых и организационно-управленческих механизмов межведомственного взаимодействия, внедрение инновационных технологий в практику работы учреждений и организаций социальной сферы, содействие повышению профессиональных навыков сопровождающих специалистов.

В число приоритетных задач проекта «Крепкая семья» в Архангельской области входят следующие направления:

- поддержка социальных связей и самоорганизации на местном уровне, «соседских сообществ», групп самопомощи и взаимопомощи;
- содействие созданию добровольческих, волонтерских и общественных организаций;
- проведение массовых социально значимых мероприятий;
- просветительская работа среди населения;
- развитие альтернативных адаптивных возможностей населения через специальные образовательные программы.

В рамках проекта определена экспериментальная площадка — Вельский район, включающий 22 муниципальных образования. Данный район обладает некоторыми преимуществами в сравнении с другими территориями области: например, здесь в 2015–2017 гг. при поддержке Ассоциации «Здоровые города, районы и посёлки» была успешно апробирована программа по формированию здорового образа жизни населения через повышение активности органов местного самоуправления; с 2017 г. функционирует Общественный совет муниципального образования, в который входят представители различных учреждений и ведомств.

Проект предполагает выработку подходов, на основе которых будут определены организационные формы и технологии в русле территориальной социальной работы, учитывающей потребности и возможности каждой конкретной территории. Исследовательская компонента проекта «Крепкая семья» состоит в выявлении системы индикаторов качества жизни, оценка динамики которого позволит отслеживать изменения в потребностях, интересах, социально-психологическом статусе населения, что выступит показателями эффективности территориальной социальной работы. Поскольку категория «качество жизни» не является статичной, оптимально подобранные индикаторы позволят сформировать объективную картину социальной ситуации и спрогнозировать варианты её развития, корректируя содержательную часть социальной работы. Выработанные научно обоснованные организационно-управленческие подходы предоставят потенциал для «переноса» территориальных моделей социальной работы в другие районы области с учётом возможностей и потребностей территории.

---

¹¹ Крепкая семья // Единая Россия. Партийные проекты в регионе. URL: <http://arkhangelsk.er.ru/projects/krepkaya-semya/> (дата обращения: 14.11.2017).

Заключение

Реализация социальной работы в форме территориальных моделей может выступить условием повышения качества жизни населения, поскольку они основываются на широком вовлечении местных сообществ в развитие социальной сферы; объективно учитывают специфику и инфраструктуру конкретных территорий; оптимально задействуют ресурсы социальных партнёров, бизнес-компаний, предприятий, не ограничиваясь рамками бюджетного финансирования. С одной стороны, социальная работа выступает механизмом повышения качества жизни, с другой стороны, качество жизни является концептуальной платформой для формирования территориальных моделей социальной работы, так как даёт возможность — за счёт вариативной системы индикаторов — отразить динамику развития социальной ситуации и выстроить систему социальной поддержки с учётом изменения потребностей населения.

Особый потенциал территориальной социальной работы в северном регионе составляют исторически сложившиеся формы социальной самоорганизации, построенные по принципу коллективности, так как выживание в экстремальных природно-климатических условиях вне поддержки общины было фактически невозможно. Территориальная социальная работа, делающая ставку на повышение качества жизни, позволит достичь выравнивания стартовых возможностей, паритета интересов разных социальных групп, обеспечения сохранения традиционного образа жизни коренных малочисленных народов Севера за счёт реализации спектра дополнительных гарантий и льгот. В комплексе это позитивно скажется на сохранении культурной самобытности, национально-этнических и экологических норм северной цивилизации, что является главным условием устойчивого развития Севера [12, Снисаренко С.О.].

Партийный проект «Крепкая семья» в Архангельской области сфокусирован на разработке подходов к реализации территориальной социальной работы, основанных на представительстве различных слоёв населения и самостоятельности социально-экономической деятельности конкретных муниципальных образований по типу территориального общественного самоуправления. Принимая во внимание величину, разнородность региона и специфику районов, можно предположить, что внедрение территориальных моделей социальной работы может разрешить противоречия между необходимостью построения единой сети социального обслуживания и оказанием социальной поддержки населению на территории проживания в привычной для него социокультурной среде.

Таким образом, построение территориальной социальной работы в северном регионе позволит достичь максимальной социальной эффективности при минимальных экономических затратах и прийти к консенсусу между механизмом реализации политики устойчивого развития Севера и повышением качества жизни за счёт направленности на укрепление человеческого потенциала, удовлетворение реальных потребностей и повышение благосостояния населения.

Литература

1. Скуфьина Т.П. Специфика современного Севера // Экономика и управление. 2009. № 9 (58). С. 182–184.
2. Корчак Е.А. Уровень жизни населения регионов Севера и Арктики Российской Федерации // Фундаментальные исследования. 2015. № 7 (часть 3). С. 605–609.
3. Wessells M.G. Bottom-up approaches to strengthening child protection systems: Placing children, families, and communities at the center // Child abuse & neglect. 2015. Vol. 43. P. 8–21.
4. Moors M. Community work — the missing link of municipal social policy // 3rd International Interdisciplinary Scientific SOCIETY HEALTH WELFARE / 1st Congress of Rehabilitation Doctors of Latvia: Riga, Latvia, 11-12 NOV, 2010. 2012. Vol. 2. DOI 10.1051/shsconf/20120200023
5. Рябова Л.А. Местные сообщества планетарного Севера: тренды и факторы социального развития // Север и рынок: формирование экономического порядка. 2011. № 2 (28). С. 102–106.
6. Волченко С.Ю. Социальное картирование как технология социальной работы по семейному неблагополучию на территории // Социокультурное развитие большого Урала: тренды, проблемы, перспективы: материалы юбилейной Всероссийской научно-практической конференции XX Уральские социологические чтения (Екатеринбург, 27–28 февраля 2015 г.) / Под. ред. Ю.Р. Вишневого. Екатеринбург, 2015. С. 125–130.
7. Константинова Т.Н. Изменение форм семьи на Севере: региональное измерение // Теория и практика общественного развития. 2014. № 7. С. 27–31.
8. Степанова П.П. Социальная самоорганизация и государственная политика на Севере // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 32 (125). С. 145–148.
9. Трубицын Д.А. Социальное иждивенчество в системе детерминант преступности (на примере преступности коренных малочисленных народов Крайнего Севера Ямало-Ненецкого автономного округа) // Юридическая наука. 2015. № 4. С. 121–128.
10. Буторина Т.С., Смягликова Е.А. О призрении и воспитании детей-сирот на Архангельском Севере в XVIII–XIX вв. // Мир образования — образование в мире. 2009. № 2. С. 17–22.
11. Соколова Ф.Х., Трошина Т.И. Экологическое измерение культуры коренных малочисленных народов Российской Арктики // Экология человека. 2015. № 11. С. 56–64.
12. Снисаренко С.О. Социальная работа в местном сообществе как социологический феномен // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2007. Т. 22. № 53. С. 219–222.

References

1. Skuf'ina T.P. Specificity of modern North [Specificity of modern North]. *Ekonomika i upravlenie*, 2009, no. 9 (58), pp. 182–184.
2. Korchak E.A. Uroven' jizni naseleniya regionov Severa i Arktiki Rossiiskoi Federacii [The standard of living of the population of the North and the Arctic regions of the Russian Federation]. *Fundamentalnie issledovaniya* [Fundamental research], 2015, no. 7, ch.3. pp. 605–609.
3. Wessells M.G. Bottom-up approaches to strengthening child protection systems: Placing children, families, and communities at the center. *Child abuse & neglect*, 2015, vol. 43. pp. 8–21.
4. Moors M. Community work – the missing link of municipal social policy. *3rd International Interdisciplinary Scientific SOCIETY HEALTH WELFARE, 1st Congress of Rehabilitation Doctors of Latvia*. 11–12 NOV, 2010, 2012, vol.2. DOI 10.1051/shsconf/20120200023
5. Ryabova L.A. Mestnye soobshchestva planetarnogo Severa: trendy i factory social'nogo razvitiya [Local communities of the planetary North: trends and social development factors]. *Sever i rynek: formirovanie ehkonomicheskogo poryadka* [The North and the Market: Forming the Economic Order], 2011, no. 2 (28), pp. 102–106.
6. Volchenko S.Yu. Social'noe kartirovanie kak tekhnologiya social'noj raboty po semejnomu neblagopoluchiyu na territorii [Social mapping technology as a social work on the territory of family trouble]. *Sociokul'turnoe razvitie bol'shogo Urala: trendy, problemy, perspektivy: materialy yubilejnoj Vserossijskoj nauchno-prakticheskoy konferencii XX Ural'skie sociologicheskie chteniya* (Ekaterinburg, 27–28 fevralya 2015 g.). Ed. by Yu.R. Vishnevskiy. Ekaterinburg, 2015, pp. 125–130. (In Russ.)

7. Konstantinova T.N. Izmenenie form sem'i na Severe: regional'noe izmerenie [Change in family forms in the North: a regional dimension]. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya* [Theory and Practice of Social Development], 2014, no. 7, pp. 27–31.
8. Stepanova P.P. Social'naya samoorganizaciya i gosudarstvennaya politika na Severe [Social self-organization and public policy in the North]. *Regional'naya ehkonomika: teoriya i praktika* [Regional Economics: Theory and Practice], 2009, no. 32 (125), pp. 145–148.
9. Trubicyn D.A. Social'noe izhdivenchestvo v sisteme determinant prestupnosti (na primere prestupnosti korennyh malochislennyh narodov Krajnego Severa Yamalo-Neneckogo avtonomnogo okruga) [Social dependency in the system of the determinants of crime (on the example of the criminality of the indigenous minorities of the Far North of the Yamalo-Nenets Autonomous District)]. *Yuridicheskaya nauka*, 2015, no. 4, pp. 121–128.
10. Butorina T.S., Smyaglikova E.A. O prizrenii i vospitanii detej-sirot na Arhangel'skom Severe v XVIII–XIX vv. [On the contempt and education of orphaned children in the Arkhangelsk North in the XVIII–XX centuries.], *Mir obrazovaniya — obrazovanie v mire*, 2009, no. 2, pp. 17–22.
11. Sokolova F.H., Troshina T.I. Ehkologicheskoe izmerenie kul'tury korennyh malochislennyh narodov Rossijskoj Arktiki [Ecological capacity of the culture of indigenous minorities of the Russian Arctic], *Ehkologiya cheloveka* [Human Ecology], 2015, no. 11, pp. 56–64.
12. Snisarenko S.O. Social'naya rabota v mestnom soobshchestve kak sociologicheskij fenomen [Social work in the local community as a sociological phenomenon]. *Izvestiya Rossijskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo universiteta im. A.I. Gercena* [Herzen University Journal of Humanities & Science], 2007, vol. 22, no. 53, pp. 219–222.

СОВРЕМЕННАЯ АРКТИКА: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА, ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И БЕЗОПАСНОСТИ CONTEMPORARY ARCTIC: ISSUES OF INTERNATIONAL COOPERATION, POLITICS, ECONOMICS AND SECURITY

УДК [332.1:314](985)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.52

Человеческий капитал — ключевой актив хозяйственного освоения арктических территорий *

© **ГОВОРОВА Наталья Викторовна**, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник;
доцент
Тел.: 8-916-374-85-28. E-mail: n_govorova@mail.ru
Институт Европы РАН, Москва, Россия;
Московский технологический институт, Москва, Россия

Аннотация. Статья посвящена анализу демографической и социально-экономической ситуации в Арктической зоне Российской Федерации. Исследованы преобладающие демографические тенденции, основные показатели развития экономики и социальной сферы, ситуация на рынке труда субъектов Арктической зоны РФ, проблемы обеспечения региона кадрами необходимой квалификации, а также отдельные параметры состояния здоровья населения. Сделаны выводы о разнонаправленных векторах демографического развития отечественных северных территорий, преобладании отрицательных миграционных процессов, а также о необходимости сохранения и дальнейшего развития человеческого капитала, величина и качество которого определяется размерами инвестиций в образование и здравоохранение. По результатам проведённого анализа можно констатировать, что для решения разнообразных и сложнейших проблем возрождения российской Арктики необходимо сохранение и дальнейшее развитие человеческого капитала региона как главного фактора инновационного экономического и социального прогресса.

Ключевые слова: *Арктическая зона Российской Федерации, демография, социально-экономическое развитие, человеческий капитал, трудовые ресурсы, образование, здравоохранение.*

Human capital — a key factor of the Arctic economic development

© **Natalia V. GOVOROVA**, Cand. Sci. (Econ.), leading researcher; associate professor
Tel.: +7-916-374-85-28. E-mail: n_govorova@mail.ru
The Institute of Europe of RAS, Moscow, Russia;
Moscow Technological Institute, Moscow, Russia

Abstract. The article is devoted to the analysis of the demographic, social and economic situation in the Arctic zone of the Russian Federation. The prevailing demographic trends, the main indicators of the economic and social development, the labor market of the subjects of the Arctic zone of the Russian Federation, the provision the region with the necessary skilled workforce, and certain parameters of the health status of the population are studied. Conclusions are drawn about the multidirectional vectors of the demographic development of the Russian northern terri-

---

* Для цитирования:

Говорова Н.В. Человеческий капитал — ключевой актив хозяйственного освоения арктических территорий // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 52–61. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.52

For citation:

Govorova N.V. Human capital — a key factor of the Arctic economic development. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 52–61. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.52

tories, the prevalence of negative migration processes, and the need to preserve and develop human capital, the size and quality of which is determined by the investments in education and health. On the ground of analysis' results, it could be said that the preservation and development of the human capital of the territory as the main factor of innovative economic and social progress would be necessary to solve the diverse and complex problems of the Russian Arctic revival.

Keywords: *Arctic zone of the Russian Federation, demography, social and economic development, human resources, workforce, education, health.*

Введение

В августе 2017 г. Правительство РФ утвердило новую редакцию государственной программы «Социально-экономическое развитие Арктической зоны Российской Федерации» (АЗРФ)¹ — ключевого механизма реализации отечественной арктической политики, в которой обозначены её главные цели, задачи и стратегические приоритеты. Воплотить их в жизнь не представляется возможным без сохранения и развития основного ресурса современной экономики — человека, социально-экономические аспекты и проблемы жизнедеятельности которого особенно отчётливо проявляются на арктических просторах, осваиваемых нашей страной не впервые, а на новом витке развития технологий и организационных решений. Активизация хозяйственной деятельности в регионе — важнейшая государственная задача, оптимально решить которую можно только на основе применения новейших техники и технологий, ведения инновационной деятельности², и здесь необходима координация усилий на федеральном и региональном уровнях, в том числе по разработке и реализации государственных программ отечественных арктических субъектов. В силу вышесказанного, анализ и объективная оценка человеческого потенциала региона представляются необходимыми и актуальными. В соответствии с современной парадигмой развития, инвестиции в человеческий капитал приносят более высокие дивиденды, чем в остальные факторы производства [1, Becker G.S.].

Целью реализации Госпрограммы является повышение уровня социально-экономического развития АЗРФ, а одной из основных задач — рост качества жизни и защищённости населения на фоне существенных различий внутри приполярных регионов и между ними, а также между коренным и некоренным населением, в том числе и по демографическим показателям.

Демографический профиль

Демографический потенциал — основа человеческого капитала, характеризующая воспроизводство населения и определяемая показателями естественного и миграционного движения населения, средней продолжительностью жизни и их динамикой. С 2015 г. АЗРФ выделена в качестве самостоятельного объекта статистического наблюдения, в Федеральный план статистических работ включён раздел «Показатели социально-экономического

¹ Постановление Правительства РФ от 21 апреля 2014 г. № 366 (в редакции от 31 августа 2017 г. № 1064).

² Бюджетные ассигнования только федерального бюджета на реализацию Госпрограммы в 2018–2025 гг. составят более 190 млрд рублей. Планируется также привлечение частных инвесторов.

развития Арктической зоны Российской Федерации и обеспечения национальной безопасности»³. Судя по доступным данным, в регионе в последние годы присутствуют разнонаправленные тенденции и векторы демографического развития. По информации Росстата, за 2016 г.⁴ численность населения АЗРФ уменьшилось на 6,579 тыс. чел.⁵ (в 2015 г. на 13,4 тыс. чел.) (табл. 1), произошло это в большинстве исследуемых субъектов, больше всего в Мурманской (-4,552 тыс.) и Архангельской областях (-2,112 тыс.); наиболее существенный прирост населения продемонстрировал Ямало-ненецкий автономный округ (ЯНАО) (+1,945 тыс.). Снижение общей численности жителей произошло в основном за счёт отрицательного миграционного прироста повсюду в АЗРФ (табл. 2). Особенно серьёзной была убыль в Мурманской и Архангельской областях, Красноярском крае и Ямало-Ненецком автономном округе, менее всего в этом отношении пострадала Республика Саха (Якутия), Чукотский автономный округ (ЧАО) и Ненецкий автономный округ (НАО).

Таблица 1

Численность постоянного населения сухопутных территорий АЗРФ на 1 января (чел.)

Территории	2016 г.	2017 г.	Территории	2016 г.	2017 г.
АЗРФ	2 378 234	2 371 655	Городской округ «Новая Земля»	3 024	2 934
Республика Коми	81 442	80 061	Городской округ «Новодвинск»	38906	38 735
Городской округ Воркута	81 442	80 061	Городской округ «Северодвинск»	186 138	185 042
Республика Саха (Якутия)	26 107	26 190	Мезенский муниципальный район	9 241	9 049
Аллаиховский муниципальный район	2 682	2 718	Онежский муниципальный район	31 456	30 762
Анабарский национальный (Долгановский) муниципальный район	3 431	3 500	Приморский муниципальный район	25 787	25 639
Булунский муниципальный район	8 366	8 404	Мурманская область	762 173	757 621
Нижнеколымский муниципальный район	4 386	4 366	НАО	43 838	43 937
Устьянский муниципальный район	7 242	7 202	ЧАО	50 157	49 822
Красноярский край	227 546	227 220	ЯНАО	534 104	536 049
Городской округ город	178 106	178 654	Республика Карелия ⁶	27809	27267

³ Статистическая информация о социально-экономическом развитии Арктической зоны Российской Федерации. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/region_stat/calendar2.htm (дата обращения: 16.05.2018).

⁴ Здесь и далее, если не указан другой источник, статистические данные приведены по: Регионы России. Социально-экономические показатели. 2017: Стат. сб. / Росстат. М., 2017.

⁵ Без муниципальных образований «Беломорский муниципальный район», «Лоухский муниципальный район» и «Кемский муниципальный район» (Республика Карелия), включенных в перечень сухопутных территорий Арктической зоны России согласно Указу Президента РФ от 27 июня 2017 г. № 287 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 "О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации».

⁶ Муниципальные образования Республики Карелия были включены в перечень сухопутных территорий АЗРФ согласно Указу Президента РФ от 27 июня 2017 г. № 287 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 2 мая 2014 г. № 296 «О сухопутных территориях Арктической зоны Российской Федерации». Ста-

Норильск					
Таймырский Долгано-Ненецкий муниципальный район	32 871	32 290	Беломорский муниципальный район	17 034	16 663
Туруханский муниципальный район	16 569	16 276	Лоухский муниципальный район	12 056	11 771
Архангельская область без НАО	652 867	650 755	Кемский муниципальный район	15 753	15 496
Городской округ «Архангельск»	358 315	358 594			

Источник: данные Росстата.

В большинстве субъектов АЗРФ уровень рождаемости превысил в 2016 г. уровень смертности (табл. 2), а НАО, Республика Саха (Якутия) и ЯНАО занимали, соответственно, 3, 8 и 11 места в РФ по показателю рождаемости. Коэффициент демографической нагрузки в регионах АЗРФ не превышал среднероссийского уровня — 764 чел. в возрасте 0–15 и 60 и более лет на 1 000 чел. трудоспособного возраста, за исключением Архангельской области без НАО.

Таблица 2

Демографические показатели субъектов АЗРФ в 2016 г.

Территории	Коэффициент естественного прироста населения**	Коэффициент миграционного прироста населения**	Коэффициент демографической нагрузки***	Миграционный прирост, чел.
АЗРФ	3,1	-5,9	..	-14021
Республика Коми*	0,9	-18,0	725	-1451
Республика Саха (Якутия)	7,0	-3,8	701	-99
Красноярский край	7,3	-8,8	726	-1990
Архангельская область без НАО	-0,5	-2,8	812	-1811
Мурманская область	-0,3	-5,7	674	-4343
НАО	9,6	-7,3	736	-320
ЧАО	3,6	-1,0	582	-516
ЯНАО	10,1	-69,8	536	-3491
Республика Карелия*	-2,8	-16,0	811	..

* Данные приводятся по субъектам РФ в целом из-за их отсутствия по районам и округам.

** на 1000 человек среднегодового населения.

*** на 1000 человек трудоспособного возраста.

.. данных не имеется.

Источник: данные Росстата.

В АЗРФ в целом ожидаемая продолжительность жизни при рождении в последние годы росла вместе с общероссийским положительным трендом и в 2016 г. составила 71,36 лет, но была меньше среднероссийского показателя (71,87 лет). Этот уровень был превышен только в ЯНАО (72,13 лет), близкий по значению показатель у НАО (71,08), а самое большое отставание, как и в предыдущем периоде (2014–2015 гг.), продемонстрировал ЧАО (64,42

статистические данные по ним в составе АЗРФ Росстатом пока не отражены, поэтому в дальнейшем приводятся по субъекту в целом.

лет), занимающий второе от конца место среди регионов РФ после Республики Тыва, низок этот показатель и у Республики Карелия (69,78 лет). Средний возраст жителей АЗРФ ниже, чем в целом по России (40,7 лет), за исключением ЧАО (41,5 лет), а доля детей и лиц трудоспособного возраста — выше (кроме Архангельской области в последнем случае).

Низкие показатели продолжительности жизни и депопуляция на российском Севере, отмеченные в последние десятилетия, снижающие демографическую безопасность региона [2, Синица А.Л., с. 14–23], связаны не только с очень тяжёлыми природно-климатическими условиями, обуславливающими высокий уровень заболеваемости и смертности населения, но и с невысоким качеством жизни из-за недостаточного развития системы здравоохранения, включая доступность качественных медицинских услуг.

Уровень и качество жизни

Под уровнем жизни понимается прежде всего доход; качество жизни включает в себя также понятия долголетия и уровня образования как обобщённые характеристики состояния здоровья, объективные индикаторы качества медицинских и образовательных услуг, реализации национальных программ в соответствующих областях [3, Лукин Ю.Ф., с. 77–95; 4, Сукнева С.А., с. 97–98].

Валовой региональный продукт (ВРП) — важнейший индикатор социально-экономического развития; в расчёте на душу населения он во всех территориях АЗРФ, кроме Архангельской области без НАО, выше среднероссийского уровня. Лидерами являются НАО, ЯНАО и ЧАО, где этот показатель больше среднего по субъектам РФ в 11,2; 7,6 и 2,9 раза соответственно. Доля ВРП, произведённого в АЗРФ, в суммарном ВРП субъектов Российской Федерации уверенно растёт: с 2014 по 2016 гг. она увеличилась на 0,3% до 5,3%. Доля добавленной стоимости высокотехнологичных и наукоёмких отраслей экономики в ВРП АЗРФ достигла 7,1%, при этом удельный вес наукоёмких инновационных товаров и услуг в тот же период сократился. Денежные душевые доходы населения, благодаря районным коэффициентам и надбавкам к заработной плате за работу в районах Крайнего Севера, в АЗРФ выше, чем в среднем по России, за исключением Красноярского края, в отраслевой структуре валовой добавленной стоимости которого преобладают обрабатывающие производства, а не добыча полезных ископаемых (табл. 3). При этом доля населения с доходами ниже прожиточного минимума, установленного в субъекте РФ, превышает среднероссийский показатель (13,4%) в Республике Коми (16,7%), Архангельской области без НАО (14,3%), Красноярском крае (18,4%) и Республике Саха (Якутия) (19,8%). Проблемы малообеспеченности северян несут угрозу нереализации комплекса задач государственной арктической политики [5, Гонтмахер Е., с. 15–24]. Коэффициент Джини⁷ превышает средний по стране показатель (0,412) в Ненецком и Ямало-Ненецком автономных округах. Общая безработица ощутимо

---

⁷ Статистический показатель степени расслоения общества страны или региона, характеризующий дифференциацию денежных доходов населения.

ниже среднероссийского уровня в ЯНАО и ЧАО, которые находятся среди лидеров по уровню участия в рабочей силе и занятости населения в стране.

Таблица 3

Социальные и экономические показатели субъектов АЗРФ, 2016 г.

	Выпуск квалифицированных рабочих и служащих / специалистов среднего / высшего звена, тыс. чел.	Заболеваемость, чел. на 1000 чел. населения	Среднедушевые денежные доходы в месяц, руб.	Уровень занятости, %	Уровень безработицы, %
РФ	198,6/469,1/ 1161,1	785,3	30744	65,7	5,5
Республика Коми*	1,9/ 2,9 / 4,8	1121,2	31527	64,6	8,7
Архангельская область без НАО*	2,6 / 3,5 / 5,8	1002,2	31043	61,7	7,1
НАО	0,1 / 0,2 / ..	1380,7	69956	67,1	8,5
Мурманская область	1,0/ 2,4 / 3,2	875,8	36115	68,8	7,7
ЯНАО	0,8/ 1,6 / 0,2	1180,4	67521	75,1	2,6
Красноярский край*	4,2/ 9,5 / 18,9	783,1	28030	64,3	6,1
Республика Саха (Якутия)*	2,4/ 4,1 / 4,7	1043,8	38933	64,5	7,2
ЧАО	-/ 0,1 / 0,1	1289,4	63909	79,6	3,5
Республика Карелия*	1,0 / 2,2 / 3,0	1126,2	25744	62,2	9,2

* Данные приводятся по субъектам РФ в целом из-за их отсутствия по районам и округам.

- явление отсутствует

.. данных не имеется

Источник: данные Росстата.

Реальный сектор экономики российской Арктики представляют главным образом оборонно-промышленный комплекс, добывающая промышленность, предприятия, связанные с транспортной инфраструктурой и обеспечением деятельности Северного морского пути. В отраслевой структуре валовой добавленной стоимости добыча полезных ископаемых стоит на первом месте повсеместно, кроме Красноярского края; доля обрабатывающих производств высока кроме него в Республике Коми, Архангельской и Мурманской областях [6, Говорова, с. 63–64].

В период нового освоения АЗРФ центральное место в формировании человеческого капитала сыграет система среднего, высшего и дополнительного образования для взрослых, позволяющего будущим специалистам осваивать на промежуточном этапе обучения рабочие профессии. Однако в регионе, соответствуя общероссийскому тренду, пока преобладает выпуск специалистов с высшим образованием (табл. 3). Состав занятого населения в Арктике по уровню профессионального образования в 2016 г. выглядел следующим образом: самая высокая доля занятого населения с высшим образованием в Ямало-Ненецком АО (41,2% против 33,5% в среднем по РФ), а самая низкая — в Республике Коми (25,8%). Лидером по среднему профессиональному образованию рабочей силы выступает Архангельская область

без НАО (56,3%), на втором месте НАО (54,8%), а на последнем — Чукотский АО (36,0%), что почти на 10% меньше среднероссийского значения (45,1%). Самая высокая доля безработных с вузовским образованием в ЯНАО (26,0% против 20,5% в среднем по РФ), самая низкая — в НАО (4,3%).

С целью создания современной образовательной, научной и инновационной инфраструктуры [7, Веденеева В., с. 68–80], укрепления региональных учебных заведений и их связей с экономикой и социальной сферой, формирования конкурентоспособного кадрового потенциала, соответствующего задачам возобновления полноценной экономической деятельности в российской Арктике в сфере высшего образования функционируют федеральные университеты: Сибирский (г. Красноярск), Северный (Арктический) имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск), Дальневосточный, (г. Владивосток) и Северо-Восточный имени М.К. Аммосова (г. Якутск). В апреле 2017 г. Мурманский арктический государственный университет, крупнейшее высшее учебное заведение региона стал, одним из региональных опорных университетов. Его миссия — аккумуляция регионального, отечественного и зарубежного научно-образовательного потенциала с целью эффективного кадрового и научного обеспечения развития АЗРФ. Опорные вузы имеют в общей сложности порядка 20 филиалов, включают в свой состав институты и колледжи, обеспечивая таким образом не только непрерывное, но и доступное для жителей различных категорий поселений образование.

В арктических университетах увеличивается приём студентов на бюджетные места, при этом на инженерные специальности приходится большинство из них, в целом больше, чем в среднем по стране. Однако порядка 20% выпускников трудоустраиваются за пределами АЗРФ, и сегодня актуальна задача расширения взаимодействия вузов и предприятий в сфере подготовки и последующего трудоустройства выпускников. Крупнейшие компании-работодатели региона испытывают сегодня нужду в квалифицированных операторах станков с программным управлением, токарях, фрезеровщиках, электросварщиках, есть объективная необходимость в обеспечении подготовки специалистов в сферах судо-, машино- и приборостроения, экономики и управления судостроительным производством и т.п. Обучение в рамках целевого набора (по специальностям и направлениям подготовки, необходимость в которых обозначена государством или ведущими работодателями региона) вместе с дополнительным профессиональным образованием и повышением квалификации способно решить самые острые кадровые проблемы Арктики.

Наиболее болезненной проблемой развития человеческого капитала в АЗРФ является здоровье. Показатели здоровья населения в Арктике уступают общероссийским: продолжительность жизни в регионе меньше (по некоторым экспертным оценкам — 53 года⁸), а уровень заболеваемости, особенно паразитарными и раковыми заболеваниями, — значительно

---

⁸ Эксперт: Продолжительность жизни в Арктике почти на 20 лет ниже средней по России. URL: <http://sakhaday.ru/news/ekspert-prodolzhitelnost-zhizni-v-arktike-pochti-na-20-let-nizhe-srednej-po-rossii/> (дата обращения: 16.05.2018).

выше (за исключением Красноярского края), что говорит о необходимости подготовки медицинских кадров для Арктики с учётом данной специфики. Существует настоятельная необходимость и в разработке фармакологических средств управления тепловым состоянием, которые смогли бы увеличить выживаемость при воздействии низких температур, а также разработки вакцин против инфекций, существовавших десятки тысяч лет назад, на фоне оттаивания вечной мерзлоты.

В 2016 г. в соответствии с приказом Минздрава РФ с целью повышения качества подготовки медицинских кадров для приполярных территорий был создан Арктический научно-образовательный кластер федеральных учреждений в сфере здравоохранения, в который вошли Северо-Западный государственный университет им. И.И. Мечникова (г. Санкт-Петербург) и Северный государственный медицинский университет (г. Архангельск). Специализация Северного кластера – арктическая медицина, а главная задача — повышение качества подготовки кадров и эффективности работы вузов, а также развитие научно-исследовательской деятельности. Предполагается также повышение мобильности студентов и преподавателей.

Для улучшения состояния здравоохранения требуется ускоренное развитие выездных форм работы, оказание помощи через мобильную / спутниковую связь, расширение парка санитарных вертолётов, обновление медицинской инфраструктуры. Эти меры наряду с совершенствованием профилактики заболеваемости и формированием здорового образа жизни у населения способны существенно улучшить здоровье северян.

Заключение

На сегодняшний день Россия занимает лидирующие позиции в мире по развитию арктических проектов: инфраструктурных (Северный морской путь, авто-, авиа- и железнодорожные магистрали), нефтегазовых и горнодобывающих (газопровод «Бованенково — Ухта — Торжок» и др.), промышленных (судо- и машиностроение) и информационных. Территория русской Арктики продолжит расти: власти Карелии обосновали включение в АЗРФ двух территориальных единиц (Сегежского района и города Костомукши). Доходы России от использования арктических ресурсов также понемногу увеличиваются: экспорт СПГ в первом квартале 2018 г. по сравнению с тем же периодом 2017 г. увеличился более чем вдвое в реальном выражении и почти в 2,5 раза в стоимостном, и существенная часть этих показателей приходится на Ямальский завод по производству сжиженного природного газа (Ямал СПГ). Там же на Ямале (и в Гренландии) учёные Уральского Отделения РАН совместно с французской академией наук будут осуществлять проект по масштабному изучению влияния климатических изменений на арктическую фауну в целях сохранения биоразнообразия в Арктике.

Учитывая суровые метеорологические и геофизические условия, непростую экологическую обстановку на высокоширотных территориях, а также воздействие западных санкций, реализация экономических и инфраструктурных проектов в Арктике на новом витке её

освоения будет определяться потенциалом отечественной науки и промышленности, их способностью к созданию конкурентоспособной продукции. В свою очередь реализация этих возможностей тесно связана с количеством и качеством человеческого потенциала, индекс развития которого по методике Программы Развития ООН в большинстве регионов АЗРФ ниже среднероссийского [8, Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2011, с. 306–307]. От человеческого капитала зависит использование всех прочих ресурсов развития [9, Schultz Theodor W.; 10, Becker G.S.]; без здорового, образованного и обеспеченного достойной работой человека в Арктике невозможно будет осуществить развитие реальных секторов экономики [11, Говорова Н.В., с. 37–45], это означает, что следует принимать меры по стабилизации демографической ситуации, повышению привлекательности региона как места постоянного проживания [12, Dushkova D., Krasovskaya T. & Evseev A., pp. 3–11], созданию собственных социальных инновационных технологий, в том числе медицинских и образовательных.

Результаты анализа данных о развитии человеческого потенциала в Арктике указывают на разнородные процессы: одна из основных тенденций — повышенный уровень миграции и, как следствие, сокращение численности жителей многих районов на фоне более высокого по сравнению с РФ в целом естественного прироста населения. Сведения о социально-экономическом развитии тоже демонстрируют неоднозначную картину: с одной стороны — высокие номинальные денежные доходы, их относительно равномерное распределение и высокий уровень занятости населения при невысокой безработице, с другой — нехватка специалистов разных уровней профессиональной подготовки для экономики и социальной сферы региона. Учитывая вышесказанное, можно сделать вывод о вероятности перелома негативных тенденций социально-демографического развития, воплотить в жизнь который на фоне сложных природно-климатических условий и существенных территориальных различий возможно лишь при условии повышения благосостояния и качества жизни, оздоровления экологии, содействия развитию традиционных видов деятельности, организации оптимальных условий для личной и профессиональной самореализации северян.

Литература

1. Becker G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis // Journal of Political Economy. 1962. Vol. 70. No. 5. Part 2. P. 9–49. DOI 10.1086/258724
2. Синица А.Л. Рождаемость на Европейском Севере России в 1990–2015 гг. // Арктика и Север. 2017. № 27. С. 14–23. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.27.5
3. Лукин Ю.Ф. Многомерность пространства Арктики. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2017. 251 с.
4. Сукнева С.А. Народонаселение и этнодемографические процессы в Российской Арктике // Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы: монография / Под ред. Н.К. Харлампьевой. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2017. С. 97–98.
5. Гонтмахер Е. Российский человеческий капитал: состояние и тенденции // Мировая экономика и международные отношения. 2017. № 3. Т. 61. С. 15–24. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-3-15-24.

6. Говорова Н.В. Человеческий и конкурентный потенциал Арктики // Современная Европа. 2012. № 4. С. 62–70.
7. Веденеева В. Роль образования в концепции инновационного развития экономики // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 4. С. 68–80.
8. Доклад о развитии человеческого потенциала в Российской Федерации 2011. Модернизация и развитие человеческого потенциала. Москва, 2011. С. 306–307.
9. Schultz T.W. Investment in human capital: the role of education and research. New York, 1971.
10. Becker G.S. Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis. 2d ed. New York: Columbia University Press for the NBER, 1975.
11. Говорова Н.В. Арктические державы: развитие человеческого потенциала (сравнительные характеристики) // Современная Европа. 2013. № 4. С. 37–45.
12. Dushkova D., Krasovskaya T. & Evseev A. Environmental & Human Impact of the Northern Sea Route & Industrial Development in Russia's Arctic Zone. Arctic Yearbook. 2017. P. 3–11.

References

1. Becker G.S. Investment in Human Capital: A Theoretical Analysis. *Journal of Political Economy*, vol. 70, no. 5, part 2, 1962, pp. 9–49. DOI 10.1086/258724
2. Sinitza A.L. Rozhdaemost' na Evropeyskom Severe Rossii v 1990–2015 gg. [Fertility in the European part of the Russian North in 1990–2015]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2017, no. 27, pp. 14–23. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.27.5
3. Lukin Yu.F. *Mnogomernost' prostranstva Arktiki* [Multidimensional space of the Arctic]. Ed. by Yu.F. Lukin. Arhangel'sk: NARFU Publ., 2017, 251 p. (In Russ.)
4. Sukneva S.A., Narodonaselenie i etnodemograficheskie protsessy v Rossiyskoy Arktike [Population and ethno-demographic processes in the Russian Arctic]. *Etnonatsional'nye protsessy v Arktike: tendentsii, problemy i perspektivy: monografiya* [Ethnonational processes in the Arctic: trends, problems and prospects]. Ed. by N.K. Kharlamp'eva. Arkhangel'sk: NARFU Publ., 2017, pp. 97–98. (In Russ.)
5. Gontmaher E. Rossiyskiy chelovecheskiy kapital: sostoyanie i tendentsii [Russian human capital: current status and trends]. *Mirovaya ehkonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2017, no. 3, vol. 61, pp. 15–24. DOI: 10.20542/0131-2227-2017-61-3-15-24.
6. Govorova N.V. Chelovecheskiy i konkurentnyy potentsial Arktiki [Human and competitive potential of the Arctic]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2012, no. 4, pp. 62–70.
7. Vedeneeva V. Rol' obrazovaniya v kontseptsii innovatsionnogo razvitiya ekonomiki [Role of education in the concept of innovative economic development]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2015, no. 4, pp. 68–80.
8. *Doklad o razvitii chelovecheskogo potentsiala v Rossijskoj Federacii 2011. Modernizatsiya i razvitie chelovecheskogo potentsiala* [Human Development Report in the Russian Federation 2011. Modernization and Human Development]. Moscow, 2011, pp. 306–307.
9. Schultz T.W. *Investment in human capital: the role of education and research*. New York, 1971.
10. Becker G.S. *Human Capital: A Theoretical and Empirical Analysis. 2d ed.* New York, Columbia University Press for the NBER Publ., 1975.
11. Govorova N.V. Arkticheskie derzhavy: razvitie chelovecheskogo potentsiala (sravnitel'nye kharakteristiki) [Arctic powers: development of human potential (comparative characteristics)]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2013, no. 4, pp. 37–45.
12. Dushkova D., Krasovskaya T. & Evseev A. Environmental & Human Impact of the Northern Sea Route & Industrial Development in Russia's Arctic Zone. *Arctic Yearbook*, 2017, pp. 3–11.

УДК [001+327(89)+327(510)](045)
DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.62

Арктика как постоянно развивающееся многомерное пространство *

© **ЖУРАВЕЛЬ Валерий Петрович**, кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

E-mail: zhvalery@mail.ru

Институт Европы РАН, Москва, Россия

Аннотация. В статье анализируются основные подходы к проблемам многомерности пространства Арктики и факторам повышения роли Арктического региона в современных условиях. Особо уделяется внимание анализу исследований учёных САФУ имени М.В. Ломоносова (Ю.Ф. Лукин) и Института Европы РАН (Н.М. Антюшина). Делается вывод о необходимости системной работы по формированию арктического сознания и причастности к арктическим делам у граждан России. Наряду с анализом возрастания роли России и стран Европы в Арктике в статье детально рассматриваются актуальные вопросы сотрудничества России и Китая на арктическом треке. Констатируется, что современная внешняя политика Пекина на арктическом треке в отношении России носит позитивный, деловой, в основном доброжелательный и долгосрочный характер, а возникающие проблемы и трудности решаются путём переговоров на взаимовыгодной основе. Также делается вывод, что нахождение в Арктическом совете крупных азиатских государств может привести к снижению общего градуса напряжённости в связи с последствиями разногласий между Россией и Западом по поводу ситуации в Сирии и на Украине. Предпринимается попытка определить уровень милитаризации на пространстве Арктики и её влияние на возможность возникновения конфликтов в регионе между государствами. Поддерживается предположение о том, что в современных условиях мощным фактором консолидации России может послужить собственный арктический мегапроект, рассчитанный на длительную перспективу. В статье автор использует общенаучные методы исследования, применяемые в современной политологии и гуманитарных науках: сравнительный анализ, исторический подход, институциональный и прогностические метод, в том числе и в рамках анализа возможных сценариев дальнейшего развития Арктического совета, разработанных Ю.Ф. Лукиным.

Ключевые слова: *Наталья Антюшина, Арктика, Юрий Лукин, Россия, Арктический совет, Китай, САФУ.*

The Arctic as a constantly evolving multidimensional space

© **Valery P. ZHURAVEL**, Cand. Sci. (Ped.), associate professor, leading researcher

E-mail: zhvalery@mail.ru

The Institute of Europe of RAS, Moscow, Russia

Abstract. The author analyzes the main approaches to the multidimensionality of the Arctic and the factors that enhance the role of the Arctic in modern conditions. Special attention is paid to the research made by NArFU (Yu.F. Lukin) and the Institute of Europe of RAS (N.M. Antyushina). In conclusion the author underlines the need for systematic work on the Arctic consciousness and involvement of the Russian citizens in the Arctic affairs. Along with the analysis of the growing role of Russia and the European countries in the Arctic, the article is concerned with cooperation between Russia and China. It is revealed that Beijing's current foreign policy in the Arctic is productive, businesslike, benevolent and long-term for Russia. The emerging problems and difficulties are resolving through negotiations on a mutually beneficial basis. It is

---

* Для цитирования:

Журавель В.П. Арктика как постоянно развивающееся многомерное пространство // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 62–79. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.62

For citation:

Zhuravel V.P. The Arctic as a constantly evolving multidimensional space. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 62–79. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.62

also concluded that the presence of large Asian states in the Arctic Council leads to a deescalate tensions due to disagreements between Russia and the West over the situation in Syria and Ukraine. The author tried to determine the level of militarization in the Arctic and its impact on the possibility of conflicts in the region. It is concluded that in modern conditions a long-term Arctic megaproject could become a powerful Arctic consolidation factor. In the article, the author uses methods of political science and humanities: comparative analysis, historical approach, institutional and prognostic methods, incl. the analysis of possible scenarios for the further development of the Arctic Council by Yu.F. Lukin.

Keywords: *Natalia Antyushina, Arctic, Yuriy Lukin, Russia, the Arctic Council, China, NARFU.*

Введение

Арктика как объект и предмет исследования изучается многими научными дисциплинами. В области гуманитарных наук проблема многомерности пространства Арктики, на наш взгляд, наиболее плодотворно исследуется у доктора исторических наук, профессора Юрия Фёдоровича Лукина [См.: 1, 2, 3, Лукин Ю.Ф.]. Нельзя не согласиться с тезисом учёного о том, что «Арктика как единый сопряжённый и взаимопроникающий объект исследования концептуально требует интеграции имеющихся отраслевых научных знаний на основе междисциплинарного подхода, а в практической деятельности — кооперации имеющихся ресурсов арктических социумов, государств и бизнеса, знаний коренных народов» [2, Лукин Ю.Ф., с. 3].

Выступая 30 марта 2017 г. в Архангельске на IV Международном арктическом форуме «Арктика — территория диалога»¹, Президент России В.В. Путин заявил: «Наша цель — обеспечить устойчивое развитие Арктики, а это создание современной инфраструктуры, освоение ресурсов, развитие промышленной базы, повышение качества жизни коренных народов Севера, сохранение их самобытной культуры, их традиций, бережное к этому отношение со стороны государства»². Данная установка руководителя государства охватывает все стороны состояния и развития Арктики, позволяет представить её полноценную модель для практической деятельности и комплексно взглянуть на настоящее и будущее Арктического региона. Данный концептуальный подход был положен в основу подготовки и проведения в Институте Европы РАН расширенного круглого стола на тему «Современная Арктика: вопросы международного сотрудничества, политики, экономики и безопасности» [4, Говорова Н.В., Журавель В.П., Самыловская Е.А.].

Ю.Ф. Лукин в своей книге «Многомерность пространства Арктики» в структуре многомерного пространства Арктики рассматривает семь основных измерений: географические

---

¹ Международный арктический форум «Арктика — территория диалога» стал одним из самых представительных мероприятий, посвящённых арктической проблематике, проведённых на территории России за последние годы. Деловая программа мероприятия включала в себя пленарное заседание, а также 13 тематических сессий. В мероприятиях форума приняли участие почти 2 500 участников из 31 страны. В их числе: 3 президента арктических государств — России, Финляндии, Исландии, вице-премьеры Правительства РФ и Госсовета КНР, 5 министров иностранных дел, 11 руководителей министерств и ведомств РФ, губернаторы всех регионов Арктической зоны РФ, депутаты Государственной Думы РФ и члены Совета Федерации, более 50 представителей арктических муниципалитетов, около 450 представителей средств массовой информации.

² Выступление Президента Российской Федерации Владимира Путина на пленарном заседании IV Международного арктического форума «Арктика — территория диалога» 30 марта 2017 г. в Архангельске. URL: <https://www.arctic.gov.ru/FilePreview/6bf7cc0d-2c6d-e711-80d2-00155d006312?nodeId=4370391e-a84c-e511-825f-10604b797c23> (дата обращения: 11.01.2018).

природные объекты и открытия; арктическая биота, охрана окружающей среды; внутреннее административно-территориальное устройство; арктический социум; геокультурное пространство; экономика Арктического региона; геополитика [2, Лукин Ю.Ф., с. 3]. В своей монографии он даёт их развёрнутую характеристику.

При этом, на наш взгляд, помимо известных показателей, характеристик, которые чрезвычайно важны, необходимо актуализировать новые знания и тенденции развития многомерности арктического пространства, систематизировать их на основе актуальных проблем, стоящих перед мировым арктическим сообществом.

В этом плане важно изучать недавние исследования учёных Российской академии наук, представителей высших учебных заведений Министерства образования и науки РФ, а также материалы конференций по арктической проблематике.

Общая характеристика Арктики

В территориальном плане Арктика замыкается на 8 стран-членов Арктического совета (США, Канада, Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания, Исландия, Россия) и занимает площадь, равную 40,3 млн. кв. км, на которой проживает 532 млн человек. На арктических территориях проживает 4,6 млн человек.

Непосредственно арктическими государствами являются 5 стран: США, Канада, Норвегия, Дания, Россия. Арктические территории России составляют 44% от общей площади Арктики, Канады — 21%, Дании — 14%, Норвегии — 13%, США — 8%. К Арктическому региону США относятся северные территории штата Аляска, в Канаде это Нунавут, Северо-Западные территории и Юкон, а также Нунавик в провинции Квебек на севере выше 55-й параллели потому, что свыше 90% в нём составляют коренные жители инуиты и эскимосы. В Дании это Гренландия и Фарерские острова, в Норвегии губернии — Нурланн, Тромс и Финнмарк, архипелаг Шпицберген и остров Ян-Майен; в Финляндии самая северная и самая крупная область страны Лапландия (Лаппи), в Швеции к арктическим территориям относится лен Норрботтен, самый большой по площади лен страны, занимающий около 22% её площади. Протяжённость арктического побережья всех стран равна 38,7 тыс. км [2, Лукин Ю.Ф., с. 63, 65–66].

Если Арктику ограничивать с юга только условной линией Северного полярного круга (66°33'44"северной широты), то тогда её площадь равняется 21 млн кв. км. Если южная граница Арктики совпадает с южной границей зоны тундры, то в этом случае её площадь составляет около 27 млн кв. км, что в 3 раза больше площади Европы [2, Лукин Ю.Ф., с. 42, 77, 78].

Объём ВВП Арктической двадцатки³ в 2015 г. составил 64,8% от общего объёма ВВП всех стран глобального социума Земли. Большинство арктических государств при этом живёт в долг. Государственный долг в процентах от ВВП за 2016 г. составлял в Канаде 98,8% (16 место), США 73,8% (39 место), Финляндии 64,9% (52 место), Исландии 56,6% (72 место), Швеции

³ Швейцария стала наблюдателем в Арктическом совете в мае 2017 г.

41,4% (114 место), Дании 39,6% (119 место), Норвегии 32,2% (140 место), а в Китае 20,1% (163 место), России 13,7% (169 место)⁴. По этому критерию Россия и Китай имеют лучшие показатели среди 180 стран мира. Самый большой в мире государственный долг 20 трлн долл. имели США [2, Лукин Ю.Ф., с. 126, 128].

Арктика — циркумполярный регион Земли, расположенный вокруг Северного полюса. Это прибрежные территории трёх материков Северной Америки, Северной Европы, Севера Евразии и восьми арктических государств; Арктический глубоководный бассейн в центральной части океана непосредственно вокруг Северного полюса; 10 морей: Гренландское, Норвежское, Баренцево, Белое, Карское, Лаптевых, Восточно-Сибирское, Чукотское, Бофорта, Баффина, залив Фокс-Бейсин, многочисленные проливы и заливы Канадского Арктического архипелага; северные части Тихого и Атлантического океанов. Арктические острова и архипелаги: Вайгач, Врангеля, Гренландия, Диксон, Земля Франца-Иосифа, Канадский Арктический архипелаг, Королевы Елизаветы, Новая Земля, Новосибирские, Норденшельда, Северная Земля, Шпицберген и др. [2, Лукин Ю.Ф., с. 18].

В Арктике представлено до 25 000–26 000 видов или около 1,5% описанных видов современной биоты Земли, но суммарно собственно арктическая биота составляет всего лишь 0,6–0,7% от мировой [2, Лукин Ю.Ф., с. 46].

Через акватории Северного Ледовитого океана проходят три важнейшие транспортные морские коммуникации глобальной значимости: Северный морской путь (СМП), Северо-Западный проход, Центральный околополюсной путь, что в ближайшей перспективе может сыграть заметную роль в глобальных экономических процессах, особенно в развитии мировой торговли.

Значимость арктического пространства со временем не уменьшается, а возрастает, приобретая даже преимущественно не экономически-прагматическую сущность, а какую-то совершенно иную метафизическую, сакральную ценность. Арктический регион воспринимается общественным мнением и как резервное экологическое пространство всего мира. В Арктике люди видят глобальный резервуар чистого воздуха, пресной воды (здесь находится треть всех мировых запасов пресной воды), а также она представляется как наиболее чистая территория. Говоря о последнем факторе, мы должны обратить внимание на очистку территории от оставленного прежней хозяйственной деятельностью мусора, в том числе на проблему радиоактивных объектов, затопленных в водах Арктики СССР / Россией [5, Тагилова О.А., Кирилов А.Г.].

Не исключается, что это может стать поводом для спекуляций и нападков со стороны западных стран по поводу неспособности России обеспечить экологическую безопасность Арктики. В современных сложных политических условиях они системно используют экологи-

---

⁴ Государственный долг стран за 2016 год. URL: <http://total-rating.ru/1906-gosudarstvennyy-dolgstranza-2016-god.html> (дата обращения: 16.01.2017).

ские проблемы в качестве предлога для создания репутационных проблем и трудностей для России, подобно проблемам допинга в спорте.

Этнический состав Арктики разнообразен. Численность аборигенного населения в Гренландии — почти 82% от всего населения, арктических территорий Канады — 50,8%, Аляски — 14,9%, Норвегии от 8,6 до 12,9%, Швеции от 7,9 до 9,9%, Финляндии — 3,7%. [6, Соколова Ф.Х.]. Необходимо помнить о том, что в местах своего расселения коренные народы — первопоселенцы, что накладывает дополнительные моральные обязательства на арктические государства.

По состоянию на 01.01.2016 г. в РФ насчитывалось более 13 тыс. особо охраняемых природных территорий федерального, регионального и местного значения, общая площадь которых составляет 207,5 млн га (с учётом морской акватории) или 12,1% от площади территории России [2, Лукин Ю.Ф., с. 57].

Основу геокультурного пространства в Арктике сформировали три основные цивилизации: западноевропейская (Дания, Исландия, Норвегия, Швеция, Финляндия); российская (славянская, русская, советская, евразийская) и североамериканская в США, Канаде [2, Лукин Ю.Ф., с. 95].

Для населения Арктики господствующей является христианская религия — католицизм, протестантизм, православие и общие христианские ценности [2, Лукин Ю.Ф., с. 101–105]. Следует отметить, что в результате масштабных миграционных процессов в ряде европейских стран ислам становится второй по значимости религией [7, Зайков К.С., Котлова Е.С., Журавель В.П.].

Сложные природные условия Арктики (вечная мерзлота, низкие атмосферные температуры, полярная ночь, короткое лето и долгая зима) оказывают сильное влияние на качество социальной сферы жизнедеятельности, здоровье и трудовую деятельность человека, осложняют работу транспорта, эффективность и безопасность добычи полезных ископаемых и организации морских транспортных перевозок, эксплуатацию всей арктической инфраструктуры, доступность морских биоресурсов, развитие рыболовства, оленеводства, традиционных промыслов коренных народов.

Вышеуказанную информацию необходимо разъяснять и распространять среди граждан США, Канады, Норвегии, Дании и России, чтобы повсеместно не только жители арктических регионов, но и всё население чувствовало и осознавало, что их государство является арктическим.

Причины возрастания повышенного интереса к пространству Арктики

Во-первых, это ресурсный потенциал Арктики, огромные запасы углеводородного топлива – нефти и природного газа. Но при этом необходимо отметить, что реально в настоящее время исследованиями наличие этих ресурсов подтверждено лишь на 2–3%. При этом существуют громадные трудности их добычи из недр арктического шельфа.

Во-вторых, это транспортное значение СМП для перевозки грузов из Азии в Европу и обратно и развития недропользования в арктической зоне России [8, Иванов; 9, Тодоров]. Здесь есть много преимуществ, так СМП сокращает путь из Гамбурга в Шанхай, что позволяет экономить расходы на топливо для каждого судна, также избежать рисков нападения пиратов. Но при этом надо учитывать, что на сегодняшний день объём грузоперевозок по СМП, а в 2017 г. он достиг рекордных 10,8 млн т⁵, составляет лишь одну десятую процента от объёмов, перевозимых через Суэцкий канал.

В-третьих, незавершённое оформление демаркации международных северных морских пространств и арктического шельфа. Правовую основу границ исключительных прав тех или иных государств в Арктике составляет Конвенция ООН по морскому праву 1982 г., которая, по сути, является единственной международно-правовой основой для разрешения правовых споров в Северном Ледовитом океане [10, Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П.].

В-четвёртых, это таяние льдов, изменение погоды, потепление. В 2006 г. открытая вода в августе распространилась до Северного полюса. В 2016 г. площадь льда составляла 4,14 млн кв. км и была в среднем на 2,56 млн кв. км меньше, чем за период с 1979 по 2000 гг. Многие специалисты предполагают, что во второй половине XXI в. бóльшая часть водного пространства Арктики летом будет полностью свободна ото льда. Это открывает перспективы для морской перевозки грузов.

Следует также отметить, что потепление в Арктике сказывается на повышении уровня моря и погодных условиях, провоцирует выбросы метана из почв от таяния вечной мерзлоты, влияет на циркуляцию океана за счёт притока тёплой пресной воды, что способно вызывать таяние ледового шельфа Гренландии.

Климатические изменения негативно сказываются на экосистемах региона: происходит сдвиг зон традиционного распространения растительных культур и обитания животных. Изменения ландшафта территории проживания и ареалов обитания промысловых животных в большей степени затрагивает коренное население, считающееся ввиду традиционного образа жизни наиболее уязвимой группой с точки зрения экологических последствий.

Так, повышение температуры в арктических районах может привести к распространению инфекций и загрязнителей. В частности, в мире может увеличиться численность насекомых и клещей, передающих заразные болезни. Таким образом, могут распространиться, например, лихорадка денге, болезнь Лайма и малярия. Существует также риск распространения водных и пищевых инфекций, поскольку потепление создаст благоприятные условия для размножения микроорганизмов-возбудителей заболеваний⁶.

⁵ Показатель по грузоперевозкам по СМП в 2017 г. в своём докладе на круглом столе «Освоение Арктики — добыча полезных ископаемых: инновации и логистика» в Национальном исследовательском технологическом университете «МИСиС» 30 января 2018 г. привёл и.о. руководителя ФГКУ «Администрация Севморпути» Н.А. Менько.

⁶ Ингвар Томассен провёл в САФУ открытую лекцию о влиянии изменения климата на здоровье человека. URL: <https://narfu.ru/life/news/university/307899/> (дата обращения: 26.02.2018).

В-пятых, возрастание роли России и стран Европы в Арктике⁷ [11, Антюшина Н.М.; 12, Говорова Н.В.; 13, Данилов Д.А.]. Из 8 стран Арктического совета 6 — европейские (Россия, Норвегия, Швеция, Финляндия, Дания, Исландия), из 13 стран наблюдателей Арктического совета 7 — это государства Европы (Великобритания, ФРГ, Франция, Испания, Нидерланды, Италия, Польша, Швейцария). Важно отметить, что 5 стран АС входят в НАТО [14]. Швеция и Финляндия в декабре 2015 г. заявили, что готовы пополнить ряды альянса к 2020 г. [15, Громыко Ал.А., Плевако Н.С.].

Для понимания пространственного характера Арктики необходимо проанализировать политику и арктические стратегии европейских стран Арктического совета Норвегии, Дании, Исландии, Швеции и Финляндии.

Для Норвегии политика в Арктике является, пожалуй, более приоритетной, чем для других стран Северной Европы. В 2003 г. в стране был принят документ «На Север! Изучение возможностей в Арктическом регионе». В 2006 г. Норвегия опубликовала Стратегию правительства в северных регионах, которая в 2009 г. была дополнена докладом «Новые структурные элементы на Севере», уточнившим главные направления деятельности на долгосрочную перспективу. В 2011 г. был утверждён новый стратегический документ «Крайний Север — видение и стратегия», в котором Крайний Север и Арктика были объявлены главными приоритетами страны. Основными положениями норвежской политики названы лидерство в научных исследованиях Севера, освоение минеральных и биологических ресурсов, развитие морских транспортных путей, признание принципов международного морского права, создание полноценной системы сотрудничества с приарктическими и североевропейскими странами, а также экономическое развитие северной части территории Норвегии. Следует отметить, что Норвегия в своей политике в Арктике делает упор на научные исследования и подготовку квалифицированных кадров, позволяющие эффективно использовать ресурсы Севера. Этим направлениям придаётся стратегическое значение в обеспечении дальнейшего экономического и социального развития страны [11, Антюшина Н.М., с. 25–35; 2, Лукин Ю.Ф., с. 199–202].

Впервые постулаты датской арктической политики были сформулированы в 2008 г. в доктрине «Арктика в переходный период: предложения по стратегии для активных действий в Арктическом регионе». В августе 2011 г. была принята «Стратегия Королевства Дании в Арктике на период 2011–2020 гг.». Дания выходит в Арктический регион через свои самоуправляющиеся территории — Гренландию и Фарерские острова. Приоритетами датско-гренландской политики в Арктике являются энергетика и добыча полезных ископаемых, торговля и туризм, судоходство, образование и наука, сохранение природной среды [11, Антюшина Н.М., с. 13–16; 2, Лукин Ю.Ф., с. 204–205].

---

⁷ Александров О.В. Интересы и приоритеты арктической стратегии Евросоюза. URL: <http://www.vestnik.mgimo.ru/razdely/mezhdunarodnye-otnosheniya/interesy-i-prioritety-arkticheskoy-strategii-evrosoyuza> (дата обращения: 30.05.2016).

В мае 2008 г. в Исландии была принята стратегия «Арктика в переломный период. Предложения по стратегическим действиям в Арктическом регионе», через год был подготовлен доклад «Исландия на Крайнем Севере» (апрель 2009 г.). 28 марта 2011 г. была принята резолюция Альтинга по арктической стратегии Исландии, в которой были сформулированы ключевые положения (принципы) арктической политики страны. Через пять месяцев в августе была утверждена «Стратегия Королевства Дании для Арктики на период 2011–2020 гг.». Особенностью исландской стратегии является упор на двустороннее и многостороннее сотрудничество в Арктике. Страна не претендует на расширение своего суверенитета в Арктической зоне, она намерена опираться на Северный Совет, НАТО и ЕС в отношении решения всех важнейших вопросов, возникающих в Арктике. Её приоритетами являются расширение использования возобновляемых энергетических ресурсов и учёт интересов рыболовства, развитие сотрудничества в области образования и научно-технических исследований. Исландия связывает перспективы развития транспорта в Арктике не только с судоходством, но и с воздушным транспортом. Исландия выступает против милитаризации Арктики за пределами национальной юрисдикции [11, Антюшина Н.М., с. 16–20; 2, Лукин Ю.Ф., с. 205–206].

Впервые Финляндия опубликовала свою стратегию в Арктическом регионе 2 декабря 2010 г. Она разработана по четырём главным направлениям: окружающая среда и климат; экономическая деятельность и ноу-хау; транспорт и инфраструктуры, коренные народы Севера. В ней подчёркивается важность сохранения стабильности и мирного характера региона; признаётся существование угроз уязвимой природной среде Арктики; отдаётся приоритет развитию морского судоходства и соответствующей инфраструктуры; поддерживается участие коренных народов в международном сотрудничестве [11, Антюшина Н.М., с. 54–61]. Следует отметить, что Финляндия по итогам первой советско-финской войны с 1920 г. по 1944 г. имела выход к Северному Ледовитому океану через район Печенги (Петсамо). После занятия данного района Красной Армией, он был включён в состав Мурманской области РСФСР. Переход Петсамо в состав СССР был подтверждён ст. 2 мирного договора между СССР и Финляндией от 10 февраля 1947 г.⁸ С мая 2017 г. Финляндия председательствует в Арктическом совете [16, Журавель В.П.].

В Швеции документ «Арктика: национальная стратегия Швеции» был принят в мае 2011 г. Приоритетами государства в Арктике являются: изучение изменений климата, экологическая ориентация политики, устойчивое использование арктических природных ресурсов, гуманитарное измерение, учёт интересов коренных народов, развитие позитивного сотрудничества между странами-участницами Арктического совета, соблюдение международного права, прежде всего, Конвенции ООН по морскому праву [11, Антюшина Н.М., с. 61–64; 2, Лукин Ю.Ф., с. 204].

---

⁸ Мирный договор с Финляндией (10 февраля 1947 года) // СССР — Финляндия / Окрестности Петербурга. URL: <http://www.aroundspb.ru/finnish/docs/peace1947.php> (дата обращения: 06.12.2017).

В-шестых, особая роль в освоении пространств Арктики принадлежит сотрудничеству России и Китая на арктическом треке. В настоящее время сотрудничество между нашими странами в этой области рассматривается как составная часть сопряжения инициативы формирования Большого Евразийского партнерства и китайской инициативы «Один пояс — один путь». По мнению китайских экспертов, КНР смотрит на СМП как на потенциальную ветвь своего «Шёлкового пути» [17, Ли Цзиньюй, Чжан Чэньяо; 18, Сунь Сюэвэнь].

Безусловным драйвером здесь выступает «Ямал-СПГ». В декабре 2017 г. начала действовать первая технологическая линия производства сжиженного природного газа (СПГ) на строящемся на берегу Обской губы в порту Сабетта заводе ОАО «Ямал СПГ». Её производительность 5,5 млн т СПГ в год, а общая запланированная мощность всего завода (три линии) — 16,5 млн т в год. Кроме СПГ завод ежегодно будет производить до 1,1 млн т конденсата. 5 декабря началось сжижение газа в производственном режиме. Завод «Ямал СПГ» является вторым в России (первый действует с 2009 г. на юге Сахалина) и вторым в мире, построенным в Арктике (первый работает с 2007 г. на норвежском острове Melkoуа в Баренцевом море). Однако завод «Ямал СПГ» в 1,5 раза мощнее сахалинского и почти в 4 раза — норвежского. Кроме того, он занимает первое место в мире по широте расположения — на 65 км севернее норвежского завода СПГ, на 90 км севернее Бованенковского газодобывающего промысла, на 101 км севернее нефтяного промысла Endicott на Аляске и на 225 км севернее платформы «Приразломная», ведущей добычу нефти в Печорском море. Строительство завода началось в 2014 г. и было организовано вахтовым методом. В 2017 г. в работе ежедневно участвовало более 30 тыс. человек, доставляемых в Сабетту авиатранспортом в специально построенный аэропорт международного класса [19, Богоявленский В.И.].

Крупнейшей китайской компании CNPC в этом проекте принадлежит 20%, ещё 9,9% вложил Фонд Шёлкового пути. Отправляя первый газовоз компании «Ямал-СПГ» из порта Сабетта 8 декабря 2017 г., Президент России В.В. Путин в ходе встречи с китайскими представителями заявил: «Шёлковый путь дотянулся до самого Севера. Объединим его с Северным Морским путём, и будет то, что нужно, и Северный Морской путь сделаем Шёлковым»⁹. Согласно китайским прогнозам, к 2020 г. по СМП пойдёт до 15% китайского внешнеторгового грузопотока, в основном в виде контейнерных перевозок, что соответствует примерно 800 млрд евро [20, Гриняев С.Н.].

В январе 2018 г. Пресс-канцелярия Госсовета Китайской Народной Республики опубликовала «Белую книгу» по Арктике, где Китай был назван «около-арктическим государством». Китай понимает, что участие в освоении Арктики, развитие СМП возможно только при взаимодействии с Россией, поэтому в рамках своей арктической доктрины он заявил, что будет играть по уже существующим правилам, в соответствии с требованиями международного права. Кроме того, обе страны оказываются естественными союзниками в условиях

---

⁹ Путин пообещал сделать Шёлковым Северный морской путь. 08.12.2017. URL: <https://riafan.ru/1005193-putin-roobeshal-sdelat-shelkovym-severnyi-morskoi-put> (дата обращения: 26.02. 2018).

ожесточения конкуренции и осложнения международной обстановки, вызванной негативным влиянием санкций США и Европейского Союза в отношении России. Как отмечает А.В. Загорский, противоречия между РФ и КНР в вопросах правового статуса СМП и правил судоходства не являются глубинными и могут быть разрешены на основе прав и законных интересов всех стран, включая неарктические [21, Загорский А.В.].

Современная внешняя политика Пекина на арктическом треке в отношении России носит позитивный, деловой, в основном доброжелательный и долгосрочный характер. Возникающие проблемы и трудности решаются путём переговоров на взаимовыгодной основе. Китай, на наш взгляд, в настоящее время является важным союзником России в освоении Арктики; при этом стоит учитывать, что Арктика для него является важным, но не первостепенным приоритетом его внешней политики [22, Журавель В.П.].

В-седьмых, важно определиться с уровнем милитаризации, охватившей пространство Арктики, и её влиянием на возможность возникновения конфликтов в регионе между государствами.

Важно оценить военный потенциал России [23, Журавель В.П., Синчук Ю.В.] и зарубежных государств [14, Синчук Ю.В., Журавель В.П.; 24, Журавель В.П.; 25, Загорский А.В.] непосредственно на арктических территориях.

Северный рубеж имеет исключительно важное военно-стратегическое значение для обеспечения национальной безопасности. По мнению ряда экспертов [2, Лукин Ю.Ф., с. 185–198; 26, Горнова А.М.; 27, Кравчук А.А.; 28, Петренко И.Я.], возможными угрозами национальной безопасности России в арктическом регионе являются: усиление военного присутствия в Арктике приарктических государств и других стран НАТО; рост боевых возможностей группировок коалиционных и национальных ВС (прежде всего, ВМС) США и НАТО; развитие систем ПРО морского базирования и раннего предупреждения; рост активности спецслужб иностранных государств по ведению разведывательной деятельности в Арктике и на приграничной территории РФ; проведение многонациональных военных учений и смещение районов боевой подготовки в Арктическую зону; увеличение военной спутниковой группировки США, нацеленной на Арктику; стремление руководства Норвегии изменить статус архипелага Шпицберген как демилитаризованной зоны, сократить и в перспективе полностью вытеснить Россию с архипелага; противодействие рыбной промысловой деятельности РФ в Норвежской экономической зоне путём ужесточения требований к рыболовным судам в районах промысла и неправомерных действий по отношению к ним со стороны властей Норвегии; стремление ряда иностранных государств (США, Норвегии, Японии, Китая и Канады) придать Северному морскому пути статус международной транспортной магистрали.

НАТО способна в течение месяца развернуть в Арктике против России полномасштабную группировку вооружённых сил. За период с 1995 г. на территории и прибрежных водах Норвегии проведено около 200 учений национальных и объединённых вооружённых сил стран-участниц Североатлантического альянса [29, Скулаков Р.М., Фадеев В.Н.]

Действия арктических и других государств по наращиванию своего экономического и военного присутствия в Арктике объективно требуют от России принятия адекватных мер, направленных на поддержание паритета и создание благоприятных условий для защиты национальных интересов в этом важном регионе.

На базе Северного флота создана и действует с 1 декабря 2014 г. новая военная структура — Объединённое стратегическое командование «Север». С 2012 г. возобновились дальние походы надводных кораблей Северного флота в Северный Ледовитый океан. С 2015 г. в его акватории Северный флот проводит учения практически ежемесячно. Всего в Арктике планируется построить 13 аэродромов, один наземный авиационный полигон, а также 10 радиолокационных отделений и пунктов наведения авиации, что позволит завершить создание арктической группировки войск.

Следует отметить, что уровень милитаризации Арктики не выходит за пределы разумной достаточности. Несмотря на резкое обострение отношений между Россией и Западом, общая обстановка в Арктике остаётся стабильной. Региональное сотрудничество не было принесено в жертву нынешнему ухудшению отношений России с США и другими западными странами. Однако в среднесрочной и долгосрочной перспективе международные риски в регионе могут возрасти в случае дальнейшего сохранения и активизации политической напряжённости в отношениях России и Запада. Толчком к этим процессам могут стать проводимые США и странами Европы провокации и ложные сообщения.

Констатируем, что только принимаемые Россией меры способствуют в настоящее время сохранению баланса сил в регионе и поддержанию состояния Арктики в качестве зоны мира.

Заключение

В современных условиях, на наш взгляд, идёт подготовка к реформированию принадлежности арктического пространства. Всё чаще звучат призывы к интернационализации Северного морского пути и Северо-Западного прохода, предлагается распространить Договор об Антарктике на Арктику. Арктический регион не является изолированным анклавом международной жизни, живущим по другим правилам, не так, как всё остальное мировое сообщество.

По мнению Ю.Ф. Лукина, возможны три варианта его трансформации в краткосрочной, среднесрочной и долгосрочной перспективе:

- Сохранение прежней модели Арктического совета: оставить всё как есть, без кардинальных изменений, не прекращая деятельности Арктического совета в традиционном формате, не касаясь по-прежнему актуальных политических вопросов военной безопасности, геополитики, экономики;
- Модернизация Арктического совета в среднесрочной перспективе с учётом роста роли и влияния государств-наблюдателей, деятельности Арктического экономического совета, расширения круга обсуждаемых вопросов;

- Преобразование Арктического совета в стандартную международную организацию регионального характера с правом принимать нормативно-правовые акты, являющиеся источниками международного публичного права. [2, Лукин Ю.Ф., с. 213–214].

На наш взгляд, такая постановка вопроса об изменении функционала Арктического совета связана как с объективными тенденциями внутри самой организации, так и с процессами, происходящими непосредственно в Арктическом регионе и вокруг него.

Со стороны стран-наблюдателей АС Китая, Японии, Южной Кореи, Сингапура и Индии, а также крупных европейских государств мы слышим заявления, что самое непосредственное отношение к Арктике должны иметь не только страны со своими арктическими территориями, но и государства, имеющие соответствующий промышленный, технологический и финансовый потенциал, чтобы эффективно работать в этом регионе. В «Белой книге» Китая подчёркивается, что нынешняя ситуация в Арктике выходит за рамки арктических государств или арктического региона как такового. Отмечается, что внерегиональные государства не обладают территориальным суверенитетом в Арктике, однако имеют права на научные исследования, судоходство, пролёт над территорией, рыболовство, прокладку подводных кабелей и трубопроводов в открытом море и других соответствующих морских районах в Северном Ледовитом океане, права на разведку и эксплуатацию ресурсов в регионе в соответствии с общим международным правом.

Санкции сильно ударили по сотрудничеству в Арктике, по освоению арктического региона. [30, Воронков Л.С.; 31, Загашвили В.С.]. Санкции США и Европейского союза затронули 90% российских нефтяных компаний и практически весь газовый сектор. Европейским компаниям запретили оказывать России услуги по бурению, испытанию скважин и геофизическим исследованиям на глубоководных и сланцевых месторождениях, а также в Арктике. На наш взгляд, США и страны Европы не заинтересованы в укреплении позиций нашей страны в Арктическом регионе. Они ведут и будут вести политику системного давления на Россию, даже если их компании будут нести убытки и выходить из выгодных российских арктических проектов. Адресный характер санкций направлен на противодействие усилиям нашей страны по освоению и развитию Арктики. В этих условиях «санкции против России дают ей повод отчасти переосмыслить собственную политику, а именно уделять больше внимания внутреннему экономическому развитию» [32, Громыко Ал.А., Фёдоров В.П.]. Наши потребности при работах на шельфе более чем на 90% удовлетворялись за счёт импортного оборудования. Привлечение современных западных технологий можно и нужно сочетать с инновационным развитием национальной производственной и научной базы. Экономический комплекс, сосредоточенный в арктическом регионе России, не должен быть уязвимым для внешнего давления и дискриминационных действий.

На наш взгляд, нахождение в Арктическом совете крупных азиатских государств может привести к снижению общего градуса напряжённости в связи с последствиями разногласий между Россией и Западом по поводу ситуации в Сирии и на Украине. Эти страны не при-

соединились к санкциям против России, но мы должны видеть и то, что они стремятся быстро, порой агрессивно занять освободившуюся от США и стран Европейского союза нишу. Строя отношения с арктическими азиатскими странами, нам следует учитывать, что ни одна из них не сможет самостоятельно обеспечить реализацию своих экономических интересов в Арктике. Нам также важно осознавать, что процесс освоения российских арктических пространств с целью закрепления их статуса, развития инфраструктуры, разработки и добычи запасов природных ресурсов потребует привлечения масштабных инвестиций, в том числе и иностранных. Но здесь мы не должны переходить красную черту, сохраняя и соблюдая национальные интересы.

Важно совершенствовать деятельность государств на обширной территории Арктики. Во всех странах АС имеются соответствующие структуры, которые реализуют госполитику в арктическом направлении. В России в феврале 2015 г. была создана Государственная комиссия по вопросам развития Арктики. Прошло 3 года. На наш взгляд, комиссия достигла главного: она разобралась в том, чего не надо делать в Арктике, что надо делать и что надо делать в первую очередь. [33, Антюшина Н.М., Журавель В.П.; 34, Журавель В.П.; 35, Фёдоров В.П.]. Также определилось 8 опорных зон развития Арктики, что позволит осуществлять крупные инфраструктурные проекты в российской полярной зоне, интенсифицировать судоходство по Северному морскому пути, провести модернизацию транспортной и иных инфраструктур, создать объекты обеспечения безопасности и связи в портах. Всё это окажет положительное влияние на социально-экономическое развитие этих территорий.

В Российской Арктике немало нерешённых проблем. Для региона характерен отток населения, высокая степень износа основных фондов, неразвитость инфраструктуры. Медленно решаются проблемы энергетической, информационной, транспортной обеспеченности отдалённых населённых пунктов. Ледокольный и речной флот во многом устарели. Не урегулированы вопросы правового обеспечения гарантий и компенсаций для лиц, работающих в арктическом регионе. Не до конца ясны формы поддержки предпринимательской деятельности. Требуется усилить мониторинг изменения климата и состояния вечномёрзлых грунтов [33, Антюшина Н.М., Журавель В.П.].

Надо также учитывать, что арктические территории РФ развиты неоднородно, у каждого района свои вызовы, проблемы, задачи и приоритеты [36]. Необходимо интегрировать арктические регионы в единую транспортную систему и общее экономическое пространство страны.

Для решения этих проблем по поручению Госкомиссии Минэкономразвития России сформировало перечень приоритетных проектов по развитию АЗРФ на ближайшую перспективу, в который вошли 145 проектов с общим объёмом финансирования в пределах 4,8 трлн рублей, из них около 3,75 трлн — из внебюджетных источников [33, Антюшина Н.М., Журавель В.П.].

В своей статье «Арктические преобразования» [35, с. 13] член-корр. РАН Фёдоров В.П., человек, много отдавший в своей жизни и деятельности развитию Республики Саха (Якутия), справедливо ставит вопрос о более внимательном, перспективном и патриотическом отношении государства и населения страны к Арктике. Он отмечает: «Представляется, что в современных условиях мощным фактором консолидации России может послужить собственный мегапроект. Назовём его «Освоение Арктики» (в просторечии — «Даёшь Арктику!»)».

Этими замечательными, направленными в будущее словами хотелось бы завершить данную статью. Нет сомнений, что принимаемые руководством страны меры позволят постепенно решить накопившиеся проблемы, потому что приходит понимание того, что Арктика является важной и перспективной территорией нашего государства. Необходима системная работа по формированию у граждан России арктического сознания и причастности к арктическим делам.

Литература

1. Лукин Ю.Ф. Великий передел Арктики. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2010. 400 с.
2. Лукин Ю.Ф. Многомерность пространства Арктики. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2017. 250 с.
3. Лукин Ю.Ф. Российская Арктика в изменяющемся мире: монография. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2013. 281 с.
4. Говорова Н.В., Журавель В.П., Самыловская Е.А. Российская Арктика: проблемы международного сотрудничества, безопасности, экономики, экологии и человеческого развития // Современная Европа. 2018. № 1. С. 156–159.
5. Тагилова О.А., Кирилов А.Г. Ликвидация прошлого экологического ущерба в Арктической зоне Российской Федерации // Экологический вестник России. 2016. № 7. С. 34–37.
6. Соколова Ф.Х. Коренные малочисленные народы Арктики: концепт, современное состояние культуры // Арктика и Север. 2013. № 12. С. 51–69.
7. Зайков К.С., Котлова Е.С., Журавель В.П. Этнонациональная политика Северных стран Европы и Исландии // Этнонациональные процессы в Арктике: тенденции, проблемы и перспективы / Под ред. Н.К. Харламповей. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2016. С. 279–298.
8. Иванов Г.В. Северный морской путь в глобальной геополитике Арктики // Геополитика и безопасность. 2017. № 3. С. 35–38.
9. Тодоров А.А. Международный транзитный потенциал Северного морского пути: экономический и правовой аспекты // Проблемы национальной стратегии. 2017. № 3. С. 149–170.
10. Вылегжанин А.Н., Дудыкина И.П. Конвенция ООН по морскому праву и правовой режим Арктического шельфа // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Право. 2017. № 1. С. 284–302.
11. Антюшина Н.М. Арктика: новый формат международного сотрудничества. М.: Ин-т Европы РАН, 2014. 138 с.
12. Говорова Н.В. Комплексная Арктическая политика ЕС // Европейская аналитика 2017. Ин-т Европы Российской акад. наук / Под ред. К.Н. Гусева. М.; СПб.: Нестор-История, 2017. С. 80–87.
13. Данилов Д.А. Арктическая политика Европейского союза: основы и эволюция // Обозреватель-Observer. 2017. № 11. С. 16–32.
14. Синчук Ю.В., Журавель В.П. Арктика: НАТО contra Россия // Геополитика и безопасность. 2017. № 3. С. 113–120.
15. Громыко Ал.А., Плевако Н.С. О возможном вступлении Швеции и Финляндии в НАТО // Современная Европа. 2016. № 2. С. 13–16. DOI: 10.15211/soveurope220161316

16. Журавель В.П. Арктический совет: переход председательства от США к Финляндии, дальнейшее укрепление российско-финляндского сотрудничества // Арктика и Север. 2017. № 28. С. 24–35. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.28.24
17. Ли Ц., Чжан Ч. О стратегии сотрудничества Китая и России на северном маршруте Морского Шелкового пути XXI века // Проблемы Дальнего Востока. 2016. № 1. С. 64–72.
18. Сюзень С. Проблемы и перспективы освоения Северного морского пути в контексте реализации инициативы «Пояс и Путь» // Проблемы Дальнего Востока. 2017. № 6. С. 5–15.
19. Богоявленский В.И. «ЯМАЛ СПГ»: реализован уникальный международный проект в Российской Арктике // Арктические ведомости. 2018. № 1. С. 24–29.
20. Гриняев С.Н. Экономическое, технологическое и морское сотрудничество в Арктике // Право и инвестиции. 2015. № 1–2. С. 76–78.
21. Загорский А.В. Россия и Китай в Арктике: разногласия реальные или мнимые? // Мировая экономика и международные отношения. 2016. Т. 60. № 2. С. 63–71.
22. Журавель В.П. Китай, Республика Корея, Япония в Арктике: политика, экономика, безопасность // Арктика и Север. 2016. № 24. С. 112–144. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.24.112
23. Журавель В.П., Синчук Ю.В. Силовые структуры России в Арктике: состояние и перспективы развития // Управление инновационным развитием Арктической зоны Российской Федерации: сборник избранных трудов по материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием / Под ред. Е.Н. Богдановой, И.Д. Нефедовой. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, КИРА, 2017. С. 37–41.
24. Журавель В.П. Сотрудничество стран Северной Европы в военной сфере и тенденции его развития // Зарубежное военное обозрение. 2017. № 4. С. 23–29.
25. Загорский А.В. Нестратегические вопросы безопасности и сотрудничества в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 104 с. DOI: 10/20542/978-5-9535-0492-8
26. Горнова А.М. О состоянии рыболовства в арктических акваториях // Арктика и Север. 2016. № 25. С. 196–210. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.196
27. Кравчук А.А. Милитаризация Арктики: наращивание военного потенциала ключевыми игроками региона // Стратегическая стабильность. 2015. № 4. С. 43–53.
28. Петренко И.Я. О состоянии военной безопасности Российской Федерации в Арктике // Аналитический вестник. 2016. № 5. С. 36–37.
29. Скулаков Р.М., Фадеев В.Н. Об отдельных аспектах определения международно-правового статуса Арктики как основы обеспечения безопасности Российской Федерации в регионе // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Вып. 4. С. 58–59.
30. Воронков Л.С. Влияние антироссийских санкций на арктическую политику России // Транспорт и логистика в Арктике. Северный морской путь: курс — Дальний Восток: альманах / Под ред. С.В. Новикова. М., Междунар. акад. трансп. 2016. Вып. 2. С. 25–30.
31. Загашвили В.С. Западные санкции и российская экономика // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 11. С. 66–77.
32. Громыко Ал.А., Фёдоров В.П. Антироссийские санкции // Современная Европа. 2016. № 2. С. 22–28. DOI: 10.15211/soveurope220162227
33. Антюшина Н.М., Журавель В.П. Арктические проблемы // Европа XXI века: новые вызовы и риски: монография. М.: ИЕ РАН. Весь Мир, 2017. 584 с.
34. Журавель В.П. Государственная комиссия по вопросам развития Арктики: итоги работы первых двух лет // Государственный аудит. Право. Экономика. 2017. № 1. С. 30–36.
35. Фёдоров В.П. Арктические преобразования // Современная Европа. 2018. № 1. С. 5–14. DOI: org/10.15211/soveurope120180514
36. Этнокультурные и социальные процессы в Архангельской области и Ненецком автономном округе: монография / Под ред. И.Ф. Верещагина. Архангельск: САФУ им. М.В. Ломоносова, 2018.

References

1. Lukin Yu.F. *Velikiy peredel Arktiki* [Great redistribution of the Arctic]. Arkhangel'sk, NArFU Publ., 2010, 400 p. (In Russ.)
2. Lukin Yu.F. *Mnogomernost' prostranstva Arktiki* [Multidimensional space of the Arctic]. Arkhangel'sk, NArFU Publ., 2017, 250 p. (In Russ.)
3. Lukin Yu.F. *Rossiyskaya Arktika v izmenyayushchemsya mire: monografiya* [The Russian Arctic in a changing world]. Arkhangel'sk, NArFU Publ., 2013, 281 p. (In Russ.)
4. Govorova N.V., Zhuravel' V.P., Samylovskaya E.A. *Rossiyskaya Arktika: problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva, bezopasnosti, ekonomiki, ekologii i chelovecheskogo razvitiya* [The Russian Arctic: problems of international cooperation, security, economics, ecology and human development]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2018, no. 1, pp. 156–159.
5. Tagilova O.A., Kirilov A.G. *Likvidatsiya proshlogo ekologicheskogo ushcherba v Arkticheskoy zone Rossiyskoy Federatsii* [Elimination of past environmental damage in the Arctic zone of the Russian Federation]. *Ekologicheskiy vestnik Rossii*, 2016, no. 7, pp. 34–37.
6. Sokolova F.Kh. *Korennyye malochislennyye narody Arktiki: kontsept, sovremennoe sostoyanie kul'tury* [Indigenous people of the Arctic: concept, the current status of culture]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2013, no. 12, pp. 51–69.
7. Zaykov K.S., Kotlova E.S., Zhuravel' V.P. *Etnonatsional'naya politika Severnykh stran Evropy i Islandii* [Ethnonational policy of the Nordic countries of Europe and Iceland]. *Etnonatsional'nye protsessy v Arktike: tendentsii, problemy i perspektivy* [Ethno-national processes in the Arctic: trends, problems and perspectives]. Ed by N.K. Kharlamp'eva. Arkhangel'sk, NArFU Publ., 2016, pp. 279–298. (In Russ.)
8. Ivanov G.V. *Severnyy morskoy put' v global'noy geopolitike Arktiki* [The Northern Sea Route in the Global Geopolitics of the Arctic]. *Geopolitika i bezopasnost'*, 2017, no. 3, pp. 35–38.
9. Todorov A.A. *Mezhdunarodnyy tranzitnyy potentsial Severnogo morskogo puti: ekonomicheskyy i pravovoy aspekt* [International transit potential of the Northern Sea Route: economic and legal aspects]. *Problemy natsional'noy strategii* [National Strategy Issues], 2017, no. 3, pp. 149–170.
10. Vylegzhanin A.N., Dudykina I.P. *Konventsia OON po morskomu pravu i pravovoy rezhim Arkticheskogo shel'fa* [The UN convention on the law of the sea and the legal regime of the Arctic shelf]. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pravo* [Proceedings of VSU. Series: Law], 2017, no. 1, pp. 284–302.
11. Antyushina N.M. *Arktika: novyy format mezhdunarodnogo sotrudnichestva*. Moscow, IE RAS Publ., 2014, 138 p. (In Russ.)
12. Govorova N.V. *Kompleksnaya Arkticheskaya politika ES* [Integrated Arctic Policy of the EU]. *Evropeyskaya analitika 2017*. Ed. by K.N. Gusev, IE RAS. M.; SPb., Nestor-Istoriya Publ., 2017, pp. 80–87. (In Russ.)
13. Danilov D.A. *Arkticheskaya politika Evropeyskogo soyuza: osnovy i evolyutsiya* [Arctic policy of the European Union: the fundamentals and evolution]. *Obozrevatel'-Observer*, 2017, no. 11, pp. 16–32.
14. Sinchuk Yu.V., Zhuravel' V.P. *Arktika: NATO contra Rossiya* [The Arctic: NATO contra Russia]. *Geopolitika i bezopasnost'*, 2017, no. 3, pp. 113–120.
15. Gromyko A.A., Plevako N.S. *O vozmozhnom vstuplenii Shvetsii i Finlyandii v NATO* [On the Sweden's and Finland's optional membership in NATO]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2016, no. 2, pp. 13–16. DOI: 10.15211/soveurope220161316
16. Zhuravel' V.P. *Arkticheskii sovetskiy perehod: perehod predsedatel'stva ot SShA k Finlyandii, dal'neyshee ukreplenie rossiysko-finlyandskogo sotrudnichestva* [The Arctic Council: transition of chairmanship from the US to Finland, further strengthening of Russian-Finnish cooperation]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2017, no. 28, pp. 24–35. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2017.28.24
17. Li Ts., Chzhan Ch. *O strategii sotrudnichestva Kitaya i Rossii na severnom marshrute Morskogo Shelkovogo puti XXI veka* [Strategy of Cooperation between China and Russia on the Northern Route of the Maritime Silk Road]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], 2016, no. 1, pp. 64–72.
18. Syuven' S. *Problemy i perspektivy osvoeniya Severnogo morskogo puti v kontekste realizatsii initsiativy «Poyas i Put'»* [Problems and Prospects of Developing the Northern Sea Route in the Context of the "Belt and Road"]. *Problemy Dal'nego Vostoka* [Far Eastern Affairs], 2017, no. 6, pp. 5–15.

19. Bogoyavlenskiy V.I. «YaMAl SPG»: realizovan unikal'nyy mezhdunarodnyy proekt v Rossiyskoy Arktike ["YaMAl LNG": a unique international project in the Russian Arctic]. *Arkticheskie vedomosti* [The Arctic Herald], 2018, no. 1, pp. 24–29.
20. Grinyaev S.N. Ekonomicheskoe, tekhnologicheskoe i morskoe sotrudnichestvo v Arktike [Economic, technological and marine cooperation in the Arctic]. *Pravo i investitsii* [Real Estate and Investments. Legal Regulation], 2015, no. 1–2, pp. 76–78.
21. Zagorskiy A.V. Rossiya i Kitay v Arktike: raznoglasiya real'nye ili mnimye? [Russia and China in the Arctic: Real or Alleged Disagreements?]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2016, vol. 60, no. 2, pp. 63–71.
22. Zhuravel' V.P. Kitay, Respublika Koreya, Yaponiya v Arktike: politika, ekonomika, bezopasnost' [China, Republic of Korea and Japan in the Arctic: politics, economy, security]. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2016, no. 24, pp. 112–144. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.24.112
23. Zhuravel' V.P., Sinchuk Yu.V. Silovye struktury Rossii v Arktike: sostoyanie i perspektivy razvitiya [Russia's uniformed service in the Arctic: the state and prospects for development]. *Upravlenie innovatsionnym razvitiem Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii: sbornik izbrannykh trudov po materialam Vserossiyskoy nauchno-prakticheskoy konferentsii s mezhdunarodnym uchastiem* [Management of innovative development of the Arctic zone of the Russian Federation]. Ed. by E.N. Bogdanova, I.D. Nefedova. Arkhangel'sk: NArFU, KIRA Publ., 2017, pp. 37–41. (In Russ.)
24. Zhuravel' V.P. Sotrudnichestvo stran Severnoy Evropy v voennoy sfere i tendentsii ego razvitiya [Cooperation of the Nordic countries in the military sphere and trends in its development]. *Zarubezhnoe voennoe obozrenie*, 2017, no. 4, pp. 23–29.
25. Zagorskiy A.V. *Nestrategicheskie voprosy bezopasnosti i sotrudnichestva v Arktike* [Conventional security and cooperation in the Arctic]. M., IMEMO RAN Publ., 2016, 104 p. (In Russ.) DOI: 10/20542/978-5-9535-0492-8
26. Gornova A.M. O sostoyanii rybolovstva v arkticheskikh akvatoriyakh [Review of fishing in Arctic waters], *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2016, no. 25, pp. 196–210. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2016.25.196
27. Kravchuk A.A. Militarizatsiya Arktiki: narashchivanie voennogo potentsiala klyuchevymi igrokami regiona [Militaryization of Arctic: key regional actors to increase their military potential]. *Strategicheskaya stabil'nost'*, 2015, no. 4, pp. 43–53.
28. Petrenko I.Ya. O sostoyanii voennoy bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii v Arktike [On the state of military security of the Russian Federation in the Arctic]. *Analiticheskiy vestnik*, 2016, no. 5, pp. 36–37.
29. Skulakov R.M., Fadeev V.N. Ob otдел'nykh aspektakh opredeleniya mezhdunarodno-pravovogo statusa Arktiki kak osnovy obespecheniya bezopasnosti Rossiyskoy Federatsii v regione [Some aspects of determination of the Arctic's international and legal status as a basis of safety of the Russian Federation in the region]. *Natsional'nye interesy: priority i bezopasnost'* [National interests: priorities and security], 2015, part 4, pp. 58–59.
30. Voronkov L.S. Vliyanie antirossiyskikh sanktsiy na arkticheskuyu politiku Rossii [The impact of anti-Russian sanctions on Russia's Arctic policy]. *Transport i logistika v Arktike. Severnyy morskoy put': kurs — Dal'niy Vostok: al'manakh* [Transport and logistics in the Arctic. NSR: Course — Far East]. Ed. by S.V. Novikov. M., ITA Publ., 2016, part 2, pp. 25–30.
31. Zagashvili V.S. Zapadnye sanktsii i rossiyskaya ekonomika [Western Sanctions and Russian Economy]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2015, no. 11, pp. 66–77.
32. Gromyko A.I., Fedorov V.P. Antirossiyskie sanktsii [Anti-Russia sanctions], *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2016, no. 2, pp. 22–28. DOI: 10.15211/soveurope220162227
33. Antyushina N.M., Zhuravel' V.P. Arkticheskie problemy [Arctic problems]. *Evropa XXI veka: novye vyzovy i riski: monografiya* [Europe of the 21st century: new challenges and risks]. M., IE RAN. Ves' Mir Publ., 2017, 584 p. (In Russ.)
34. Zhuravel' V.P. Gosudarstvennaya komissiya po voprosam razvitiya Arktiki: itogi raboty pervykh dvukh let [The state commission on the Arctic development: the results of first 2 years]. *Gosudarstvennyy audit. Pravo. Ekonomika*, 2017, no. 1, pp. 30–36.
35. Fedorov V.P. Arkticheskie preobrazovaniya [Arctic conversions]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2018, no. 1, pp. 5–14. DOI: org/10.15211/soveurope120180514

36. *Etnokul'turnye i sotsial'nye protsessy v Arkhangel'skoy oblasti i Nenetskom avtonomnom okruge: monografiya* [Ethnic, cultural and social processes in the Arkhangelsk region and Nenets Autonomous Okrug]. Ed. by I.F. Vereshchagin. Arkhangel'sk, NArFU Publ., 2018.

УДК [355.02+327](98)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.80

Военное строительство в Арктике в условиях конфронтации России и Запада *

© ЗАГОРСКИЙ Андрей Владимирович, кандидат исторических наук

E-mail: zagorskiandrei@gmail.com

Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений имени Е.М. Примакова (ИМЭМО) РАН, Москва, Россия

Аннотация. В 2015–2017 гг. в большинстве арктических стран проводился плановый обзор оборонной политики. По времени он совпал с украинским кризисом, обострением отношений между Россией и Западом и активной фазой реализации масштабной программы военного строительства в российской Арктике. Анализ принятых в этот период решений позволяет судить о том, в какой степени конфронтация между Россией и Западом повлияла на военно-политическую обстановку в регионе и как может сказаться на ней в обозримом будущем. С этой целью принятые в последние годы документы стратегического военно-политического планирования арктических стран сопоставляются с их более ранними планами военного строительства в Арктике. Проведённый анализ позволяет с высокой степенью определённости сделать вывод о том, что в краткосрочной перспективе военно-политическая обстановка в регионе останется стабильной и предсказуемой. На данном этапе арктические страны не стали пересматривать свои прежние спокойные оценки военных угроз и скромные программы военного строительства в регионе. Основное внимание арктических стран-членов НАТО сосредоточено сегодня не столько на Арктике, сколько на развитии военно-политической обстановки на Балтике и в Северной Атлантике. Однако чем дольше затягивается современный кризис в отношениях России и Запада, тем больше вероятность того, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе военно-политическая обстановка в Арктике может измениться в худшую сторону.

Ключевые слова: Арктика, Россия, арктические страны, безопасность, военно-политическая обстановка, военное строительство.

The Arctic defense postures in the context of the Russia-West confrontation

© Andrei V. ZAGORSKI, Cand. Sci. (Hist.)

E-mail: zagorskiandrei@gmail.com

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations (IMEMO), Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Abstract. In 2015–2017, in most Arctic countries, a planned review of defense policy was carried out. It coincided with the Ukrainian crisis, the aggravation of relations between Russia and the West and the active phase of the implementation of a large-scale program of military construction in the Russian Arctic. An analysis of the decisions made during this period allows us to judge to what extent the confrontation between Russia and the West has affected the military and political situation in the region and how it can affect it in the foreseeable future. For this purpose, the documents of the strategic military-political planning of the Arctic countries adopted in recent years are compared with their earlier plans for military construction in the Arctic. The analysis allows to conclude with a high degree of certainty that in the short term the military and political situation in the region will remain stable and predictable. The Arctic countries have not reconsidered their previous calm assessments of military threats and modest military development programs in the region. The main attention of the Arctic states-members of NATO is concentrated on the Arctic not that much as it is for the development of the military-political situation in the Baltic and in the

* Для цитирования:

Загорский А.В. Военное строительство в Арктике в условиях конфронтации России и Запада // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 80–97. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.80

For citation:

Zagorski A.V. The Arctic defense postures in the context of the Russia-West confrontation. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 80–97. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.80

North Atlantic. However, the longer the current crisis in the relations between Russia and the West goes on, the more likely that in the medium and long-term perspective, the military and political situation in the Arctic will change for the worse.

Keywords: *Arctic, Russia, Arctic states, security, military-political landscape, defense posture.*

Введение

В 2015–2017 гг. в большинстве арктических стран проводился обзор оборонной политики и политики в области безопасности, в ходе которого обсуждались в том числе вопросы военного строительства в Арктике. Обзор проводился как в плановом порядке (в Канаде — в связи со сменой правительства после выборов 2015 г., в Дании — в связи с истечением в 2017 г. срока межпартийного соглашения по вопросам оборонной политики), так и в связи с изменениями в военно-политической обстановке (Норвегия). В США обнародованные в 2013 и 2014 гг. арктические стратегии министерства обороны и военно-морских сил (ВМС) пока не пересматривались. В декабре 2016 г. министерство обороны представило Конгрессу доклад с оценкой потребностей в обеспечении интересов национальной безопасности в Арктике, однако какие-либо решения о корректировке политики страны в регионе будет принимать уже нынешняя администрация США.

По времени обзор оборонной политики арктических стран совпал с обострением отношений между Россией и Западом на фоне украинского кризиса и начавшейся на Западе дискуссией об угрозе милитаризации Арктики [1, Regehr E., p. 1], новая фаза которой развернулась на фоне реализации российской программы военного строительства, по словам министра обороны С. Шойгу, самой масштабной в регионе¹. Анализ результатов последнего цикла обзора оборонной политики арктических стран позволяет сделать выводы относительно того, в какой мере современное обострение отношений России с Западом повлияло на военно-политическую обстановку в регионе и как может сказаться на ней в обозримом будущем.

С этой целью в статье сначала рассматривается общий политический контекст, на фоне которого проходил обзор оборонной политики арктических стран, а также его изменение под влиянием современного кризиса. Затем последовательно анализируются принятые в 2015–2017 гг. документы стратегического планирования прибрежных в отношении Северного Ледовитого океана (СЛО) стран-членов НАТО (Канада, Дания, Норвегия, США). Принятые в этот период решения сопоставляются с более ранними планами военного строительства прибрежных стран в регионе. В заключении обобщаются результаты проведённого анализа, делаются выводы относительно влияния кризиса в отношениях России и Запада на военно-политическую обстановку в Арктике в краткосрочной и среднесрочной перспективе.

В статье рассматриваются только планы нестратегического (конвенционального) военного строительства в Арктике. Осуществляемая в регионе военно-стратегическая деятель-

---

¹ Шойгу сообщил о самом масштабном военном строительстве в Арктике среди стран мира // Интерфакс, 26 февраля 2018 г. URL: <http://www.interfax.ru/russia/601479> (дата обращения: 01.03.2018).

ность России и США является частью более широкого уравнения стратегической стабильности и взаимного ядерного сдерживания. Размещённые ими в Арктике стратегические системы не имеют отношения к гипотетическим сценариям ограниченного вооружённого конфликта в регионе. Они охвачены действующим российско-американским договором о мерах по дальнейшему сокращению и ограничению стратегических наступательных вооружений или учтены в нём и являются предметом самостоятельного анализа [2, Арбатов А.Г., Дворкин В.З.; 3, Арбатов А.Г., Дворкин В.З.; 4, Загорский А.В., с. 9; 5, Depledge D., pp. 61–62].

Политический контекст

В конце прошлого десятилетия большинство прибрежных стран утвердили программы модернизации своих нестратегических сил. В Канаде, Дании и Норвегии арктическому направлению было уделено особое внимание. Их планы военного строительства исходили не из возможности межгосударственного конфликта в регионе, а из необходимости решения невоенных задач в области безопасности, таких как охрана границ, обеспечение безопасности судоходства, оперативное реагирование на чрезвычайные ситуации, проведение поисково-спасательных операций и др. [6, Le Mière Ch., Mazo J., pp. 94, 110–116; 7, Byers M., pp. 269–279].

С учётом прогнозов активизации экономической деятельности в морской Арктике в прибрежных странах сформировалось понимание того, что насыщение региона соответствующими силами и средствами в обозримой перспективе будет возрастать. Хотя решением большинства перечисленных выше задач призваны заниматься прежде всего невоенные структуры — береговая охрана (БОХР), правоохранительные органы, — на вооружённые силы здесь также возлагаются функции по реагированию на невоенные риски: мониторинг воздушной и надводной обстановки, авиационный и морской поиск и спасание, обеспечение безопасности судоходства, оказание содействия гражданским властям в ликвидации последствий разливов нефти и иных чрезвычайных ситуаций и др.

Оценивая свои потребности в морской Арктике (основным критерием для таких оценок стали прогнозы интенсификации судоходства²), прибрежные страны сделали выбор в пользу различного сочетания военных и невоенных сил и средств. Так, в Дании, у которой нет БОХР³, решение соответствующих задач в Арктике возложено на вооружённые силы (ВС). В Канаде выбор был сделан в пользу расширения присутствия военно-морских сил (ВМС) в

² Rapport: Forsvarsministeriets fremtidige opgaveløsning i Arktis. København: Forsvarsministeriet, 2016, p. 15; The United States Navy Arctic Roadmap for 2014 to 2030. Washington: Chief of Naval Operations, 2014, pp. 12–13, 16, 18.

³ Задачи, которые в других странах выполняет БОХР, в Дании распределены между различными ведомствами. Так, предотвращение загрязнения морской среды с судов и обеспечение безопасности судоходства в исключительной экономической зоне страны отнесены к ведению Морской администрации Дании. Морское подразделение комплектуемого добровольцами «ополчения» решает задачи морского патрулирования, поиска и спасания исключительно в пределах территориального моря страны. По соглашениям с Фарерскими островами и Гренландией задачи БОХР в их водах решают ВС Дании. По этой причине в Арктическом форуме БОХР страну представляет ее арктическое командование.

арктических водах. В США, наоборот, обеспечение присутствия в Арктике было возложено на БОХР.

Планы прибрежных стран по строительству арктических сил были скромными. И дело не только в том, что здесь нет серьёзных поводов для вооружённого конфликта [8, Дынкин А.А., с. 407–408]. Суровые природно-климатические условия, удалённость региона, большие расстояния существенно затрудняют и удорожают конвенциональную военную деятельность, строительство и поддержание береговой инфраструктуры, обеспечение оперативной устойчивости сил армии и флота [9, Храмчихин А.А., с. 327; 10, Bowes M.D., pp. 30–39; 11, Christensen K.D.]. Эти условия, по оценкам военных ведомств, в обозримой перспективе вряд ли станут более благоприятными⁴.

Всё это, как и другие обстоятельства, предопределяет низкую оперативную ёмкость региона и его периферийный характер для конвенциональной военной деятельности прибрежных стран. По этой причине даже скромные программы строительства вооружённых сил в Арктике зачастую проигрывают конкуренцию другим, более приоритетным, но не арктическим направлениям военного строительства. Эти программы недофинансировались, а их реализация не раз откладывалась. Утверждая планы военного строительства, в прибрежных странах отдавали себе отчёт в том, что одностороннее размещение в регионе даже незначительных военных сил может спровоцировать гонку вооружений. По этой причине большинство стран отказалось от инвестирования значительных средств в военную инфраструктуру, а основной акцент был сделан на развитии двустороннего и регионального сотрудничества.

Ввиду особых обстоятельств, в частности, ограниченности возможностей для свободного выхода в Мировой океан, базирования на Кольском полуострове морских стратегических ядерных сил сдерживания и прикрывающих их сил Северного флота, Россия — единственная страна, имеющая в Арктике постоянно размещённые существенные боевые силы. У Дании, Канады, Норвегии и США есть более благоприятные возможности для выхода в Мировой океан и, соответственно, нет необходимости базировать свой флот на севере. Этим во многом объясняются несопоставимые масштабы военной деятельности России и других стран в Арктике, объективное превосходство размещённых здесь на постоянной основе нестратегических сил России [4, Загорский А.В., с. 29; 12, Храмчихин А.А., с. 98].

До украинского кризиса это превосходство и российское военное строительство в регионе воспринимались как вполне объяснимые меры, призванные обеспечить охрану протяжённой береговой линии, освещение воздушной, надводной и подводной обстановки, оперативную устойчивость стратегических сил сдерживания, реагирование на природные и техногенные катастрофы. В арктических странах высказывались и другие точки зрения, но

---

⁴ Rapport: Forsvarsministeriets fremtidige opgaveløsning i Arktis, p. 15; Report to Congress on Strategy to Protect United States National Security Interests in the Arctic Region. Washington, D.C.: Department of Defense, 2016, p. 12; The United States Navy Arctic Roadmap for 2014 to 2030, pp. 11–13.

общественно-политической резонанс они вызывали в редких случаях, таких как установка российского флага на дне СЛО в районе Северного полюса в 2007 г. или доклад геологической службы США о неразведанных запасах углеводородов на арктическом шельфе в 2008 г. До начала украинского кризиса отечественные и зарубежные исследования независимо друг от друга свидетельствовали об отсутствии признаков гонки вооружений в Арктике [13, Загорский А.В., с. 106–108]; 14, Ознобищев С.К.; 15, Haftendorn H.; 16, Melvin N., Bergh K., p. 1; 6, Le Mière Ch., Mazo J., p. 94; 17, Wezeman S.T.].

Об установлении баланса военных сил России и стран Запада в Арктике речь не шла. Более того, российские нестратегические силы и средства, превосходящие соответствующий потенциал остальных прибрежных стран вместе взятых, воспринимались как потенциальный вклад в решение общих задач обеспечения безопасности в Арктике, что придавало России соответствующий её вкладу вес в региональном сотрудничестве. На фоне украинского кризиса отношение к российским военным программам изменилось. За Россией закрепился имидж государства, политика которого труднопредсказуема, готового ради достижения стратегических целей пренебречь возможными политическими и экономическими издержками односторонних, в том числе силовых действий [18, Загорский А.В., с. 45; 19, Kärnylä J., Mikkola H., pp. 12–13].

Это изменение общего политического контекста, с которым совпал обзор оборонной политики прибрежных стран, придавало данному процессу особую интригу. Хотя в результате обзора оценки российского военного строительства в Арктике принципиально не изменились: оно по-прежнему оценивается прибрежными странами как не угрожающее в краткосрочной перспективе⁵, тональность принятых в последние годы документов арктических стран отражает их усиливающуюся озабоченность перспективами развития обстановки в регионе, а анализ программ российского военного строительства всё больше смещается с оценки намерений в сторону оценки фактических возможностей России.

Канада

Сформировавшиеся в Канаде в 2006–2008 гг. планы военного строительства в Арктике многими были восприняты как программа радикальной модернизации вооружённых сил и военной инфраструктуры страны в регионе [20, Конышев В.Н., Сергунин А.А., с. 288]. Возможно, это объясняется риторикой консервативного правительства С. Харпера, которая предшествовала и сопровождала принятие соответствующих решений [21, Lackenbauer P.W., Dean R., pp. 8–36]. На деле эта программа была более чем скромной на фоне как более широких задач ВС страны, так и программы невоенной деятельности в Арктике (устойчивое развитие северных территорий, адаптация к последствиям изменения климата, научные ис-

⁵ Intelligence Risk Assessment 2017. An assessment of developments abroad impacting on Danish security. Copenhagen: Danish Defence Intelligence Service, 2017, pp. 43–44; Norway's Arctic Strategy — between geopolitics and social development. Oslo: Norwegian Ministries, 2017, p. 18; Report on Arctic Policy. US Department of State International Security Advisory Board. 21 September 2016, pp. 24–25.

следования, гидрография и картография, безопасность судоходства и предотвращение загрязнения морской среды и другие).

Канадская программа предусматривала строительство для ВМС страны 6–8 сторожевых фрегатов с ледовыми усилениями⁶, строительство глубоководного порта материально-технического обеспечения кораблей ВМС, создание на севере учебного центра армии и увеличение численности канадских рейнджеров — местных добровольцев, патрулирующих малообжитые сухопутные территории канадского Севера [22, Dean R., Lackenbauer P.W., Lajeunesse A., pp. 46–47; 17, Wezeman S.T., p. 5]. Больше всего споров в стране вызвало решение о строительстве сторожевых фрегатов. Следствием его принятия стало сокращение принятых ранее планов замены стареющих ледоколов БОХР с трёх до одного, тогда как использование сторожевых кораблей, способных осуществлять патрулирование в арктических водах не более трёх месяцев в году, считается менее эффективным, чем использование ледоколов БОХР, которые проводят здесь до девяти месяцев [4, Загорский А.В., с. 87].

Ещё при правительстве Харпера реализация намеченных планов отставала от графика и испытывала хроническое недофинансирование. Программа закупки военной техники была реализована в незначительном объёме. Сами планы пересматривались в сторону сокращения. Так, в целях бюджетной экономии количество сторожевых фрегатов для Арктики было сокращено до пяти–шести. Первый фрегат был заложен в 2016 г., хотя должен был поступить в боевой состав ВМФ годом ранее. Сроки завершения реализации программы сдвинулись на 2018–2022 гг. Пересмотрены планы строительства на севере глубоководного порта. Теперь речь идёт не о центре материально-технического обеспечения кораблей ВМС, а о пункте заправки топливом, который будет доступен только в сезон навигации. Завершение его строительства перенесено с 2015 на 2018 г. Откладывается строительство нового ледокола для БОХР Канады. Его разработка была приостановлена в 2013 г., а соответствующие средства были направлены на строительство «неарктических» судов обеспечения для ВМС страны. Судя по последним сообщениям, новый ледокол БОХР Канады появится не раньше 2022–2023 гг. [23, Forget P., p. 20; 1, Regehr E., pp. 6, 27–28; 24, Wezeman S.T., p. 3, 7].

Пришедшее к власти в конце 2015 г. либеральное правительство во главе с Дж. Трюдо в 2016 г. начало обзор оборонной политики Канады, в ходе которого был поставлен вопрос об определении оптимальных масштабов и форм присутствия ВС страны на Севере с учётом суровых природно-климатических условий и высокой стоимости военного строительства⁷. Результаты обзора были обнародованы в 2017 г. В итоговом документе были подтверждены сокращённые предыдущим правительством планы строительства арктических сил. Акцент же был сделан на модернизации систем предупреждения о воздушном нападении, мониторинге воздушной и надводной обстановки во взаимодействии с США, Данией и Норвегией,

⁶ Корабли ВМС Канады не имеют ледовых усилений, и возможности их применения в арктических широтах крайне ограничены.

⁷ Defence Policy Review. Public Consultation Document 2016. [Ottawa]: National Defence — Canadian Armed Forces, 2016, p. 10.

модернизации сети радаров Командования воздушно-космической обороны Северной Америки (НОРАД) [25, Regehr E.] и расширении зоны ответственности системы противовоздушной обороны страны⁸.

Нынешнее правительство Канады приняло решение о закупке в следующем десятилетии пятнадцати сторожевых кораблей для ВМС страны. Однако они не предназначены для использования в Арктике. Как и весь канадский флот, они будут базироваться на юге страны, не имея ледовых усилений.

Прежнее правительство страны утвердило также программу замены старых истребителей F-18 (с сокращением их общего количества). Первоначальный выбор в пользу истребителя пятого поколения F-35 был поставлен под вопрос ещё до формирования нового кабинета, который окончательно отказался от данного варианта и склоняется в пользу более «бюджетного» F-18/E. Дальность истребителей, базирующихся на юге страны, позволяет им эпизодически патрулировать воздушное пространство севера Канады при условии дозаправки в воздухе. Их главная задача — перехват российских стратегических бомбардировщиков, возобновивших свои полёты в Арктике в последние десять лет. В целях же настоящего исследования важно констатировать, что и в этом вопросе по итогам последнего обзора оборонной политики Канады не принимались (и не обсуждались) решения, выходящие за рамки давно намеченной плановой модернизации парка многоцелевых истребителей.

Хотя в документах обзора оборонной политики Канады появились тезисы о возрождении соперничества великих держав и возвращении к политике сдерживания, соответствующие пассажи не относятся к арктическому региону. Основную озабоченность у нового правительства вызывает необходимость защиты морских коммуникаций НАТО Северной Атлантике⁹. Это делает арктический регион ещё более периферийным для Оттавы с военной точки зрения. Несмотря на то, что в общественно-политической дискуссии и, в частности, в Сенате, всё более остро ставится вопрос о необходимости отреагировать на российское военное строительство в Арктике, в новой военной доктрине Канады задачи ВС в регионе сформулированы не в контексте гипотетических военных угроз, а в плане необходимости оказания содействия гражданским властям в реагировании на невоенные риски в области безопасности [26, Regehr].

Дания

Арктическое направление военной деятельности Дании вряд ли заслуживает того внимания, которое ему уделяли средства массовой информации некоторое время назад. Межпартийным соглашением по вопросам обороны Дании на 2010–2014 гг. было предусмотрено объединение командований для Гренландии и Фарерских островов в общую ко-

⁸ Strong, secure, engaged. Canada's defence policy. Ottawa: National Defence, 2017, pp. 79–80; 90, 102–113.

⁹ Там же, pp. 50; 79–80.

мандную структуру¹⁰. В результате в 2012 г. в Нууке (Гренландия) было создано компактное объединённое арктическое командование, в задачи которого входит координация деятельности вооружённых сил страны в зоне его ответственности. В случае необходимости ему могут быть приданы силы и средства из состава вооружённых сил Дании. В самой же Гренландии нет размещённых на постоянной основе существенных военных сил, если не считать многочисленный «санный патруль» и отряд аквалангистов.

Арктическая деятельность ВС Дании ограничивается патрулированием вод и воздушного пространства Гренландии и Фарерских островов. В их задачи входят мониторинг обстановки, авиационный и морской поиск и спасание, ликвидация последствий загрязнения морской среды, рыбоохранная деятельность, содействие в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций. Патрулирование вод Гренландии и Фарерских островов на основе ротации осуществляют по одному сторожевому фрегату класса «Тетис» постройки конца 1980 — начала 1990-х гг. Модернизация же арктических сил страны по существу свелась к замене построенных для Гренландии в 1970-е гг. трёх сторожевых кораблей класса «Агдлек» новыми кораблями класса «Кнуд Расмуссен»¹¹ [24, Wezeman S.T., p. 9] и семи вертолётов морской авиации «Линкс» девятью вертолётами «Сихок»¹². Воздушное патрулирование в морской зоне Дании, включая Балтику, осуществляется тремя самолётами морской авиации CL-604 «Челенджер» [17, Wezeman S.T., p. 6].

В межпартийном соглашении по вопросам обороны на 2010–2014 гг. предусматривалось также формирование разнородных арктических сил реагирования¹³. Но имелось в виду не формирование новых подразделений и их размещение на севере, а подготовка военнослужащих регулярных подразделений для возможного применения в Арктике в случае необходимости увеличения сил и средств объединённого арктического командования [24, Wezeman S.T., p. 8].

Межпартийным соглашением на 2013–2017 гг. предусматривалось проведение к 2017 г. анализа перспективных задач и потребностей ВС страны в Арктике. Соответствующий доклад министерства обороны был представлен в июне 2016 г. уже в условиях обострения отношений между Россией и Западом. Основной вывод, сделанный в докладе исходя из прогнозов развития судоходства в водах Гренландии и Фарерских островов, сводился к тому, что существующие силы и средства, а также меры по их модернизации, намеченные в 2012 г., достаточны для решения задач ВС в Арктике в предстоящий период¹⁴.

В докладе предлагалось незначительное увеличение расходов на усиление мониторинга оперативной обстановки из космоса и с воздуха, на развитие систем связи и управле-

¹⁰ Danish Defence Agreement 2010–2014. Copenhagen: [Danish Ministry of Defence], 2009. p. 12.

¹¹ По своим характеристикам эти корабли сопоставимы с созданным специально для использования в Арктике новым российским пограничным сторожевым кораблем «Полярная звезда».

¹² Rapport: Forsvarsministeriets fremtidige opgaveløsning i Arktis, p. 15.

¹³ Danish Defence Agreement 2010–2014, p. 12.

¹⁴ Rapport: Forsvarsministeriets fremtidige opgaveløsning i Arktis, p. 15.

ния силами и средствами ВС. Единственная мера, предполагавшая частичное усиление военно-морского присутствия Дании в арктическом регионе — периодическое развёртывание в летний период в водах Гренландии одного из трёх не имеющих ледовых укреплений фрегатов «Ивер Хютфельдт»¹⁵. В декабре 2016 г. эти предложения были одобрены в специальном межпартийном соглашении о задачах обороны в Арктике¹⁶.

Подготовка более широкого межпартийного соглашения на 2018–2023 гг. потребовала больше времени. Его согласование завершилось в январе 2018 г.¹⁷ Соглашением предусматривается увеличение оборонных расходов на 20% в течение шести лет — с 1,2 до 1,3% валового внутреннего продукта страны. Дополнительные средства предназначены главным образом для обеспечения участия Дании в ротации сил НАТО, размещённых с 2017 г. в странах Балтии и Польше; формирования батальона лёгкой пехоты в качестве вклада страны в созданную в альянсе в 2015 г. объединённую оперативную группу повышенной готовности; формирования новой бригады для участия в более крупных оборонительных операциях НАТО. Приоритетными направлениями военного строительства становятся оснащение фрегатов средствами противолодочной обороны, модернизация средств противовоздушной обороны, а в перспективе — создание системы обороны территории Дании от баллистических ракет малой дальности. Подтверждены давние планы замены многоцелевых истребителей F-16 на современные F-35. Всё это должно обеспечить участие ВС Дании в деятельности НАТО не только на Балтике. Усиление противолодочной обороны — вклад страны в возрождение противолодочного рубежа Гренландия — Исландия — Великобритания, призванного обеспечить безопасность трансатлантических морских коммуникаций [27, Lorenz W., p. 1].

В 2018 г. было также принято решение об увеличении финансирования деятельности ВС в Арктике в дополнение к тому, которое было согласовано в конце 2016 г. Предполагается привлечение дополнительных средств, в частности, на рекультивацию территории бывших военных объектов США в Гренландии; закупку оборудования для предотвращения загрязнения морской среды; обучение населения действиям в условиях чрезвычайной ситуации; расширение ориентированных на службу в ВС Дании программ профессиональной ориентации в средних школах; картографические работы¹⁸. Последние изменения в строительстве вооружённых сил Дании отражают новую оценку меняющейся военно-политической обстановки на восточном фланге НАТО (на Балтике) и в Северной Атлантике, но никак не в Арктике. С учётом ограниченности ресурсов, эти изменения скорее исключают расширение военной деятельности страны в этом регионе.

¹⁵ Там же, pp. 17–18.

¹⁶ Agreement on the future missions of the Danish Ministry of Defence (MoD) in the Arctic, 8 December 2016. Copenhagen: Danish Foreign Ministry, 2016. URL: <http://www.fmn.dk/eng/allabout/Documents/Agreement-on-the-future-missions-and-tasks-in-the-Arctic.pdf> (дата обращения: 21.03.2018).

¹⁷ Defence Agreement 2018–2023. Copenhagen: Danish Ministry of Defence, 2018.

¹⁸ Defence Agreement 2018–2023, pp. 10–11.

Норвегия

В последние два десятилетия ВС Норвегии проходят плановую модернизацию. Страна имеет современные ВМС. В 2011 г. завершилась замена старых фрегатов пятью новыми класса «Фритьоф Нансен». Правда, норвежские военные корабли не имеют ледовых усилений, поскольку основные районы их оперативного развёртывания, если не считать дальние походы, находятся в незамерзающих акваториях Норвежского и Баренцева морей. В 2014 г. было принято решение о замене, начиная с середины следующего десятилетия, шести подводных лодок класса «Ула» постройки начала 1990-х гг. [14, Ознобищев С.К., с. 143; 7, Byers M., p. 250, 273; 6, Le Mière Ch., Mazo J., p. 88; 17, Wezeman S.T., pp. 7–8; 24, Wezeman S.T., pp. 12–13].

После реорганизации сухопутных сил Норвегии в 2009 г. их основу составляет механизированная бригада «Север», имеющая в своём составе два механизированных батальона (один из них размещён на севере страны, другой — на юге) и батальон лёгкой пехоты. Бригада выполняет в основном учебные задачи. Только батальон лёгкой пехоты находится в состоянии боевой готовности. В 2011 г. Генеральный штаб ВС страны рекомендовал сократить количество механизированных батальонов до одного, но годом позже было принято решение сохранить прежнюю структуру бригады¹⁹ [24, Wezeman S.T., pp. 12–13].

В 2015 г. началась плановая замена 60 истребителей F-16 на 52 современных F-35, рассчитанная на период до 2024 г. [7, Byers M., p. 250; 6, Le Mière Ch., Mazo J., p. 88; 17, Wezeman S.T., pp. 6–7; 24, Wezeman S.T., p. 11]. Основу авиапарка ВВС, который может быть использован в Арктике, составляют шесть противолодочных самолётов P-3 «Орион» постройки конца 1970-х гг. и 12 противолодочных вертолётов «Си Кинг». К 2024 г. планировалось заменить P-3 спутниковыми системами обнаружения подводных лодок, беспилотными летательными аппаратами и новыми противолодочными самолётами [24, Wezeman S.T., p. 11].

С началом украинского кризиса в Норвегии острее, чем в других арктических странах, реагировали на возможные изменения военно-политической обстановки в Арктике. Норвегия — единственная арктическая страна НАТО, имеющая сухопутную границу с Россией, хотя и не протяжённую. В Осло подчёркивают, что в настоящее время военная деятельность России в Арктике не направлена против Норвегии²⁰, но и не исключают возможность втягивания стран в конфликт с Россией в случае эскалации противостояния на Балтике²¹.

В связи с этим в последние годы в Норвегии обсуждались различные варианты строительства вооружённых сил на среднесрочную и долгосрочную перспективу. В 2015 г. Генеральный штаб страны обнародовал предложения по развитию ВС страны. Предпочтение он

¹⁹ Храмчихин А.А. Страна боевых ледоколов // Военно-промышленный курьер. 2016. № 31. URL: <http://vpk-news.ru/articles/31866> (дата обращения: 05.04.17).

²⁰ Norway's Arctic Strategy — between geopolitics and social development, p. 18.

²¹ Norwegian Armed Forces in transition. Strategic defence review by the Norwegian Chief of Defence. Abridged version. [Oslo], Norwegian Armed Forces, 2015, p. 5.

отдавал варианту существенного наращивания их боевой мощи и укрепления обороны на севере страны. Предлагалось, в частности, нарастить возможности противолодочной обороны, в том числе путём закупки современных противолодочных самолётов; начиная с 2025 г. увеличить количество подводных лодок; повысить уровень боеготовности сухопутных сил, сосредоточить их на севере страны и сформировать вторую бригаду; приобрести новые вертолёты для армии и нарастить возможности для применения высокоточного оружия²².

В 2016 г. после острых дискуссий был утверждён новый долгосрочный план строительства вооружённых сил страны, в котором не были поддержаны амбициозные предложения Генерального штаба. Вместо увеличения подводного флота планом предусмотрена замена шести старых подводных лодок четырьмя новыми в конце следующего десятилетия. Вместо расширения парка противолодочных самолётов — замена старых Р-3 «Орион» по мере их вывода из боевого состава. Планом предусмотрены наращивание возможностей противовоздушной обороны, инвестиции в системы раннего предупреждения о нападении, формирование в составе сухопутных сил роты рейнджеров. Вопрос о формировании второй бригады сухопутных сил отправлен на дальнейшее изучение. Финансирование утверждённой программы должно быть обеспечено экономией ресурсов (предусмотрено закрытие 11 военных баз и объектов)²³, а также за счёт увеличения оборонного бюджета²⁴.

Долгосрочный план строительства вооружённых сил Норвегии 2016 г. не содержит положений, которые не были бы предусмотрены прежними программами замены исчерпывающих свой ресурс подводных лодок и противолодочных самолётов. В чём-то он даже скромнее прежних. В то же время правительство Норвегии сделало ставку, с одной стороны, на наращивание средств раннего предупреждения о возможном нападении, а с другой — на развитие инфраструктуры усиления для переброски в страну сил НАТО в угрожающий период²⁵. В ближайшие годы отработка навыков оперативного усиления будет в центре проводимых в стране военных учений. В то же время, понимая риски взаимной неверной интерпретации неплановой военной деятельности, Осло придаёт особое значение сохранению и поддержанию постоянной коммуникации между норвежским Генеральным штабом с одной стороны и командованием российского Северного флота и российского Генерального штаба — с другой, развитию сотрудничества с Россией в Арктике²⁶.

²² Norwegian Armed Forces in transition, p. 19.

²³ Capable and Sustainable. Long Term Defence Plan. [Oslo]: Norwegian Ministry of Defence, 2016, p. 12, 15.

²⁴ Norwegian Government Follows Up Long Term Defence Plan with Significant Budget Increase. Norwegian Government. Press release 2016. 11 October. URL: <https://www.regjeringen.no/en/aktuelt/norwegian-government-follows-up-long-term-defence-plan-with-significant-budget-increase/id2514775/> (дата обращения: 28.03.2018).

²⁵ Norway's Arctic Strategy – between geopolitics and social development, p. 18.

²⁶ Там же, pp. 18, 21.

США

В США Арктика рассматривается как периферийный регион конвенциональной военной деятельности²⁷. Здесь нет американских военных баз, на которых на постоянной основе были бы развёрнуты нестратегические силы. Размещённые на Аляске в субарктических широтах силы входят в состав Тихоокеанского командования. Хотя многоцелевые атомные подводные лодки США регулярно патрулируют в арктических водах с баз на западном побережье страны, в боевом составе ВМС нет надводных кораблей с ледовыми усилениями и ледоколов, которые могли бы быть развёрнуты в морской Арктике²⁸.

В 2009 г. перед ВС США была поставлена задача изучить потребности своего присутствия в морской Арктике с учётом оценки военных угроз и последствий климатических изменений. В принятых в США в 2013–2014 гг. арктических стратегиях Министерства обороны и ВМС страны военные угрозы в регионе оценивались как относительно низкие²⁹. С учётом этой оценки проведённые ВМС исследования [10, Bowes M.D.] показали нецелесообразность размещения в регионе надводных сил ВМС, что потребовало бы значительных инвестиций в строительство специальных кораблей с ледовыми усилениями, ледоколов и береговой инфраструктуры и отвлекло бы ресурсы от более важных направлений военно-морской деятельности. Общий вывод заключался в том, что необходимый уровень присутствия в морской Арктике может быть обеспечен силами БОХР и не потребует дополнительного развёртывания сил и средств ВМС³⁰.

Это ещё одно свидетельство того, что арктическое направление важно для США лишь настолько, насколько оно имеет значение для решения более важных для Вашингтона задач поддержания стратегической стабильности в отношениях с Россией, нераспространения оружия массового уничтожения, пресечения международной террористической деятельности, а также для решения задач вооружённых сил США в Северо-Восточной Азии и Северной Атлантике, но не как самостоятельное направление нестратегической военной деятельности. Неудивительно, что нестратегические арктические программы США финансировались по «остаточному» принципу и что единственным результатом проведённой оценки стало принятое после многолетних обсуждений решение о строительстве для БОХР США нового ледо-

²⁷ Report to Congress on Arctic Operations and the Northwest Passage. Washington: Department of Defense, 2011, p. 12.

²⁸ Там же, p. 3, 15, 17.

²⁹ Arctic Strategy. Washington: U.S. Department of Defense, 2013, pp. 2, 4; The United States Navy Arctic Roadmap for 2014 to 2030, p. 6.

³⁰ Report to Congress on Arctic Operations and the Northwest Passage, p. 3, 15, 22, 25, 27; The United States Navy Arctic Roadmap for 2014 to 203, p. 4.

кола³¹, который в середине следующего десятилетия сменит работающий сегодня в Арктике ледокол «Хили»³².

На фоне украинского кризиса и обсуждения мер по «сдерживанию» России в США разгорелась дискуссия в том числе по вопросам арктической политики. Заметная роль в этой дискуссии принадлежит Конгрессу³³. В 2015 г. Конгресс отклонил предложение Министерства обороны сократить численность личного состава размещённой на Аляске воздушно-десантной бригады в четыре раза, потребовав сначала провести оценку сил и средств, необходимых для защиты интересов США в Арктике с учётом укрепления военных возможностей России в регионе [24, Wezeman S.T., p. 19].

В декабре 2016 г. Министерство обороны представило Конгрессу доклад с оценкой потребностей в обеспечении интересов национальной безопасности в Арктике³⁴. Хотя тональность доклада несколько изменилась, он не содержал принципиальных изменений в оценке потребностей ВС в регионе. Несмотря на необходимость инвестиций в береговую инфраструктуру (вопрос о строительстве в американской Арктике глубоководного порта обсуждается давно) и возможность в перспективе экспедиционной военно-морской деятельности (но не постоянного размещения сил ВМС в регионе), в докладе не раз повторяется тезис о том, что любые решения по военному строительству в Арктике должны приниматься с учётом ограниченных ресурсов, необходимых на других направлениях военно-морской деятельности. Дискуссии о расширении морского присутствия в Арктике, как правило, не идут дальше констатации необходимости строительства новых ледоколов для БОХР США [28, Arctic Imperatives, p. 4].

Отсутствие значимых конвенциональных военных угроз в Арктике всё же не отменяет некоторой озабоченности США, вызванной, прежде всего, опасностью оказаться втянутыми в конфликт с Россией в случае эскалации конфликта между Россией и Норвегией³⁵. Предметом же действительно серьёзного беспокойства является возможность противостояния с Россией в Северной Атлантике. Об этом говорят принятые решения о базировании противолодочных самолётов на базе в Кефлавике (Исландия), которой США не пользовались с 2006 г., и о модернизации взлётно-посадочной полосы на базе в Туле (Гренландия), на которой до настоящего времени оставался только радар американской системы предупреждения о ра-

---

³¹ 2015 Year in Review. Progress Report on the Implementation of the National Strategy for the Arctic Region Prepared by the Arctic Executive Steering Committee. Washington: White House, 2016, p. 8.

³² В составе БОХР США в настоящее время осталось два ледокола. Срок службы работающего в Арктике среднего ледокола «Хили» заканчивается в 2030 г. Прошедший в 2010–2013 г. модернизацию тяжёлый ледокол «Полярная звезда» работает исключительно в Антарктике. Его срок службы заканчивается в 2020 г.

³³ Grønning A.R. Updated US Arctic defense strategy addresses new security environment // High North News, 10 February 2017. URL: <http://www.highnorthnews.com/updated-us-arctic-defense-strategy-addresses-new-security-environment/> (дата обращения: 27.03.2018).

³⁴ Report to Congress on Strategy to Protect United States National Security Interests in the Arctic Region.

³⁵ Report on Arctic Policy, p. 25.

кетном нападении³⁶. Целесообразность этих решений обосновывается возобновлением походов российских подводных лодок в Северную Атлантику.

Доклад 2016 г. стал своего рода «промежуточным» документом. В нём не ставилась цель пересмотра арктических стратегий Министерства обороны и ВМС США 2013 и 2014 гг. Какие-либо решения относительно возможных изменений в стратегическом планировании в регионе будет принимать нынешняя администрация США. В её первых документах военного планирования арктическому региону, как и раньше, не уделяется внимание. Так, в утверждённой в 2017 г. стратегии национальной безопасности США Арктика упоминается всего один раз в самом общем контексте³⁷, а в принятой в 2018 г. национальной оборонной стратегии (аналог проводимого раз в четыре года обзора оборонной политики) не упоминается ни разу³⁸.

Заключение

Анализ решений, принятых прибрежными государствами в ходе последнего обзора их оборонной политики, позволяет с высокой степенью определённости сделать вывод о том, что **в краткосрочной перспективе военно-политическая обстановка в Арктике останется стабильной и предсказуемой**. Высказывавшиеся ранее спокойные оценки военных угроз в Арктике и констатация малой вероятности вооружённого конфликта не изменились. Несмотря на остроту дискуссии вокруг российского военного строительства в Арктике и призывы к ответным действиям, западные государства на данном этапе не драматизируют обстановку в регионе. В решениях 2015–2017 гг. они констатировали достаточность имеющихся у них сил и средств для реагирования на преимущественно невоенные угрозы для безопасности в регионе и не стали пересматривать принятые ранее планы военного строительства в сторону повышения.

Принятые же в последние годы решения в области военного строительства свидетельствуют о другом. *Основное внимание арктических стран-членов НАТО сосредоточено не столько на арктическом направлении, сколько на регионе Балтийского моря*. Об этом свидетельствует и обновлённая в 2015 г. военная доктрина не входящей в НАТО Швеции, которой предусмотрено постоянное военное присутствие на острове Готланд, занимающем стратегическое положение в Балтийском море³⁹.

Помимо выполнения принятых альянсом в 2014–2016 гг. решений об обеспечении безопасности его восточного фланга речь идёт также о *восстановлении противолодочного рубежа Гренландия — Исландия — Великобритания* в интересах обеспечения безопасности трансатлантических морских коммуникаций в условиях возобновившихся походов россий-

³⁶ Report to Congress on Strategy to Protect United States National Security Interests in the Arctic Region, p. 11.

³⁷ National Security Strategy of the United States of America. Washington: The White House, December 2017, p. 40.

³⁸ Summary of the National Defense Strategy. Sharpening the American Military's Competitive Edge. Washington: Department of Defense, 2018.

³⁹ Sweden's Defence Policy 2016 to 2020. Stockholm: Swedish Government, 2015, pp. 2–4, 8–9.

ских подводных лодок в Северную Атлантику. Об этом свидетельствует и обсуждаемое сейчас восстановление Североатлантического командования НАТО, расформированного в 2002 г. [29, Regehr E.].

В краткосрочном плане эти решения не столько привлекают внимание к вопросам военного строительства в Арктике, сколько отвлекают его от региона. США и другие страны НАТО демонстративно проявляют здесь военную сдержанность. Но чем дольше затягивается современный кризис в отношениях России с Западом, тем больше вероятность того, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе военно-политическая обстановка в регионе может измениться в худшую сторону. В арктических странах НАТО сформировалась широкая оппозиция политике военной сдержанности в Арктике. Она существует и в американском Конгрессе, и в канадском Сенате [26, Regehr E., p. 2]. Решения же о сдерживании России на Балтике или о возрождении противолодочного рубежа в Северной Атлантике очень напоминают решения времён «холодной войны». Как, строго говоря, и принятые несколько лет назад решения о возобновлении патрулирования российских подводных лодок в Северной Атлантике. Судьба Арктики в годы «холодной войны» была незавидной. Даже если здесь в обозримой перспективе не начнётся гонка вооружений, регион вполне может опять оказаться закрытым для широкого международного сотрудничества.

Литература

1. Regehr E. Circumpolar military facilities of the Arctic Five — updated: September 2017. Vancouver: The Simons Foundation, 2017. 94 p.
2. Арбатов А.Г., Дворкин В.З. Военно-стратегическая деятельность России и США // Россия в полицентричном мире / Под ред. Дынкина А.А., Ивановой Н.И. М.: Весь мир, 2011. С. 473–480.
3. Арбатов А.Г., Дворкин В.З. Военно-стратегическая деятельность // Международно-политические условия развития Арктической зоны Российской Федерации / Под ред. А.В. Загорского. М.: ИМЭМО РАН. Магистр, 2015. С. 163–177.
4. Загорский А.В. Нестратегические вопросы безопасности и сотрудничества в Арктике. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 104 с.
5. Depledge D. Hard security developments // Arctic security matters / Ed. by Jokela J. Paris: EU ISS, 2015. P. 59–67.
6. Le Mièrre Ch., Mazo J. Arctic opening: insecurity and opportunity. Abingdon; New York: Routledge, 2013. 180 p.
7. Byers M. International Law and the Arctic. Cambridge: Cambridge University Press, 2013. 322 p.
8. Дынкин А.А. Международное сотрудничество в Арктике: риски и возможности // Вестник Российской академии наук. 2015. Т. 85. № 5–6. С. 404–411.
9. Храпчихин А.А. Военно-политическая ситуация в Арктике и сценарии возможных конфликтов // Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: хрестоматия в 3 томах / Под ред. И.С. Иванова. Т. 1. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 327–343.
10. Bowes M.D. Impact of Climate Change on Naval Operations in the Arctic. CNA, Alexandria (VA): CAN, 2009. 48 p.
11. Christensen K.D. The Arctic. The Physical Environment. DRDC: Centre for Operational Research and Analysis (CORA), 2010. 128 p.
12. Храпчихин А.А. Влияние украинского кризиса на военно-политическую обстановку в Арктике // Северный морской путь: Развитие арктических коммуникаций в глобальной экономике «Арктика-2015»: материалы конференции. Мурманск: Мурманский государственный технический университет, 2015. С. 96–98.

13. Загорский А.В. Международное сотрудничество в Арктике // *Мировая экономика и международные отношения*. 2016. Т. 60. № 7. С. 104–112. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-7-104-112.
14. Ознобищев С.К. Нестратегическая военная деятельность // *Международно-политические условия развития Арктической зоны Российской Федерации* / Под ред. А.В. Загорского. М.: Магистр, 2015. С. 139–150.
15. Haftendorn H. Wettrüsten im Ewigen Eis — Eine Gefahr für die internationale Stabilität? // *Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik*. 2016. Vol. 9. № 1. S. 101–120.
16. Melvin N., Bergh K. Introduction / Ed. by Melvin N., Jakobson L. *The New Arctic Governance*. Oxford: Oxford University Press, 2016. P. 1–12.
17. Wezeman S.T. *Military capabilities in the Arctic*. Stockholm: SIPRI, 2012. 16 p.
18. Загорский А.В. Безопасность в Арктике // *Современная Европа*. 2017. № 4. С. 40–49.
19. Käpylä J., Mikkola H. On Arctic Exceptionalism. Critical reflections in the light of the Arctic Sunrise case and the crisis in Ukraine. Helsinki: FIIA, 2015. 22 p.
20. Конышев В.Н., Сергунин А.А. Ремилитаризация Арктики и безопасность России // *Арктический регион: Проблемы международного сотрудничества: хрестоматия в 3 томах* / Под ред. И.С. Иванова. Т. 1. М.: Аспект Пресс, 2013. С. 284–302.
21. Lackenbauer P.W., Dean R. *Canada's Northern Strategy under the Harper Conservatives: Key Speeches and Documents on Sovereignty, Security, and Governance, 2006-15*. Calgary: University of Calgary, 2016. 421 p.
22. Dean R., Lackenbauer P.W., Lajeunesse A. *Canadian Arctic Defence Policy. A Synthesis of Key Documents, 1970–2013*. Calgary: University of Calgary, 2014. 82 p.
23. Forget P. Bridging the Gap: The Limitations of Pre-AOPS Operations in Arctic Waters // *Canadian Naval Review*. 2012. Vol. 7. № 4. P. 6–20.
24. Wezeman S.T. *Military capabilities in the Arctic: A new cold war in the High North?* Stockholm: SIPRI, 2016. 24 p.
25. Regehr E. Replacing the North Warning System: Strategic competition or Arctic confidence building? // *Arctic Security Briefing Paper*. 2018. March 1. Vancouver: The Simons Foundation, 2018. 6 p.
26. Regehr E. Arctic Security and the Canadian Defence Policy Statement of 2017 // *Disarming Arctic Security*. 2017. August 31. Vancouver: The Simons Foundation, 2017. 11 p.
27. Lorenz W. Denmark Increases Its Contribution to the Deterrence of Russia // *PISM Bulletin*. 2018. № 25. 2 p.
28. *Arctic Imperatives: Reinforcing U.S. Strategy on America's Fourth Coast*. Washington: Council on Foreign Relations, 2017. 85 p.
29. Regehr E. Shielding the Arctic from NATO's return to Territorial Defence. *Arctic Security Briefing Paper*. 2017. December 6. Vancouver: The Simons Foundation, 2018. 8 p.

References

1. Regehr E. *Circumpolar military facilities of the Arctic Five — updated: September 2017*. Vancouver: The Simons Foundation, 2017, 94 p.
2. Arbatov A.G., Dvorkin V.Z. Voenno-strategicheskaya deyatel'nost' Rossii i SShA [Military-strategic activity of Russia and the USA]. *Rossiya v politsentrichnom mire* [Russia in a polycentric world]. Ed. by A.A. Duynkin, N.I. Ivanova. Moscow, Ves Mir Publ., 2011, pp. 473–480. (In Russ.)
3. Arbatov A.G., Dvorkin V.Z., Voenno-strategicheskaya deyatel'nost' [Military-strategic activity]. *Mezhdunarodno-politicheskie usloviya razvitiya Arkticheskoy zony Rossiyskoy Federatsii* [International political conditions for the development of the Arctic zone of the Russian Federation]. Ed. by A.V. Zagorski. IMEMO RAN. M.: Magistr Publ., 2015, pp. 163–177. (In Russ.)
4. Zagorski A.V. *Nestrategicheskie voprosy bezopasnosti i sotrudnichestva v Arktike* [Conventional security and cooperation in the Arctic]. Moscow, IMEMO Publ., 2016, 104 p. (In Russ.)
5. Depledge D. Hard security developments. *Arctic security matters*. Ed. by Jokela J. Paris: EU ISS Publ., 2015, pp. 59–67.
6. Le Mière Ch., Mazo J. *Arctic opening: insecurity and opportunity*. Abingdon; New York: Routledge Publ., 2013, 180 p.

7. Byers M. *International Law and the Arctic*. Cambridge: Cambridge University Press Publ., 2013, 322 p.
8. Dynkin A.A. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v Arktike: riski i vozmozhnosti [International Cooperation in the Arctic: Risks and Opportunities]. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk* [Herald of the Russian Academy of Sciences], 2015, Vol. 85, no. 3, pp. 404–411.
9. Khranchikhin A.A. Voenno-politicheskaya situatsiya v Arktike i stsenarii vozmozhnykh konfliktov [Military-political situation in the Arctic and scenarios of possible conflicts]. *Arkticheskii region: Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva: Khrestomatiya v 3 tomakh* [Arctic region: Problems of international cooperation: Reader in 3 volumes]. Ed. by I.S. Ivanov. Vol. 1. M.: Aspekt Press Publ., 2013, pp. 327–343. (In Russ.)
10. Bowes M.D. *Impact of Climate Change on Naval Operations in the Arctic*. CNA, Alexandria (VA): CAN Publ., 2009, 48 p.
11. Christensen K.D. *The Arctic. The Physical Environment*. DRDC: Centre for Operational Research and Analysis (CORA) Publ., 2010, 128 p.
12. Khranchikhin A.A. Vliyaniye ukrainskogo krizisa na voenno-politicheskuyu obstanovku v Arktike [The impact of the Ukrainian crisis on the military-political situation in the Arctic]. *Severnyy morskoy put': Razvitiye arkticheskikh kommunikatsiy v global'noy ekonomike «Arktika-2015»: materialy konferentsii* [Northern Sea Route: Development of Arctic Communications in the Global Economy "Arctic-2015": conference materials]. Murmansk: Murmansk State Technical University Publ., 2015, pp. 96–98. (In Russ.)
13. Zagorskii A.V. Mezhdunarodnoe sotrudnichestvo v Arktike [International Cooperation in the Arctic]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya* [World Economy and International Relations], 2016, vol. 60, no. 7, pp. 104–112. DOI: 10.20542/0131-2227-2016-60-7-104-112.
14. Oznobishchev S.K. Nestrategicheskaya voennaya deyatel'nost' [Non-strategic military activities]. *Mezhdunarodno-politicheskie usloviya razvitiya Arkticheskoy Zony Rossijskoj Federatsii* [International political conditions for the development of the Arctic Zone of the Russian Federation]. Ed. by Zagorskii A.V. Moscow: Magistr Publ., 2015, pp. 139–150. (In Russ.)
15. Haftendorn H. Wettrüsten im Ewigen Eis — Eine Gefahr für die internationale Stabilität? *Zeitschrift für Außen- und Sicherheitspolitik*, 2016, vol. 9, no. 1, pp. 101–120.
16. Melvin N., Bergh K. *Introduction*. Ed. by Melvin N., Jakobson L. *The New Arctic Governance*. Oxford: Oxford University Press Publ., 2016, pp. 1–12.
17. Wezeman S.T. *Military capabilities in the Arctic*. Stockholm: SIPRI Publ., 2012, 16 p.
18. Zagorski A. Bezopasnost' v Arktike [Security in the Arctic]. *Sovremennaya Evropa* [Contemporary Europe], 2017, no. 4, pp. 40–49.
19. Käpylä J., Mikkola H. *On Arctic Exceptionalism. Critical reflections in the light of the Arctic Sunrise case and the crisis in Ukraine*. Helsinki: FIIA, 2015, 22 p.
20. Konyshchev V.N., Sergunin A.A. Remilitarizatsiya Arktiki i bezopasnost' Rossii []. *Arkticheskii region: Problemy mezhdunarodnogo sotrudnichestva: khrestomatiya v 3 tomakh* [Arctic region: Problems of international cooperation: Reader in 3 volumes]. Ed. by I.S. Ivanov. Vol. 1. M.: Aspekt Press Publ., 2013, pp. 284–302. (In Russ.)
21. Lackenbauer P.W., Dean R. *Canada's Northern Strategy under the Harper Conservatives: Key Speeches and Documents on Sovereignty, Security, and Governance, 2006-15*. Calgary: University of Calgary Publ., 2016, 421 p.
22. Dean R., Lackenbauer P.W., Lajeunesse A. *Canadian Arctic Defence Policy. A Synthesis of Key Documents, 1970–2013*. Calgary: University of Calgary Publ., 2014, 82 p.
23. Forget P. Bridging the Gap: The Limitations of Pre-AOPS Operations in Arctic Waters. *Canadian Naval Review*, 2012, vol. 7, no. 4, pp. 6–20.
24. Wezeman S.T. *Military capabilities in the Arctic: A new cold war in the High North?* Stockholm: SIPRI Publ., 2016, 24 p.
25. Regehr E. Replacing the North Warning System: Strategic competition or Arctic confidence building? *Arctic Security Briefing Paper*, 2018, March 1. Vancouver: The Simons Foundation Publ., 2018, 6 p.
26. Regehr E. Arctic Security and the Canadian Defence Policy Statement of 2017. *Disarming Arctic Security Briefing Paper*, 2017, August 31. Vancouver: The Simons Foundation Publ., 2017, 11 p.

27. Lorenz W. Denmark Increases Its Contribution to the Deterrence of Russia. *PISM Bulletin*, 2018, no. 25, 2 p.
28. *Arctic Imperatives: Reinforcing U.S. Strategy on America's Fourth Coast*. Washington: Council on Foreign Relations Publ., 2017, 85 p.
29. Regehr E. *Shielding the Arctic from NATO's return to Territorial Defence*. *Arctic Security Briefing Paper*, 2017, December 6. Vancouver: The Simons Foundation Publ., 2018, 8 p.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

УДК [327+332.13+332.146.2](985)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.98

Многоликая Арктика: горизонты развития *

© **ГОВОРОВА Наталья Викторовна**, кандидат экономических наук, ведущий научный сотрудник; доцент

E-mail: n_govorova@mail.ru

Институт Европы РАН, Москва, Россия;

Московский технологический институт, Москва, Россия

© **ЖУРАВЕЛЬ Валерий Петрович**, кандидат педагогических наук, доцент, ведущий научный сотрудник

E-mail: zhvalery@mail.ru

Институт Европы РАН, Москва, Россия

Аннотация. В статье представлен обзор событий и докладов представителей научного и экспертного сообщества, государственной власти, общественности и бизнеса в рамках проведенного в Москве Институтом Европы Российской академии наук в ноябре 2017 г. круглого стола «Современная Арктика: вопросы международного сотрудничества, политики, экономики и безопасности», посвященного различным аспектам и перспективам освоения арктического региона. Основная цель мероприятия — проведение анализа рисков и возможностей в ключевых областях взаимодействия и хозяйствования в Арктике: международное сотрудничество, безопасность, экономика, экология и социальная сфера. А также формирование у широких слоёв населения арктического сознания и причастности к Арктике с помощью СМИ, широко освещавших мероприятие, и электронных и печатных научных изданий по его результатам.

Ключевые слова: Арктика, Арктическая зона Российской Федерации, международное сотрудничество, безопасность, экономика, экология, человеческий капитал.

A multidimensional Arctic: horizons of development

© **Natalia V. GOVOROVA**, Cand. Sci. (Econ.), leading researcher; associate professor

E-mail: n_govorova@mail.ru

The Institute of Europe of RAS, Moscow, Russia;

Moscow Technological Institute, Moscow, Russia

© **Valery P. ZHURAVEL**, Cand. Sci. (Ped.), associate professor, leading researcher

E-mail: zhvalery@mail.ru

The Institute of Europe of RAS, Moscow, Russia

Abstract. The article presents an overview of events and presentations at the round table “Modern Arctic: Issues of International Cooperation, Politics, Economy and Security” held in Moscow in November 2017 by the Institute of Europe of RAS and devoted to various aspects and prospects of the development of the Arctic. The main goal of the event was to analyze risks and opportunities in key areas of cooperation and management in the Arctic: international cooperation, security, economy, ecology and social sphere. And, the

---

* Для цитирования:

Говорова Н.В., Журавель В.П. Многоликая Арктика: горизонты развития // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 98–104. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.98

For citation:

Govorova N.V., Zhuravel V.P. A multidimensional Arctic: horizons of development. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 98–104. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.98

formation of the Arctic consciousness and involvement in the Arctic issues with the help of mass media that covered the event widely, electronic and printed scientific publications based on its results.

Keywords: *the Arctic, Arctic zone of the Russian Federation, international cooperation, security, economy, ecology, human capital.*

22 ноября 2017 г. в Институте Европы РАН прошёл круглый стол, посвящённый текущей ситуации, рискам и перспективам освоения арктического региона в нынешних непростых геополитических и макроэкономических условиях — «Современная Арктика: вопросы международного сотрудничества, политики, экономики и безопасности». Первый заместитель председателя Комитета Совета Федерации Федерального Собрания РФ по социальной политике Л.П. Кононова направила в адрес участников мероприятия обращение, в котором подчёркивалось, что «освоение и развитие Арктики невозможно без глубокого изучения тех процессов, которые происходят на многомерном пространстве Арктического региона. Примечательно, что свой вклад в это благородное и нужное дело вносят учёные Института Европы РАН во взаимодействии со своими коллегами из академических структур и учебных заведений России и ряда европейских государств». С приветственным словом и пожеланием успешной работы обратился к участникам круглого стола директор Международного союза экономистов, член Президиума Вольного экономического общества России, академик Международной Академии менеджмента А.В. Красильников.

В.П. Федоров — модератор мероприятия, заместитель директора ИЕ РАН по научной работе, член-корреспондент РАН, обозначил стратегические для всего человечества значимость и ценность северного приполярного пространства, стремительно вовлекаемого в международный оборот. Он отметил, что «... в нашу эпоху провозглашения общечеловеческих ценностей предстоит нелёгкая задача вписать в историю страницу справедливого распределения несметного ресурсного богатства, каким является ледовый регион — территория, нефть, газ, металлы, биоресурсы, транспортные возможности, в том числе трансполярные авиакосмические маршруты».

Открыл работу форума ведущий научный сотрудник Отдела страновых исследований ИЕ РАН, член Научно-экспертного совета Государственной комиссии по вопросам развития Арктики В.П. Журавель с вводным докладом «Арктика как многомерное пространство». Он отметил, что Арктика как объект и предмет исследования изучается многими научными дисциплинами, что позволяет получить целостную систему знаний, полноценную модель практической деятельности, комплексно взглянуть на настоящее и будущее Арктического региона. При этом важно генерировать новые актуальные знания, раскрывать причины и тенденции развития многомерности арктического пространства, систематизировать их и на основании этого определять актуальные направления освоения Арктического региона. Наряду с анализом возрастания роли России и стран Европы в Арктике в выступлении были рассмотрены актуальные вопросы сотрудничества России и Китая на арктическом треке. Он констатировал, что современная внешняя политика Пекина на арктическом треке в отношении России носит позитивный, деловой, в основном доброжелательный и долгосрочный характер, а

возникающие проблемы и трудности решаются путём переговоров на взаимовыгодной основе. Также был сделан вывод, что нахождение в Арктическом совете крупных азиатских государств может привести к снижению общего градуса напряжённости в связи с последствиями разногласий между Россией и Западом по поводу ситуации в Сирии и на Украине.

Проблематика международного сотрудничества в циркумполярном пространстве и будущее его социально-экономического, экологического, инфраструктурного и инновационного развития стали предметом всестороннего анализа и последующей дискуссии участников круглого стола. Непростая и многосторонняя тематика безопасности региона в различных её аспектах вызвала большой интерес аудитории.

Взаимодействию в Арктике в пределах европейского пространства посвятил свой доклад заместитель директора по научной работе ИЕ РАН В.Б. Белов, отметив, что в последнее десятилетие существенно увеличилась активность ФРГ в арктическом регионе. Преследуя цели доступа собственных концернов к арктическим ресурсам, обеспечения национальной сырьевой безопасности, Берлин в первую очередь ориентируется на свои долгосрочные хозяйственные и политические приоритеты. Германия активно участвует в работе Арктического совета в качестве страны-наблюдателя, поддерживает сотрудничество с Россией.

Стратегию и политику Гренландии на арктическом треке осветил ведущий научный сотрудник Отдела страновых исследований ИЕ РАН Л.Г. Ходов. По мнению главного научного сотрудника Отдела европейской безопасности ИЕ РАН профессора РАН А.А. Синдеева, Россия могла бы выступить инициатором комплексного сотрудничества, суть которого он проанализировал в своём выступлении; данное взаимодействие позволило бы укрепить лидерство нашей страны в арктическом регионе. «О наличии комплексного сотрудничества, с точки зрения Российской Федерации, должны свидетельствовать, — подчеркнул А.А. Синдеев, — не только развитие современных направлений и позитивная характеристика сделанного, а в первую очередь ответ на вопрос: «Сможет ли Россия реализовывать в Арктике в среднесрочной и долгосрочной перспективе то, что ей запланировано?».

Военно-политической обстановке в регионе и оборонной политике арктических государств было посвящено выступление заведующего отделом Центра международной безопасности Национального исследовательского института МЭМО имени Е.М. Примакова РАН, профессора МГИМО МИД России А.В. Загорского, доложившего о результатах мониторинга нестратегической военной деятельности стран. По мнению докладчика, преобладают сбалансированные оценки нашими партнёрами военно-политической обстановки в регионе; анализируя цели военного строительства РФ в Арктике, они не видят здесь угроз для своей национальной безопасности в краткосрочной перспективе.

На геополитических трендах и развитии институтов международного взаимодействия в Арктике сосредоточили внимание аудитории директор Арктического центра стратегических исследований САФУ имени М.В. Ломоносова (г. Архангельск), руководитель «Плавучего университета» К.С. Зайков и доцент Института права и национальной безопасности РАНХиГС

Д.А. Медведев. По мнению докладчиков, при обострении международной обстановки в целом, ситуация в Арктике из плоскости сотрудничества и конкуренции может перейти в разряд соперничества и даже стать причиной кризиса мирового масштаба. Имеются также признаки того, что Арктический совет со временем будет приобретать очертания наднационального органа управления регионом.

Аспекты безопасности в Арктике в контексте Комплексной арктической политики Европейского Союза проанализировал в своём докладе заведующий Отделом европейской безопасности ИЕ РАН, профессор МГИМО МИД России Д.А. Данилов. Профессор кафедры политологии Московского государственного лингвистического университета Ю.В. Синчук обратил внимание аудитории на стремление России к реализации глобального проекта в целях сохранения мира в Арктике. Проблемы обеспечения гидрометеорологической безопасности деятельности в Арктике в условиях меняющегося климата детально представил помощник директора государственного научного центра «Арктический и антарктический научно-исследовательский институт» Росгидромета А.И. Данилов. «С высокой вероятностью Арктика будет теплеть в этом веке сильнее, чем планета в среднем, поэтому фактор изменения климата следует учитывать в социально-экономическом развитии арктической зоны. Арктика — один из наиболее уязвимых к изменению климата регионов Земли, и обеспечение гидрометеорологической безопасности населения и деятельности — составная часть адаптации к происходящим изменениям», — отметил он. Александр Иванович более 30 лет своей научной деятельности посвятил изучению климата в Арктике. О деятельности ФБУ «Морспасслужба Росморречфлота» в контексте международного сотрудничества в области снижения рисков загрязнения арктической морской среды подробно рассказал заместитель руководителя организации, Герой Российской Федерации, заслуженный спасатель России А.Н. Звягинцев.

Внимание сразу нескольких экспертов было сосредоточено на вопросах стимулирования и внедрения российских инновационных проектов в Арктике. Этим проблемам были посвящены выступления руководителя Отделения «Мировой океан и Арктика», заместителя председателя Совета по изучению производительных сил Всероссийской академии внешней торговли Минэкономразвития РФ С.А. Липиной, заместителя председателя Комитета Государственной Думы по транспорту и строительству П.М. Федяева и заместителя председателя Комитета Государственной Думы по региональной политике и проблемам Севера и Дальнего Востока В.А. Пушкарёва. Следует отметить, что до избрания в Госдуму Владимир Пушкарёв несколько лет успешно руководил Российским центром освоения Арктики и внёс значительный вклад в организацию научных работ по исследованию арктических территорий, в том числе острова Белый. Жизненно важные экологические аспекты применения инновационных отечественных технологий на объектах портовой инфраструктуры Северного морского пути подверг детальному рассмотрению Генеральный директор НПО «СТРИМ» А.В. Глухов. Начальник отдела Департамента стратегического развития и инноваций Минэкономразвития

РФ С.В. Майоров с коллегами из РАНХиГС А.М. Воротниковым и А.Е. Балабановым представил коллективный доклад о потенциале опорных зон развития АЗРФ через построение и развитие транспортно-логистической инфраструктуры.

Стандарты, формирующие прозрачные правила и принципы экологического взаимодействия уже работающих и вновь создаваемых предприятий с окружающей средой и коренным населением на арктической территории, позволят воспользоваться открывающимися возможностями для экономического развития без ущерба для природы и человека. В этом состоит ключевая идея национального общественного стандарта «Экологическая безопасность Арктики», разработанного Общественной комиссией по направлению «Экология» Межрегиональной общественной организации «Ассоциация полярников» (АСПОЛ), руководителем которой является легендарный полярник А.Н. Чилингаров. Необходимость и своевременность принятия такого стандарта обосновал в своём выступлении заместитель председателя Кольского научного центра РАН (г. Апатиты Мурманской обл.) В.А. Маслобоев. Единомышленник А.Н. Чилингарова, вице-президент АСПОЛ К.А. Зайцев, десантировавшийся 25 лет назад в ходе высокоширотной парашютной экспедиции в точку Северного полюса и установивший там флаг России, проинформировал коллег о деятельности и планах организации на ближайшие годы.

Состояние, проблемы и будущее энергетики в Арктике, а также российский и зарубежный опыт добычи и транспортировки углеводородов анализировали генеральный директор информационно-аналитической компании «Гекон» (г. Санкт-Петербург), академик РАН, член научного совета при Совете Безопасности Российской Федерации М.Н. Григорьев и главный научный сотрудник Отдела экономических исследований ИЕ РАН А.Д. Хайтун. Доцент кафедры «Государственно-частное партнёрство» Финансового университета при Правительстве РФ Е.А. Малицкая констатировала безответственный подход большинства российских компаний, ориентирующихся главным образом на коммерческие результаты своей деятельности в северных широтах, к оценке социально-экологических эффектов ведения бизнеса, также она обозначила некоторые направления решения данной проблемы.

Координатор проекта «Морская политика» Центра стратегических оценок и прогнозов А.М. Горнова обосновала необходимость первоочередного развития морских портов на территории АЗРФ, расположенных в устьях крупных рек, как логистических пунктов для стыковки морских и речных перевозок и соединения в единые артерии перевозки грузов морем и рекой вглубь материка. Это необходимо, по мнению эксперта, для увеличения экономической отдачи от арктического направления.

Социальной тематике и проблемам развития человеческого потенциала были посвящены доклады к. пед. наук И.М. Рукавицына и ведущего научного сотрудника Отдела экономических исследований ИЕ РАН Н.В. Говоровой, которые констатировали, что устойчивое пространственное развитие арктических территорий напрямую зависит от качества человеческого капитала, которое в свою очередь детерминировано финансированием здравоохра-

нения. Капитальных инвестиций требуют также поддержание и дальнейшее развитие социальной, транспортной инфраструктуры, жилищно-коммунального хозяйства, обеспечение социальных гарантий населению. Негативные тренды демографического и социального развития усугубляются большими территориальными и природно-климатическими различиями, низкой диверсификацией экономики, высокой степенью износа основных средств. Однако в АЗРФ имеется вероятность перелома негативных тенденций при условии повышения благосостояния и качества жизни северян на фоне оздоровления экологии, создания оптимальных условий для профессиональной самореализации жителей. Для воплощения в жизнь этих планов следует принимать меры по созданию собственных социальных инновационных технологий, в том числе в медицине и образовании, содействовать развитию традиционных видов деятельности прежде всего для коренных малочисленных народов. Советник Президента Ассоциации коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации В.С. Истомин проанализировал законодательные проблемы обеспечения прав коренных малочисленных народов и перспективы их решения.

Об арктической тематике в Санкт-Петербургском политехническом университете Петра Великого (СПбПУ) сообщили в своих выступлениях представители Высшей школы общественных наук Гуманитарного института СПбПУ проф. С.В. Кулик и доцент Е.А. Самыловская. Они отметили, что более века исследования и разработки корабелов-политехников являются научно-технической основой для решения широкого круга хозяйственных задач по освоению Арктики и Северного морского пути. Университет является организатором и традиционной площадкой для проведения международных научных мероприятий, посвящённых арктической тематике. С 2016 г. здесь регулярно проводится Международная научная конференция «Арктика: история и современность», цель которой — формирование междисциплинарной площадки для обсуждения и решения широкого круга вопросов, связанных с арктическим регионом и формирование объективного представления о российской арктической политике.

Всего в научном обсуждении, широко освещавшемся в СМИ, приняли участие представители экспертного сообщества трёх комитетов Государственной думы РФ, 19 научных, образовательных учреждений и общественных организаций.

При поддержке руководителя Росгидромета М.Е. Яковенко в рамках подготовки к научному форуму, в фойе ИЕ РАН 20–23 ноября была открыта выставка Российского государственного музея Арктики и Антарктики (г. Санкт-Петербург) «На дрейфующих льдах Арктики». На стендах выставки, посвящённой юбилею дрейфующих станций, в хронологическом порядке кратко рассказана их 80-летняя история. Исследования и работы на дрейфующих станциях и в Высокоширотных экспедициях являются одними из самых значительных по продолжительности, многообразию научного материала, количеству и важности открытий, фундаментальности научного подхода, обилию решённых задач, невероятному сочетанию массового мужества, обдуманного риска и стойкости в тяжелейших условиях работы на дрейфующих льдах Центральной Арктики и по праву могут считаться самой выдающейся

экспедиционной программой прошлого столетия. На выставке представлены десятки фотографий, иллюстрирующих работу, быт и досуг участников дрейфа. Пояснения по материалам экспозиции давала директор музея Мария Дукальская. Выставка в Москве экспонировалась впервые и вызвала большой интерес у научных работников.

В завершение круглого стола за активную гражданскую позицию, профессионализм, многолетнюю и активную работу по изучению деятельности Арктического совета, проблем освоения и развития Российской Арктики ряд экспертов был удостоен благодарственных писем Специального представителя Президента РФ по международному сотрудничеству в Арктике и Антарктике Артура Чилингарова, депутатов Госдумы Григория Ледкова и Владимира Пушкарёва.

Очередное мероприятие по арктической проблематике — III Международная научная конференция «Арктика: история и современность» — состоялось в Санкт-Петербурге 18–19 апреля 2018 г. Его организаторами выступили Санкт-Петербургский политехнический университет Петра Великого, Институт Европы РАН и ряд других организаций.

УДК 332.1(985)(045)

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.105

Вышел в свет новый научный труд о хозяйственном и социокультурном освоении российской Арктики *

© МАКСИМОВ Антон Михайлович, старший научный сотрудник

E-mail: amm15nov@yandex.ru

Федеральный исследовательский центр комплексного изучения Арктики имени Н.П. Лаверова РАН, Архангельск, Россия

Аннотация. Обзор на книгу Н.Ю. Замятиной и А.Н. Пилясова «Российская Арктика: к новому пониманию процессов освоения» знакомит читателя с новой научной работой по арктической тематике. Предлагаемая вниманию книга разнообразна: в ней уделено внимание территориальному размещению и экономике арктических городов, циклам освоения арктических территорий, специфике и перспективам арктического предпринимательства, закономерностям динамики человеческого капитала и возможностям технологических инноваций в российской Арктике. Книга содержит большой объём статистических данных, богато иллюстрирована диаграммами и картами. Книга Н.Ю. Замятиной и А.Н. Пилясова будет интересна не только специалистам в сфере экономической географии, но и представителям социальных и гуманитарных наук.

Ключевые слова: *российская Арктика, фронтир, инновационный поиск, арктическое предпринимательство, города-базы.*

A new scientific publication on the economic and socio-cultural development of the Russian Arctic

© Anton M. MAXIMOV, senior researcher

E-mail: amm15nov@yandex.ru

The RAS Federal center for integrated Arctic research named after N.P. Laverov, Arkhangelsk, Russia

Abstract. The article represents a review of the book by N.U. Zamyatina and A.N. Pilyasov “The Russian Arctic: towards new understanding of the development processes” and provides the reader with a new scientific publication on the Arctic topic. The book is very diverse in its subject matter. It focuses on the location and economy of the Arctic towns, the cycles of the development of the Arctic territories, the specifics and prospects of the Arctic business, the regularities of human capital dynamics and the opportunities for technological innovation in the Russian Arctic. The book contains a large amount of statistical data and it is well-illustrated with diagrams and maps. The book by N.U. Zamyatina and A.N. Pilyasov will be of interest not only to specialists in the economic geography, but also to researchers of social sciences and humanities.

Keywords: *Russian Arctic, frontier, innovative search, the Arctic entrepreneurship, towns-bases.*

В этом году издательская группа URSS выпустила на книжный рынок новую фундаментальную работу, посвящённую комплексному освоению и развитию российской Арктики в новейшее время, за авторством известных отечественных исследователей, специалистов в области экономической и когнитивной географии А.Н. Пилясова и Н.Ю. Замятиной [1]. Самое её название — «Российская Арктика: к новому пониманию процессов освоения» — указыва-

---

* Для цитирования:

Максимов А.М. Вышел в свет новый научный труд о хозяйственном и социокультурном освоении российской Арктики // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 105–108. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.105

For citation:

Maximov A.M. A new scientific work on the economic and socio-cultural development of the Russian Arctic. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 105–108. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.105

ет на то, что данная монография мыслится авторами как этапный труд по теме освоения арктических территорий нашей страны.

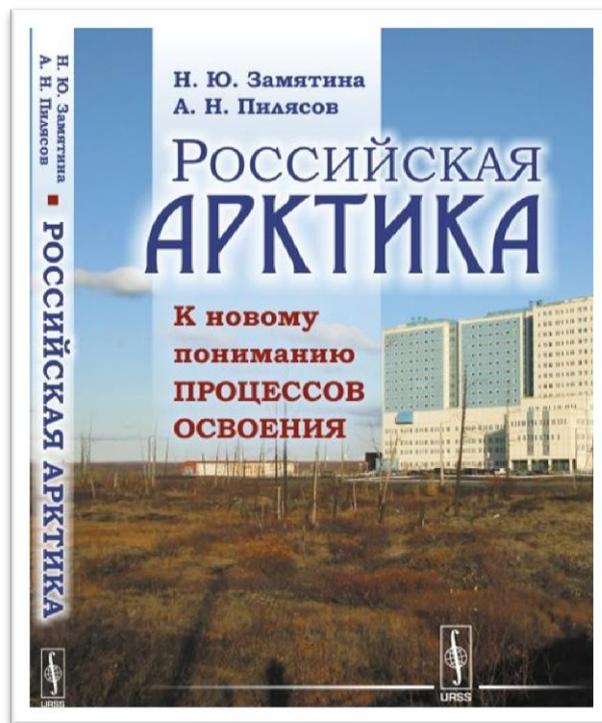

Рис. 1. Обложка книги

Представляемая читателю книга разделена на две части и состоит из одиннадцати глав. Тематика их весьма разнообразна: от пространственного описания российской Арктики до вопросов оптимизации управления и институционального развития на арктических территориях. При этом вся палитра тем скрепляется общим лейтмотивом: «Арктика — уникальный «мотор» инновационного поиска и развития, самой природой встроенный в экономику России».

Первая глава вводит читателя в предметное поле книги в целом, раскрывая самобытность арктического макрорегиона и его особую роль в исторической динамике российского государства. Для концептуализации феномена российской Арктики авторы обращаются к категории фронта как подвижной границы освоенных, «коренных» и осваиваемых, перспективных территорий. При этом Н.Ю. Замятина и А.Н. Пилясов подчёркивают, что между центрально-европейской и арктической частями России не наблюдается отношений по типу «центр — периферия», равно как невозможно в этом случае применение концептов «метрополия» и «колония» — о периферийности Арктики можно говорить разве что метафорически. По мнению авторов, вся сущность Арктики «состоит в том, что она внезапно из периферии стала центром, передовым рубежом, фронтом прорывных усилий нации... Поэтому пространство нестационарных поселений и молодых городов Арктики организовано по микро-районному, а не «центр — окраины» принципу».

Об особенностях, территориальном размещении, экономике и инфраструктуре арктических городов и поселений подробно идёт речь в следующей, второй главе. В ней авторы

систематизировали внушительный массив данных, комплексно отражающих социально-экономическую жизнь населённых пунктов на всём пространстве российской Арктики. Особо подчёркивается относительно высокий уровень урбанизации арктических территорий РФ: «В сравнении с зарубежной Арктикой Россия имеет очень мощные заполярные города, с обширными промышленными зонами, которые впору сравнивать не с заполярными городами других стран, а с Руром, Уэльсом, Силезией, другими индустриальными городами в старопромышленных районах мира».

В третьей главе авторы наглядно показывают цикличность процесса освоения арктических территорий: выделяется «пионерная» фаза — возникновение организационной сети первопроходцев; она сменяется фазой формирования суперорганизаций (таких как «Дальстрой» в прошлом или «Газпром» в настоящее время), которые на следующей фазе трансформируются и территориально смещаются по мере истощения природных ресурсов в месте прежнего освоения. Завершается первая часть книги главой, в которой проблематика российской Арктики вписывается в контекст международных отношений по вопросам освоения ресурсов арктического макрорегиона.

Вторая часть работы Н.Ю. Замятиной и А.Н. Пилясова посвящена отдельным аспектам жизнедеятельности в Арктике, что нашло отражение в характерном подзаголовке — «от геологии до идеологии». Не вдаваясь в подробности, выделим наиболее интересные, на наш взгляд, темы, рассматриваемые авторами в этой части своей книги.

Серьёзного внимания заслуживает глава про арктическое предпринимательство, трактуемое авторами довольно широко — от владельца небольшого бизнеса до управленца-модернизатора или учёного-инноватора. Дело в том, что в некоторых относительно новых работах, тематически связанных с промышленным освоением арктических территорий России, акцент делается либо на деятельности крупных российских корпораций, либо на традиционных промыслах коренных малочисленных народов, а также на поиске путей их конструктивного сотрудничества [2, Тишков В.А., Коломиец О.П. и др.; 3, Новикова Н.И., Функ Д.А.]. Н.Ю. Замятина и А.Н. Пилясов же концентрируют своё внимание на необходимости исследовать возможности арктических территорий как полигонов для реализации высокотехнологичных бизнес-проектов.

В следующей главе авторы обосновывают идею о реалистичности такого рода инновационных проектов, указывая на перспективы «прорастания» технологических инноваций на «почве» традиционных форм хозяйственной деятельности компаний — лидеров в добывающей промышленности. Сложности реализации крупных проектов по освоению недр арктических территорий и шельфа северных морей требуют внедрения новых технологических решений, иначе российские компании, работающие на этом направлении, рискуют утратить конкурентоспособность и свою долю мирового рынка. При этом им вовсе не обязательно брать на себя решение всех задач в области инновационных разработок: вполне успешными могут быть и аутсорсинг, и венчурное инвестирование среднего бизнеса, нацеленного на

разработку передовых технологий. В качестве примера реализации такого сценария авторы указывают на опыт Канады. Таким образом, ими высказывается нетривиальное мнение о том, что для России противопоставление «сырьевой» экономики экономике высоких технологий — кардинально ошибочная постановка вопроса.

Укажем также на то, что Н.Ю. Замятина и А.Н. Пилясов уделили в своей работе внимание и вопросам специфической динамики человеческого капитала в арктических регионах РФ, показав связь демографических процессов, миграций, развития трудовых ресурсов с культурой и ментальностью населения северных территорий страны.

Завершая наш обзор, отметим, что представленная читателю книга богата статистическим материалом, обобщённым в наглядных иллюстрациях: схемах, картах, диаграммах. Будучи научной по своему содержанию, книга написана живым и доступным языком.

Работа Н.Ю. Замятиной и А.Н. Пилясова, безусловно, является одной из самых интересных среди монографий последних лет, посвящённых социально-экономическим и гуманитарным проблемам развития Арктики, которая будет полезна не только географам и экономистам, но и специалистам в области социальных наук.

Литература

1. Замятина Н.Ю., Пилясов А.Н. Российская Арктика: к новому пониманию процессов освоения. М.: УРСС, 2018. 400 с.
2. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / Под ред. В.А. Тишкова. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 272 с.
3. Север и северяне. Современное положение коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока России / Под ред. Н.И. Новиковой, Д.А. Функ. Москва: ИЭА РАН, 2012. 288 с.

References

1. Zamjatina N.Ju., Piljasov A.N. *Rossijskaja Arktika: k novomu ponimaniju processov osvoenija* [The Russian Arctic: towards a new understanding of the development' processes]. Moscow, URSS Publ., 2018, 400 p. (In Russ.)
2. *Rossijskaja Arktika: korennye narody i promyshlennoe osvoenie* [The Russian Arctic: indigenous peoples and industrial development]. Ed. by V.A. Tishkov. Moscow; Saint Petersburg, Nestor-Istorija Publ., 2016, 272 p. (In Russ.)
3. *Sever i severjane. Sovremennoe polozhenie korenyh malochislennyh narodov Severa, Sibiri i Dal'nego Vostoka Rossii* [North and northerners. The current situation of indigenous small-numbered peoples of the North, Siberia and the Far East of Russia]. / Ed. by N.I. Novikova, D.A. Funk. Moscow, IEA RAN Publ., 2012, 288 p. (In Russ.)

УДК [94+327]((470+571)+(481))(045)
DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.109

Большое научное турне на Севере России *

© НИЛЬСЕН Йенс Петтер, профессор

E-mail: jens.petter.nielsen@uit.no

Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии, Тромсё, Норвегия

© ТЕВЛИНА Виктория Валерьевна, доктор исторических наук, профессор

E-mail: vtevlina@mail.ru

Северный (Арктический) федеральный университет им. М.В. Ломоносова, Архангельск, Россия;
Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии, Тромсё, Норвегия

Аннотация. Освещение различных вопросов, связанных с российско-норвежскими отношениями, традиционно является важным для жителей обоих государств. Возможности представить новые документы и материалы, обсудить значимость многовековых добрососедских связей между Россией и Норвегией, особенно на Севере, предоставляются нечасто. И вот в конце апреля 2018 г. состоялись масштабные научные мероприятия в Никеле и в Мурманске, посвящённые именно этой теме. Так, в течение 3 дней в Никеле проходил научно-практический семинар «Россия, Норвегия и их Севера. Исторические взаимоотношения», а затем в Мурманске — международная конференция «Соседи на Крайнем Севере: исторические связи России и Норвегии». Одним из поводов проведения научных дискуссий стало представление впервые написанной совместно норвежскими и российскими учёными в результате многолетнего мега-проекта в области истории (2008–2016) коллективной монографии «Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах» (ред. Й.П. Нильсен). Книга была издана на русском языке в Москве в ноябре 2017 г. после трёхлетней работы над ней. Она стала переводом монографии, дополненной документами и фотоматериалами, об истории российско-норвежских отношений в XIX — начале XX в., которая первоначально вышла на норвежском языке в Осло (Pax Forlag AS) под названием «Russland kommer nærmere» в 2014 г.

Ключевые слова: *российско-норвежские отношения, Север России и Норвегии, сотрудничество в исторической науке, добрососедские связи, международный семинар и конференция в Никеле и Мурманске, туризм, пограничье, русская эмиграция.*

A great scientific tour in the North of Russia

© Jens P. NIELSEN, professor

E-mail: jens.petter.nielsen@uit.no

University of Tromsø — The Arctic University of Norway, Tromsø, Norway

© Victoria V. TEVLINA, Dr. Sci. (Hist.), professor

E-mail: vtevlina@mail.ru

Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov, Arkhangelsk, Russia;

University of Tromsø — The Arctic University of Norway, Tromsø, Norway

Abstract. The coverage of various issues related to the Russian-Norwegian relations has always been important for the residents of both countries. Opportunities to present new documents and materials, to discuss the importance of centuries-old good neighborly relations between Russia and Norway, especially in the North, are not provided often. At the end of April 2018, large-scale scholarly events, devoted specifically to this topic, took place in Nikel and Murmansk. So, a scientific-practical seminar “Russia, Norway and the North. Historical relations” was held in Nikel on April 25 and on the next day in Murmansk the international

---

* Для цитирования:

Нильсен Й.П., Тевлина В.В. Большое научное турне на Севере России // Арктика и Север. 2018. № 31. С. 109–115. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.109

For citation:

Nielsen J.P., Tevlina V.V. A great scientific tour in the North of Russia. *Arktika i Sever* [Arctic and North], 2018, no. 31, pp. 109–115. DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31.109

conference “Neighbors in the Far North: historical ties between Russia and Norway” took place. One of the reasons for these measures was the presentation of the collective monograph “Getting closer: Russia and Norway 1814–1917”. The book was written jointly by Norwegian and Russian historians within the framework of a long-lasting historical megaproject (2008–2015) (led by J.P. Nielsen, AHR, UIT-The Arctic University of Norway). In November 2017 the book was published in Russian in Moscow by the Ves’ Mir publishing house after three years of preparation. It is the translation of a monograph, richly illustrated, about the history of Russian-Norwegian relations in the nineteenth and early twentieth centuries, originally published in Norwegian by the Pax Forlag AS, Oslo under the title “Russland kommer nærmere» in 2014.

Keywords: *Russian-Norwegian relations, North of Russia and Norway, cooperation in history, good-neighborly relations, international seminar and conference in Nikel and Murmansk, tourism, borderland, Russian emigration.*

В течение 3 дней, с 25 по 28 апреля 2018 г., сотрудники институтов факультета гуманитарных, социальных наук и образования Университета Тромсё — Арктического университета Норвегии и САФУ принимали участие в важных научных мероприятиях на Севере России. Главным поводом для их проведения стала презентация переводимой в течение 3 лет и изданной затем на русском языке в Москве в издательстве «Весь Мир» в конце 2017 г. уникальной в своём роде коллективной научной монографии «Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах». Первый вариант этой красочной монографии, которая содержит разнообразные и впервые собранные в одной книге материалы по истории российско-норвежских отношений, появился на норвежском языке под названием «Russland kommer nærmere» (Oslo: Pax Forlag AS, 2014). Книга была написана совместно норвежскими и российскими учёными как один из итогов научного мегапроекта в области истории «Neighbourly Asymmetry. Norway and Russia. 1814–2015». Первая презентация книги состоялась сразу после её издания, в конце 2017 г. в Москве в РГУ, в сети книжных магазинов «Глобус» и в Норвежском Посольстве.

25 апреля 2018 г. в историко-краеведческом музее Печенгского района Мурманской области в приграничном с Норвегией городе Никеле при полном зале слушателей на международном научно-практическом семинаре «Россия, Норвегия и их Севера. Исторические взаимоотношения» профессор Йенс Петтер Нильсен, почётный доктор Северного (Арктического) федерального университета имени М.В. Ломоносова, как лидер проекта, подробно рассказал о нём, а также как научный редактор книги — презентовал её. Но семинар в Никеле не только презентовал новую книгу в 700 страниц, но и носил более расширенный по тематике характер: он смог поразить аудиторию интересным выступлением Пети Манковой, научного сотрудника Университета Тромсё — Арктического университета Норвегии, которая как редактор иллюстраций в книге «Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах» рассказала о социальной роли картин, фотографий и рисунков в освещении многовековых российско-норвежских отношений.

Затем выступила д.и.н., профессор САФУ В.В. Тевлина с докладом о русских эмигрантах и их жизни в Норвегии перед и после 1917 г., а также в постсоветский период вплоть до настоящего времени. Она сообщила, сколько было таких эмигрантов, как они стали после короткого периода адаптации принимать активное участие в культурной и

экономической жизни в новой стране и как они всегда стремились сохранять свои традиции. В Никеле с научными материалами о развитии российских и норвежских городов на Севере в советский период, собранными в ходе международного научного проекта об экономической истории, выступил также профессор Института туризма и северных исследований Университета Тромсё — Арктического университета Норвегии Урбан Врокберг.

В работе семинара участвовали и местные исследователи. Так, с интересным докладом выступила Марина Сорокина, главный библиотекарь центральной библиотеки Печенгского района Мурманской области, которая рассказала о собранных ей в течение более 15 лет материалах о норвежцах, проживавших в разных частях Мурмана в XI–XX вв. В конце семинара был представлен доклад консультанта по приграничному сотрудничеству администрации Печенгского района Мурманской области Татьяны Базановой, которая рассказала о результатах своего исследования восприятия жителями российско-норвежского приграничья меняющейся политической обстановки в мире, проведённого в 2014–2017 гг.

Символично то, что открывали семинар в Никеле, обращаясь к историческим параллелям и важным вехам российско-норвежских отношений, а также подводили его итоги не только принимающая гостей впервые в новом экспозиционном зале директор историко-краеведческого музея Печенгского района в Никеле Елена Попова, но и глава Печенгского района Александр Морозов, а также Генеральный консул РФ в Киркенесе Сергей Валерьевич Шатуновский-Бюрно.

Немаловажно отметить, что семинар, прошедший в г. Никеле, был посвящён 25-тилетию договора о дружбе и сотрудничестве между Университетом Тромсё — Арктическим университетом Норвегии и Поморским государственным университетом имени М.В. Ломоносова (с 2011 г. — Северный (Арктический) Федеральный университет). И это соглашение во многом было инициировано историками и медиками. Более того, научно-практический семинар в Никеле был посвящён и 50-тилетию Университета Тромсё — Арктического университета Норвегии. После завершения работы семинара специальный экземпляр книги «Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах» был преподнесён в дар музею г. Никеля. А все участники встречи договорились в ближайшем будущем провести серию научных лекций по самым разным аспектам российско-норвежских отношений для учителей, библиотекарей, музейных работников и всех желающих, проживающих в приграничье.

На другой день, 26 апреля, состоялась не менее интересная и более расширенная по тематике и участникам международная научная конференция «Соседи на Крайнем Севере: исторические связи России и Норвегии». Она прошла в Мурманске, в Мурманском арктическом государственном университете, партнёре Университета Тромсё — Арктического университета Норвегии. Символично, что конференцию официально и очень тепло приветствовали не только ректор Мурманского арктического государственного университета, профессор Андрей Сергеев, но и два консула, представляющих разные стороны российско-норвежской границы: Генеральный консул РФ в Киркенесе Сергей Валерьевич Шатуновский-

Бюрно и Генеральный Консул Королевства Норвегии в Мурманске Эрик Сведаль. Более того, на конференции с приветствием и речью о значимости культурно-образовательных и научных связей выступила и советник по образованию, науке и технологии Посольства Королевства Норвегии в Москве Радина Тренгерейд.

На конференции в Мурманске для студентов, преподавателей и гостей вуза была представлена изданная на русском языке коллективная монография «Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах». Там же в течение целого дня обсуждались и другие вопросы, касающиеся российско-норвежских отношений на протяжении ряда веков. Так, здесь также выступили те учёные из университета Тромсё — Арктического университета Норвегии и СА-ФУ, которые уже выступали в г. Никеле. Однако они представили несколько другие темы в своих докладах. Профессор Й.П. Нильсен проанализировал значение Великой российской революции и её последствий в Норвегии. Осмысление роли людей как ценности в сохранении добрососедских связей между Россией и Норвегией на протяжении XX и XXI вв. был представлен профессором В.В. Тевлиной; о значении природы и культурного наследия для туризма в Арктике на примере Шпицбергена говорил профессор У. Врокберг.

Особенно хочется отметить выступления в Мурманске участников из Москвы. Так, Алексей Комаров, руководитель центра Северной Европы и Балтии, ведущий научный сотрудник ИВИ РАН и в то же время профессор Университета Тромсё — Арктического университета Норвегии с привлечением новых научных материалов рассказал о месте Норвегии в публикациях советского времени, появившихся в СССР. К слову, А.А. Комаров был организатором научной конференции в Мурманске вместе с коллегами М.Б. Ильичёвой, Й.П. Нильсеном и В.В. Тевлиной. Олег Зимарин, директор крупного московского издательства «Весь Мир», издающего в большинстве своём научную литературу, дал оценку положению дел в книгоиздании по Норвегии в современной России.

Из мурманских коллег, которые участвовали в конференции, представляя свои исследования как соавторы монографии «Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах», с крайне интересными докладами выступили: Владимир Карелин, доцент Мурманского института экономики (доклад «Динамика российско-норвежских отношений накануне и во время Первой Мировой войны»); Екатерина Орехова, зам. зав. отделом истории Мурманского областного краеведческого музея (доклад «Колонии Мурманского берега — близкие и дальние соседи»); Александр Порцель, доцент МГТУ (доклад «Шпицберген: просвет в «железном занавесе» времён холодной войны»). В заключение Мария Ильичева, доцент МАГУ, обстоятельно высказалась об учебном потенциале монографии «Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах» в преподавании курсов по истории Северной Европы в Мурманске.

Итогом двухдневных научных встреч исследователей-гуманитариев двух стран стало не только представление новых документов и материалов, но и обсуждение значимых и в прошлом, и в настоящем многовековых добрососедских связей между Россией и Норвегией, особенно на Севере. В знак признательности вновь появившаяся монография была подарена

от имени коллектива авторов не только коллективу Мурманского арктического государственного университета, но и участвовавшим в конференции консулам обоих государств.

Своеобразным завершением столь значимого для обеих сторон научного турне стало участие приехавших из Норвегии и из разных городов России учёных в открытии 27 апреля 2018 г. в Мурманском областном краеведческом музее новой передвижной выставки «Норвегия и Россия: Сила притяжения — Арктика». Выставка была собрана из коллекций фотографий и картин, а также информационных материалов, хранящихся в музее «Фрам», расположенном в г. Осло.

Рис. 1. Профессора Й.П. Нильсен и А.А. Комаров беседуют со студентами во время международной научной конференции «Соседи на Крайнем Севере: исторические связи России и Норвегии» в Мурманском арктическом государственном университете 26 апреля 2018 г.

Рис. 2. Обложка коллективной научной монографии «Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах» (М.: «Весь Мир», 2017).

Рис. 3. Докладчики и жители г. Никель и г. Заполярный на международном научно-практическом семинаре «Россия, Норвегия и их Севера. Исторические взаимоотношения» в историко-краеведческом музее Печенгского района Мурманской области в приграничном с Норвегией г. Никель, 25 апреля 2018 г.

Рис. 4. Группа участников международного научно-практического семинара «Россия, Норвегия и их Севера. Исторические взаимоотношения» в историко-краеведческом музее Печенгского района Мурманской области в приграничном с Норвегией г. Никель, 25 апреля 2018 г.

РЕЗЮМЕ SUMMARY

Авторы, названия, аннотации, ключевые слова
Authors, titles, abstracts, and keywords

ЭКОНОМИКА, ПОЛИТИКА, СОЦИУМ И КУЛЬТУРА ECONOMICS AND POLITICAL SCIENCE, SOCIETY AND CULTURE

ЗАМЯТИНА Н.Ю., ПИЛЯСОВ А.Н. Новая теория освоения (пространства) Арктики и Севера: полимасштабный междисциплинарный синтез

ZAMYATINA N.Yu., PILYASOV A.N. The new theory of the Arctic and Northern development: multi-scale interdisciplinary synthesis

Аннотация. После ярких достижений советской освоенческой школы в последние 30 лет возникла длительная пауза: доминируют частные работы по отдельным, в том числе новым, направлениям. Между тем потребность в широком научном обобщении практических усилий по развёртыванию в Арктике и на Севере крупных и малых хозяйственных проектов — огромная. Авторы ставят перед собой задачу по разработке новой комплексной теории освоения Севера и Арктики, которая бы представляла собой синтез лучших достижений советской школы, зарубежных работ по фронтиру и современных исследований региональной науки в области инновационного развития. На их взгляд, её ключевой особенностью является упор на локальное, местное развитие, эндогенные факторы освоения, которым ранее не придавалось должного значения. Конструктивный синтез внешних и внутренних факторов освоения должен теперь формироваться «снизу», от самой территории, а не из федерального центра. Обозначаются и подробно характеризуются четыре новых исследовательских приоритета в изучении процесса освоения Севера и Арктики: анализ местного институционального капитала; особое внимание к конфликтам и противоречиям в процессе освоения природных ресурсов территории; внимание к эволюции системы расселения; своеобразие взаимодействия больших и малых форм освоения данной территории. Новую идеологию изучения освоения предполагается апробировать в процессе полевых и экспедиционных исследований в районах Севера и Арктики.

Ключевые слова: освоение Севера и Арктики, природопользование, локальность, большие и малые формы освоения, многоуровневый процесс.

Abstract. After the bright achievements of the Soviet development school in the past 30 years, there was a long pause. Meanwhile, the need for a broad scientific generalization of practical efforts to deploy large and small economic projects in the Arctic and the North is enormous. The authors set the task of developing a new complex theory of the North and the Arctic development, which would be a synthesis of the best achievements of the Soviet school, foreign frontier studies and the modern regional science studies of the innovative development. In the authors' view, its key feature is the emphasis on local development and the endogenous factors of the development, which had no attention before. Constructive synthesis of external and internal factors of colonization should be formed "from below", from the territory itself, not from the federal center. Four new research priorities in the new study of the North and the Arctic development are identified and described in detail with a focus on: the analysis of local institutional capital; conflicts and contradictions of the natural resource development; the evolution of the settlement system; and the interaction of large and small forms of development of the territory. The new ideology of studying the Northern and Arctic development is supposed to be tested during the field and expeditionary study in the North and the Arctic regions.

Keywords: the North and the Arctic development, resource management, locality, large and small forms of development, a multi-scale process.

КАТОРИН И.В. Формирование Арктической зоны РФ как фактор развития региона: постановка вопросов (на примере Архангельской области)

KATORIN I.V. Establishing the Arctic Zone of the Russian Federation as a factor of the regional development: raising questions (the case of the Arkhangelsk region)

Аннотация. В статье рассмотрены особенности влияния активизации арктической политики России на развитие Архангельской области. С 2013 г. запущен процесс формирования Арктической зоны России (АЗРФ) как объекта государственного управления. Архангельская область частично вошла в состав АЗРФ. В настоящий момент идёт формирование нормативного поля и организационного каркаса макрорегиона. В статье дан анализ современного этапа формирования АЗРФ. Автор выделяет основные возможности и риски для региона, связанные с активизацией арктической политики страны. Наиболее серьёзные возможности появляются в политической (арктические статусы, внешние связи и внешний имидж) и экономической (инфраструктура, инвестиции, новые предприятия и организации, туризм) сферах. В них уже наблюдаются определённые изменения. Изменения в социальном пространстве малозаметны, но именно в этой сфере возможны кардинальные перемены, связанные с обновлением образа региона, усилением региональной идентичности, изменением социального состава населения, потенциала муниципальных образований. Вместе с тем в социальном пространстве существуют риски, связанные с неполным вхождением Архангельской области в состав АЗРФ, с реализацией крупных инвестиционных проектов и неэффективным управлением.

Ключевые слова: Арктическая зона России, социальное пространство, фактор развития, социальные риски, региональная идентичность, Архангельская область.

МАЛИК Л.С., МЕЛКАЯ Л.А. Территориальная социальная работа как условие повышения качества жизни населения северного региона

MALIK L.S., MELKAYA L.A. Community social work as a condition for improving the quality of life of the population of the northern region

Аннотация. В статье обозначены компоненты и факторы качества жизни населения северного региона. Показана специфика реализации социальной работы на севере. Рассмотрен рейтинг северных регионов России по качеству жизни, отмечена взаимосвязь качества жизни с формой организации социальной работы. Представлен потенциал территориальной социальной работы на Севере, сфокусированной на деятельности в местном сообществе и направленной на активизацию индивидов, семей, социальных

Abstract. The article describes the impact of the Russian Arctic policy activation on the development of the Arkhangelsk region. In 2013, the formation of the Arctic zone of the Russian Federation (AZRF) as an object of state administration was launched. The Arkhangelsk region was partly included in the Russian Arctic. Now, we observe the establishment of the regulatory field and the organizational framework of the macroregion. The article analyzes the current stage of this process in the Russian Arctic. The author highlights the main opportunities and risks for the region associated with the activation of the Arctic policy of the country. The most serious opportunities are emerging in politics (the Arctic status, external relations and external image) and economy (infrastructure, investments, new enterprises and organizations, and tourism). These areas are experiencing some changes. The changes in the social space are hardly noticeable but, in this area, cardinal changes are possible. They are associated with the renewal of the regional image, strengthening the regional identity, changes in the social composition of the population and the potential of municipalities. At the same time, risks associated with incomplete entry of the Arkhangelsk region into the Russian Arctic, the implementation of major investment projects and inefficient management.

Keywords: The Arctic Zone of Russia, social space, a factor of development, social risks, the regional identity, the Arkhangelsk region.

Abstract. The article identifies the components and factors of the quality of life of the population of the northern region. The specifics of social work in the North are presented. The authors considered the rating of Northern regions of Russia on quality of life and noted the relationship between the quality of life with a form of social work. The potential of community social work in the North focused on activities in the local community and aimed at strengthening individuals, families and social groups is also discussed. The authors re-

групп. Раскрыты приоритетные задачи и отдельные направления социальной работы по территориальному принципу в рамках разработки подходов к реализации федерального проекта «Крепкая семья» партии «Единая Россия» в Архангельской области.

Ключевые слова: северный регион, качество жизни, территориальная социальная работа, местное сообщество, партийный проект «Крепкая семья».

vealed priorities and individual areas of social work according to the territorial principle in the development of approaches to implementation of the Federal project “Strong family” of the party “Edinaya Rossiya” (“United Russia”) in the Arkhangelsk region.

Keywords: Northern region, quality of life, community social work, local community, political party project “Strong family”.

СОВРЕМЕННАЯ АРКТИКА: ВОПРОСЫ МЕЖДУНАРОДНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА, ПОЛИТИКИ, ЭКОНОМИКИ И БЕЗОПАСНОСТИ CONTEMPORARY ARCTIC: ISSUES OF INTERNATIONAL COOPERATION, POLITICS, ECONOMICS AND SECURITY

ГОВОРОВА Н.В. Человеческий капитал — ключевой актив хозяйственного освоения арктических территорий

GOVOROVA N.V. Human capital — a key factor of the Arctic economic development

Аннотация. Статья посвящена анализу демографической и социально-экономической ситуации в Арктической зоне Российской Федерации. Исследованы преобладающие демографические тенденции, основные показатели развития экономики и социальной сферы, ситуация на рынке труда субъектов Арктической зоны РФ, проблемы обеспечения региона кадрами необходимой квалификации, а также отдельные параметры состояния здоровья населения. Сделаны выводы о разнонаправленных векторах демографического развития отечественных северных территорий, преобладании отрицательных миграционных процессов, а также о необходимости сохранения и дальнейшего развития человеческого капитала, величина и качество которого определяется размерами инвестиций в образование и здравоохранение. По результатам проведённого анализа можно констатировать, что для решения разнообразных и сложнейших проблем возрождения российской Арктики необходимо сохранение и дальнейшее развитие человеческого капитала региона как главного фактора инновационного экономического и социального прогресса.

Ключевые слова: Арктическая зона Российской Федерации, демография, социально-экономическое развитие, человеческий капитал, трудовые ресурсы, образование, здравоохранение.

Abstract. The article is devoted to the analysis of the demographic, social and economic situation in the Arctic zone of the Russian Federation. The prevailing demographic trends, the main indicators of the economic and social development, the labor market of the subjects of the Arctic zone of the Russian Federation, the provision the region with the necessary skilled workforce, and certain parameters of the health status of the population are studied. Conclusions are drawn about the multidirectional vectors of the demographic development of the Russian northern territories, the prevalence of negative migration processes, and the need to preserve and develop human capital, the size and quality of which is determined by the investments in education and health. On the ground of analysis' results, it could be said that the preservation and development of the human capital of the territory as the main factor of innovative economic and social progress would be necessary to solve the diverse and complex problems of the Russian Arctic revival.

Keywords: Arctic zone of the Russian Federation, demography, social and economic development, human resources, workforce, education, health.

ЖУРАВЕЛЬ В.П. Арктика как постоянно развивающееся многомерное пространство
ZHURAVEL V.P. The Arctic as a constantly evolving multidimensional space

Аннотация. В статье анализируются основные подходы к проблемам многомерности пространства Арктики и факторам повышения роли Арктического региона в современных условиях. Особо уделяется внимание анализу исследований учёных САФУ имени М.В. Ломоносова (Ю.Ф. Лукин) и Института Европы РАН (Н.М. Антюшина). Делается вывод о необходимости системной работы по формированию арктического сознания и причастности к арктическим делам у граждан России. Наряду с анализом возрастания роли России и стран Европы в Арктике в статье детально рассматриваются актуальные вопросы сотрудничества России и Китая на арктическом треке. Констатируется, что современная внешняя политика Пекина на арктическом треке в отношении России носит позитивный, деловой, в основном доброжелательный и долгосрочный характер, а возникающие проблемы и трудности решаются путём переговоров на взаимовыгодной основе. Также делается вывод, что нахождение в Арктическом совете крупных азиатских государств может привести к снижению общего градуса напряжённости в связи с последствиями разногласий между Россией и Западом по поводу ситуации в Сирии и на Украине. Предпринимается попытка определить уровень милитаризации на пространстве Арктики и её влияние на возможность возникновения конфликтов в регионе между государствами. Поддерживается предположение о том, что в современных условиях мощным фактором консолидации России может послужить собственный арктический мегапроект, рассчитанный на длительную перспективу. В статье автор использует общенаучные методы исследования, применяемые в современной политологии и гуманитарных науках: сравнительный анализ, исторический подход, институциональный и прогностические метод, в том числе и в рамках анализа возможных сценариев дальнейшего развития Арктического совета, разработанных Ю.Ф. Лукиным.

Ключевые слова: *Наталья Антюшина, Арктика, Юрий Лукин, Россия, Арктический совет, Китай, САФУ.*

ЗАГОРСКИЙ А.В. Военное строительство в Арктике в условиях конфронтации России и Запада
ZAGORSKI A.V. The Arctic defense postures in the context of the Russia-West confrontation

Аннотация. В 2015–2017 гг. в большинстве арктических стран проводился плановый обзор оборонной политики. По времени он совпал с укра-

Abstract. The author analyzes the main approaches to the multidimensionality of the Arctic and the factors that enhance the role of the Arctic in modern conditions. Special attention is paid to the research made by NArFU (Yu.F. Lukin) and the Institute of Europe of RAS (N.M. Antyushina). In conclusion the author underlines the need for systematic work on the Arctic consciousness and involvement of the Russian citizens in the Arctic affairs. Along with the analysis of the growing role of Russia and the European countries in the Arctic, the article is concerned with cooperation between Russia and China. It is revealed that Beijing's current foreign policy in the Arctic is productive, businesslike, benevolent and long-term for Russia. The emerging problems and difficulties are resolving through negotiations on a mutually beneficial basis. It is also concluded that the presence of large Asian states in the Arctic Council leads to a deescalate tensions due to disagreements between Russia and the West over the situation in Syria and Ukraine. The author tried to determine the level of militarization in the Arctic and its impact on the possibility of conflicts in the region. It is concluded that in modern conditions a long-term Arctic megaproject could become a powerful Arctic consolidation factor. In the article, the author uses methods of political science and humanities: comparative analysis, historical approach, institutional and prognostic methods, incl. the analysis of possible scenarios for the further development of the Arctic Council by Yu.F. Lukin.

Keywords: *Natalia Antyushina, Arctic, Yuriy Lukin, Russia, the Arctic Council, China, NArFU.*

Abstract. In 2015–2017, in most Arctic countries, a planned review of defense policy was carried out. It coincided with the Ukrainian crisis, the aggravation

инским кризисом, обострением отношений между Россией и Западом и активной фазой реализации масштабной программы военного строительства в российской Арктике. Анализ принятых в этот период решений позволяет судить о том, в какой степени конфронтация между Россией и Западом повлияла на военно-политическую обстановку в регионе и как может сказаться на ней в обозримом будущем. С этой целью принятые в последние годы документы стратегического военно-политического планирования арктических стран сопоставляются с их более ранними планами военного строительства в Арктике. Проведённый анализ позволяет с высокой степенью определённости сделать вывод о том, что в краткосрочной перспективе военно-политическая обстановка в регионе останется стабильной и предсказуемой. На данном этапе арктические страны не стали пересматривать свои прежние спокойные оценки военных угроз и скромные программы военного строительства в регионе. Основное внимание арктических стран-членов НАТО сосредоточено сегодня не столько на Арктике, сколько на развитии военно-политической обстановки на Балтике и в Северной Атлантике. Однако чем дольше затягивается современный кризис в отношениях России и Запада, тем больше вероятность того, что в среднесрочной и долгосрочной перспективе военно-политическая обстановка в Арктике может измениться в худшую сторону.

Ключевые слова: Арктика, Россия, арктические страны, безопасность, военно-политическая обстановка, военное строительство.

of relations between Russia and the West and the active phase of the implementation of a large-scale program of military construction in the Russian Arctic. An analysis of the decisions made during this period allows us to judge to what extent the confrontation between Russia and the West has affected the military and political situation in the region and how it can affect it in the foreseeable future. For this purpose, the documents of the strategic military-political planning of the Arctic countries adopted in recent years are compared with their earlier plans for military construction in the Arctic. The analysis allows to conclude with a high degree of certainty that in the short term the military and political situation in the region will remain stable and predictable. The Arctic countries have not reconsidered their previous calm assessments of military threats and modest military development programs in the region. The main attention of the Arctic states-members of NATO is concentrated on the Arctic not that much as it is for the development of the military-political situation in the Baltic and in the North Atlantic. However, the longer the current crisis in the relations between Russia and the West goes on, the more likely that in the medium and long-term perspective, the military and political situation in the Arctic will change for the worse.

Keywords: Arctic, Russia, Arctic states, security, military-political landscape, defense posture.

ОБЗОРЫ И СООБЩЕНИЯ REVIEWS AND REPORTS

ГОВОРОВА Н.В., ЖУРАВЕЛЬ В.П. Многоликая Арктика: горизонты развития

GOVOROVA N.V., ZHURAVEL V.P. A multidimensional Arctic: horizons of development

Аннотация. В статье представлен обзор событий и докладов представителей научного и экспертного сообщества, государственной власти, общественности и бизнеса в рамках проведённого в Москве Институтом Европы Российской академии наук в ноябре 2017 г. круглого стола «Современная Арктика: вопросы международного сотрудничества, политики, экономики и безопасности», посвящённого различным аспектам и перспективам освоения арктического региона. Основная цель мероприятия — проведение анализа рисков и возможностей в ключевых областях взаимодействия и хозяйствования в Арктике: международное сотрудничество, безопасность,

Abstract. The article presents an overview of events and presentations at the round table “Modern Arctic: Issues of International Cooperation, Politics, Economy and Security” held in Moscow in November 2017 by the Institute of Europe of RAS and devoted to various aspects and prospects of the development of the Arctic. The main goal of the event was to analyze risks and opportunities in key areas of cooperation and management in the Arctic: international cooperation, security, economy, ecology and social sphere. And, the formation of the Arctic consciousness and involvement in the Arctic issues with the help of mass media that covered the event widely, electronic and printed scientific publications

экономика, экология и социальная сфера. А также формирование у широких слоёв населения арктического сознания и причастности к Арктике с помощью СМИ, широко освещавших мероприятие, и электронных и печатных научных изданий по его результатам.

Ключевые слова: Арктика, Арктическая зона Российской Федерации, международное сотрудничество, безопасность, экономика, экология, человеческий капитал.

based on its results.

Keywords: the Arctic, Arctic zone of the Russian Federation, international cooperation, security, economy, ecology, human capital.

МАКСИМОВ А.М. Вышел в свет новый научный труд о хозяйственном и социокультурном освоении российской Арктики

MAXIMOV A.M. A new scientific publication on the economic and socio-cultural development of the Russian Arctic

Аннотация. Обзор на книгу Н.Ю. Замятиной и А.Н. Пилясова «Российская Арктика: к новому пониманию процессов освоения» знакомит читателя с новой научной работой по арктической тематике. Предлагаемая вниманию книга разнообразна: в ней уделено внимание территориальному размещению и экономике арктических городов, циклам освоения арктических территорий, специфике и перспективам арктического предпринимательства, закономерностям динамики человеческого капитала и возможностям технологических инноваций в российской Арктике. Книга содержит большой объем статистических данных, богато иллюстрирована диаграммами и картами. Книга Н.Ю. Замятиной и А.Н. Пилясова будет интересна не только специалистам в сфере экономической географии, но и представителям социальных и гуманитарных наук.

Ключевые слова: российская Арктика, фронтир, инновационный поиск, арктическое предпринимательство, города-базы.

Abstract. The article represents a review of the book by N.U. Zamyatina and A.N. Pilyasov "The Russian Arctic: towards new understanding of the development processes" and provides the reader with a new scientific publication on the Arctic topic. The book is very diverse in its subject matter. It focuses on the location and economy of the Arctic towns, the cycles of the development of the Arctic territories, the specifics and prospects of the Arctic business, the regularities of human capital dynamics and the opportunities for technological innovation in the Russian Arctic. The book contains a large amount of statistical data and it is well-illustrated with diagrams and maps. The book by N.U. Zamyatina and A.N. Pilyasov will be of interest not only to specialists in the economic geography, but also to researchers of social sciences and humanities.

Keywords: Russian Arctic, frontier, innovative search, arctic entrepreneurship, town-bases.

НИЛЬСЕН Й.П., ТЕВЛИНА В.В. Большое научное турне на Севере России

NIELSEN J.P. A great scientific tour in the North of Russia

Аннотация. Освещение различных вопросов, связанных с российско-норвежскими отношениями, традиционно является важным для жителей обоих государств. Возможности представить новые документы и материалы, обсудить значимость многовековых добрососедских связей между Россией и Норвегией, особенно на Севере, предоставляются нечасто. И вот в конце апреля 2018 г. состоялись масштабные научные мероприятия в Никеле и в Мурманске, посвященные именно этой теме. Так, в течение 3 дней в Никеле проходил научно-практический семинар «Россия, Норвегия

Abstract. The coverage of various issues related to the Russian-Norwegian relations has always been important for the residents of both countries. Opportunities to present new documents and materials, to discuss the importance of centuries-old good neighborly relations between Russia and Norway, especially in the North, are not provided often. At the end of April 2018, large-scale scholarly events, devoted specifically to this topic, took place in Nickel and Murmansk. So, a scientific-practical seminar "Russia, Norway and the North. Historical relations" was held in Nickel on April 25 and on the next day in

и их Севера. Исторические взаимоотношения», а затем в Мурманске — международная конференция «Соседи на Крайнем Севере: исторические связи России и Норвегии». Одним из поводов проведения научных дискуссий стало представление впервые написанной совместно норвежскими и российскими учёными в результате многолетнего мега-проекта в области истории (2008–2016) коллективной монографии «Сближение: Россия и Норвегия в 1814–1917 годах» (ред. Й.П. Нильсен). Книга была издана на русском языке в Москве в ноябре 2017 г. после трёхлетней работы над ней. Она стала переводом монографии, дополненной документами и фотоматериалами, об истории российско-норвежских отношений в XIX — начале XX в., которая первоначально вышла на норвежском языке в Осло (Pax Forlag AS) под названием «Russland kommer nærmere» в 2014 г.

Ключевые слова: *российско-норвежские отношения, Север России и Норвегии, сотрудничество в исторической науке, добрососедские связи, международный семинар и конференция в Никеле и Мурманске, туризм, пограничье, русская эмиграция.*

Murmansk the international conference “Neighbors in the Far North: historical ties between Russia and Norway” took place. One of the reasons for these measures was the presentation of the collective monograph “Getting closer: Russia and Norway 1814–1917”. The book was written jointly by Norwegian and Russian historians within the framework of a long-lasting historical megaproject (2008–2015) (led by J.P. Nielsen, AHR, UIT-The Arctic University of Norway). In November 2017 the book was published in Russian in Moscow by the Ves’ Mir publishing house after three years of preparation. It is the translation of a monograph, richly illustrated, about the history of Russian-Norwegian relations in the nineteenth and early twentieth centuries, originally published in Norwegian by the Pax Forlag AS, Oslo under the title “Russland kommer nærmere» in 2014.

Keywords: *Russian-Norwegian relations, North of Russia and Norway, cooperation in history, good-neighborly relations, international seminar and conference in Nikel and Murmansk, tourism, borderland, Russian emigration.*

Редакционный совет журнала «Арктика и Север» Editorial board of the “Arctic and North” journal

1. Alfred Colpaert (Альфред Кулпарт), доктор географических наук, профессор физической географии и геоинформатики, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
2. Arild Moe (Арилд Мое), кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт Фритьофа Нансена, Норвегия.
3. Jens Petter Nielsen (Йенс Петтер Нильсен), доктор исторических наук, профессор отделения истории и религиоведения, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
4. Jukka Nyysönen (Юкка Нюссонен), доктор философии, профессор отделения культурологии, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
5. Lassi Heininen (Ласси Хайнинен), доктор политических наук, профессор арктической политики, отделение социальных наук, Университет Лапландии, Финляндия.
6. Maria Lähteenmäki (Мария Лахтенмаки), доктор философских наук, профессор истории, отделение географии и истории, Университет Восточной Финляндии.
7. Natalia Loukacheva (Лукашева Наталья Вячеславовна), доктор юридических наук, заведующая кафедрой управления и прав коренных народов, отделение политических наук, Университет Британской Колумбии, Канада.
8. Andrey N. Petrov (Петров Андрей Николаевич), Ph.D. (география), адъюнкт-профессор (доцент) кафедры географии, директор Центра междисциплинарных исследований Арктики, отдалённых и холодных территорий, Университет Северной Айовы, США.
9. Øyvind Ravna (Ойвинд Равна), доктор юридических наук, профессор права юридического факультета, Университет Тромсё — Арктический университет Норвегии.
10. Paul Josephson (Пол Джозефсон), доктор политических наук, профессор, отделение истории, Колби Колледж, США.
11. Голохваст Кирилл Сергеевич, доктор биологических наук, проректор по научной работе, Дальневосточный федеральный университет.
12. Дрегалю Александр Алексеевич, доктор философских наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
13. Зайков Константин Сергеевич, кандидат исторических наук, доктор философии, проректор по международному сотрудничеству, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
14. Кефели Игорь Фёдорович, доктор философских наук, профессор, зав. кафедрой глобалистики и геополитики Балтийского государственного технического университета «Военмех» имени Д.Ф. Устинова. Главный редактор журнала «Геополитика и безопасность». Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
15. Котляков Владимир Михайлович, доктор географических наук, профессор, директор Института географии РАН (Москва). Действительный член Российской Академии наук, член Европейской академии наук, иностранный член Французской и Грузинской академий наук. Учёная степень Doctor Honoris Causa Тбилисского государственного университета. Почётный член Американского, Мексиканского, Итальянского, Грузинского, Эстонского и Украинского географических обществ, Почётный президент Русского географического общества. Член Межправительственной группы экспертов по проблеме изменения климата, удостоенной (2007) Нобелевской премии мира. Лауреат 11 золо-

- тых медалей и премий, в том числе Государственной премии РФ в области науки и техники (2001).
16. Кудряшова Елена Владимировна, доктор философских наук, профессор, ректор, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
  17. Лукин Юрий Федорович, доктор исторических наук, профессор. Заслуженный работник высшей школы Российской Федерации.
  18. Маслобоев Владимир Алексеевич, доктор технических наук, профессор, директор Института проблем промышленной экологии Севера Кольского научного центра Российской академии наук (ИППЭС КНЦ РАН).
  19. Сергиенко Людмила Александровна, доктор биологических наук, профессор кафедры ботаники и физиологии растений Института биологии, экологии и агротехнологий, Петрозаводский государственный университет.
  20. Сергунин Александр Анатольевич, доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений факультета международных отношений, Санкт-Петербургский государственный университет.
  21. Сизова Ирина Леонидовна, доктор социологических наук, профессор кафедры прикладной и отраслевой социологии, Санкт-Петербургский государственный университет.
  22. Соколова Флера Харисовна, доктор исторических наук, профессор кафедры регионоведения, международных отношений и политологии, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
  23. Титова Вера Эдуардовна, доктор экономических наук, кандидат геолого-минералогических наук, профессор, директор Центра «Недропользование в арктических регионах: экономические и правовые аспекты», Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова.
  24. Ульяновский Виктор Иванович, доктор социологических наук, профессор кафедры государственного и муниципального управления, Северный (Арктический) федеральный университет имени М.В. Ломоносова. Почётный работник высшего профессионального образования России.
  25. Фаузер Виктор Вильгельмович, доктор экономических наук, профессор, заведующий отделом социально-экономических проблем, Институт социально-экономических и энергетических проблем Севера Коми научного центра УрО РАН. Заслуженный деятель науки Российской Федерации
  26. Федоров Павел Викторович, доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Президентской библиотеки имени Б.Н. Ельцина, руководитель лаборатории геокультурных исследований и разработок Автономной некоммерческой организации ВПО «Международный банковский институт»).

Утверждён на заседании редакции журнала «Арктика и Север»

30 марта 2018 года

Веб-версия доступна по ссылке:
<https://narfu.ru/aan/DOCS/redsovet.php>

Выходные данные Output data

АРКТИКА и СЕВЕР. 2018. № 31

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31

Главный редактор — Кудряшова Елена Владимировна.

Ответственный секретарь — Шепелев Евгений Александрович. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Редактор — Грошева Татьяна Евгеньевна. E-mail: t.grosheva@narfu.ru

Художественный редактор (английская версия) — Котлова Екатерина Сергеевна.

E-mail: e.kotlova@narfu.ru

Размещение на сайте — Шепелев Евгений Александрович.

Свидетельство о регистрации — Эл № ФС77-42809 от 26 ноября 2010 года

Учредитель — ФГАОУ ВО «Северный (Арктический) федеральный университет имени М. В. Ломоносова»

Адрес учредителя: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17

Адрес для писем и иной корреспонденции: Россия, 163002, г. Архангельск, наб. Северной Двины, д. 17, редакция журнала «Арктика и Север»

Электронный адрес редакции: e.shepelev@narfu.ru

Подписано «в печать» для размещения на сайте <http://narfu.ru/aan> — 28.06.2018

ARCTIC and NORTH, 2018, no. 31

DOI: 10.17238/issn2221-2698.2018.31

Editor-in-chief — Kudryashova E.V.

Executive secretary — Shepelev E.A. E-mail: e.shepelev@narfu.ru

Editor — Grosheva T.E. E-mail: t.grosheva@narfu.ru

Art editor (English version) — Kotlova E.S. E-mail: e.kotlova@narfu.ru

Placement on the webpage by E.A. Shepelev.

Registration certificate El № FS77-42809 from November 26, 2010

Founder — Northern (Arctic) Federal University named after M.V. Lomonosov

Address of the founder: 17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002

Address for letters and other correspondence: “Arctic and North” journal, 17, Northern Dvina Embankment, Arkhangelsk, Russia, 163002

E-mail address of the editorial office: e.shepelev@narfu.ru

Signed for placement on the webpage <http://narfu.ru/aan> on 28.06.2018